

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2022

VESTNIK RGGU. Seriya “Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, History of pedagogy and education

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, Personality psychology, History of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal “Psychology. Pedagogics. Education” publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts; to promote the integration of academic and university science; stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolv, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелобина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко, доктор психологических наук, Институт психологии РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D., профессор, Университет Гумбольдта, Берлин, Германия

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Contents

From the editor 10

Thematic reports

Natalia S. Poleva

Psychology of transitivity:
types of space and psychological chronotope 14

Empirical research

Tatyana D. Martsinkovskaya

Experiencing crisis of transitivity in real and virtual Spaces:
personal and social context 30

Vasilisa R. Orestova, Olga S. Philippova

Psychological characteristics of people actively
using virtual and additional space 41

Tatyana P. Emelyanova, Eva N. Vikentieva, Semyon V. Tarasov

Urban identity and image of the future in two cities:
generation factor 57

Dmitry A. Khoroshilov, Dmitry S. Mashkov

Study of magic in modern society through the prism
of biography (on the example of a narrative analysis
of the life history) 79

Anna S. Nelyubina, Ksenia A. Sundureva

Choice of behavioral strategy regarding vaccination
against COVID-19 91

Oksana V. Gavrichenko

Features of experiencing the COVID-19 pandemic
situation by people of creative and non-creative
professions 105

<i>Ekaterina A. Kiseleva, Kristina S. Komissarova</i> Modern models of mixed education	122
<i>Olga V. Grebennikova</i> Actualization of values in youth in transitivity optics	133
<i>Elena V. Bakhadova, Alena M. Makarova</i> Psychological and personal characteristics of younger schoolchildren, prone to deviant behavior	149

Содержание

От редактора 10

Тематические сообщения

Н.С. Полева

Психология транзитивности:
виды пространства и психологический хронотоп 14

Эмпирические исследования

Т.Д. Марцинковская

Переживание кризиса транзитивности
в реальном и виртуальном пространствах:
личностный и социальный контекст 30

В.Р. Орестова, О.С. Филиппова

Психологические характеристики людей,
активно использующих виртуальное и дополнительное
пространства 41

Т.П. Емельянова, Е.Н. Викентьева, С.В. Тарасов

Городская идентичность и образ будущего в двух городах:
фактор поколения 57

Д.А. Хорошилов, Д.С. Машков

Исследование магии в современном обществе
сквозь призму биографии (на примере нарративного анализа
жизненной истории) 79

А.С. Нелюбина, К.А. Сундурева

Выбор стратегии поведения относительно вакцинации против
COVID-19 91

О.В. Гавриченко

Особенности переживания ситуации пандемии COVID-19
людьми творческой и не творческой профессии 105

<i>Е.А. Киселева, К.С. Комиссарова</i> Современные модели смешанного образования	122
<i>О.В. Гребенникова</i> Актуализация ценностей в юношеском возрасте в оптике транзитивности	133
<i>Е.В. Бахадова, А.М. Макарова</i> Психологические и личностные особенности младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению	149

От редактора

Дорогие коллеги, представляю последний в этом году номер нашего журнала.

Открывают этот номер две статьи, рассматривающие проблемы, которые ставит перед наукой современной транзитивное, то есть изменчивое и неопределенное общество.

Первая теоретическая статья Н.С. Полевой «Психология транзитивности: виды пространства и психологический хронотоп» рассматривает концепцию хронотопа в контексте смешанного пространства. Этот подход помогает не только выявить позитивные моменты гетерохронности хронотопа при активности в двух пространствах, но и соединить понятие гетерохронности в концепции гетеротипии М. Фуко.

Статья Т.Д. Марцинковской «Переживание кризиса транзитивности в реальном и виртуальном пространствах: личный и социальный контекст» раскрываются факторы, влияющие на психическое состояние людей в ситуации транзитивности. Показывается роль смешанного пространства в преодолении тревоги, а также возможные варианты использования дополнительного и виртуального пространств на адаптацию людей к жестким кризисам.

Тема смешанного пространства и его влияние на психологическое состояние людей продолжена в работе В.Р. Орестовой и О.С. Филипповой «Психологические характеристики людей, активно использующих виртуальное и дополнительное пространства». В работе раскрываются характеристики людей, предпочитающих разные способы коммуникации: видеосвязь в интернет-коммуникациях, виртуального и реального взаимодействия.

В статье Т.П. Емельяновой, Е.В. Викентьевой и С.В. Тарасова «Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения» представлен анализ городской идентичности и образа будущего в четырех поколениях жителей двух городов – Москвы и приполярного моногорода Сургута.

В статье «Исследование магии в современном обществе сквозь призму биографии (на примере нарративного анализа жизненной истории)» Д.А. Хорошилова и Д.С. Машкова описываются результаты теоретического и эмпирического исследования феномена «Ренессанса» магических практик в современном изменяющемся обществе, проиллюстрированные материалами нарративного интервью с астрологом.

Тема COVID-19 остается актуальной и в настоящее время. Этой проблеме посвящены две статьи данного выпуска. В работе

А.С. Нелюбиной К.А. Сундуревой «Выбор стратегии поведения относительно вакцинации против COVID-19» показано, что принятие решения о вакцинации от COVID-19 связано с представлениями о пандемии, а не с уровнем толерантности к неопределенности и локусом контроля.

Результаты исследования О.В. Гавриченко «Особенности переживания ситуации пандемии COVID-19 людьми творческой и не творческой профессии» демонстрируют, что представители творческой сферы деятельности более успешно прошли ситуацию самоизоляции в условиях пандемии COVID-19 благодаря индивидуально-личностным характеристикам.

В статье Е.А. Киселевой и К.С. Комиссаровой «Современные модели смешанного образования» рассматриваются современные условия проведения образовательного процесса в результате внедрения в него ИТ-ресурсов и отражены сильные и слабые стороны смешанного формата обучения.

О.В. Гребенникова в статье «Актуализация ценностей в юношеском возрасте в оптике транзитивности» показывает, что в ситуации транзитивности базовыми ценностями являются любовь и материально обеспеченная жизнь, в то время как образованность рассматривается как ведущая инструментальная ценность.

В статье «Психологические и личностные особенности младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению» Е.В. Бахадовой и А.М. Макаровой изучались предпосылки социальной дезадаптации и отклоняющегося поведения в предпубертальном возрасте. Авторы выявили важные различия между характеристиками учащихся с девиантным поведением и без такового.

И, конечно, поздравляю всех с наступающим Новым годом и желаю всем нашим авторам и читателям здоровья и благополучия!

From the editor

Dear colleagues, I am glad to present the last in this year issue of our journal.

This volume opens with two articles that examine the problem of the transitivity that the changeable and indefinite society poses to modern science.

The first theoretical article by N.S. Poleva “Psychology of transitivity: types of space and psychological chronotope” considers the concept of chronotope in the context of mixed space. This approach helps not only to reveal the positive aspects of the heterochrony of the chronotope during activity in two spaces, but also to combine the concept of heterochrony in the concept of M. Foucault’s heterotype.

Article written by T.D. Martsinkoskaya “Experiencing the crisis of transitivity in real and virtual spaces: personal and social context” reveals the factors that affect the mental state of people in a situation of transitivity. The role of mixed space in overcoming anxiety is shown, as well as possible options for using additional and virtual spaces to adapt people to rigid crises.

The theme of mixed space and its influence on the psychological state of people is continued in the work of V.R. Orestova and O.S. Filippova “Psychological characteristics of people actively using virtual and additional spaces”. The paper reveals the characteristics of people who prefer different ways of communication: video internet communications, virtual and real interaction.

The article by T.P. Emelyanova, E.V. Vikentieva and S.V. Tarasov “Urban identity and the image of the future in two cities: generation factor” presents an analysis of urban identity and the image of the future in four generations of residents of two cities – Moscow and the subpolar monotown of Surgut.

D.A. Khoroshilov and D.S. Mashkov describe the results of a theoretical and empirical study of the phenomenon of the “Renaissance” of magical practices in a modern changing society, illustrated by the materials of a narrative interview with an astrologer.

The topic of COVID-19 remains relevant at the present time. Two articles in this issue are devoted to this problem. In the work of A.S. Nelyubina and K.A. Sundureva “Choosing a behavioral strategy for vaccination against COVID-19” shows that the decision to vaccinate against COVID-19 is associated with ideas about the pandemic, and not with the level of tolerance for uncertainty and the locus of control.

The results of the study by O.V. Gavrichenko “Peculiarities of experiencing the situation of the COVID-19 pandemic by people of creative and non-creative professions” demonstrate that representatives

of the creative field of activity more successfully experience the situation of self-isolation in the context of the COVID-19 pandemic due to individual and personal characteristics.

In the article by E.A. Kiseleva and K.S. Komissarova “Modern models of mixed education” examines the current conditions of the educational process as a result of the introduction of IT resources into it and reflects the strengths and weaknesses of the such learning format.

O.V. Grebennikova in the article “Actualization of values in adolescence in the optics of transitivity” shows that in a situation of transitivity, the basic values are love and a materially secure life, while education is considered as the leading instrumental value.

In the article “Psychological and personal characteristics of younger students with a tendency to deviant behavior” E.V. Bakhadova and A.M. Makarova studied the prerequisites for social maladaptation and deviant behavior in preadolescence. The authors identified important differences between the characteristics of children with and without deviant behavior.

And, of course, I congratulate everyone on the upcoming New Year and wish all our authors and readers health and prosperity!

Тематические сообщения

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-14-29

Психология транзитивности: виды пространства и психологический хронотоп

Наталья С. Полева

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Россия, proleva@mail.ru*

Аннотация. Отсутствие единого универсального понятия «смешанная реальность» предполагает важность контекста для его понимания и интерпретации. Психологический контекст понимания пространства смешанной реальности, или смешанного пространства, в психологии транзитивности анализируется с использованием конструкта «психологический хронотоп». Устанавливается, что наличие объективного пространственно-временного континуума смешанной реальности в структуре хронотопа не всегда гарантирует его представленность на субъективном уровне, что свидетельствует о гетерохронности его объективных и субъективных составляющих. При условии восприятия и переживания человеком наложений и пересечений реального и виртуального измерения как единого пространственно-временного континуума на субъективном уровне он будет переживаться как континуум смешанной реальности. В случае гетерохронности реальный и виртуальный пространственно-временные континуумы на субъективном уровне воспринимаются и переживаются как непересекающиеся реальности онлайн и офлайн. Для определения смешанной реальности в социально-психологическом контексте ключевым моментом является эмоциональная составляющая – отношение и переживание человеком среды своего бытования именно как смешанной реальности. Предпринимается попытка перенесения исследовательского фокуса на такое свойство хронотопа, как гетеротопность, и использования концепта гетеротопии М. Фуко в качестве инструмента анализа пространства виртуальной реальности. В научной или художественной рефлексии обращение к гетеротопии при решении исследовательских задач связано с противопоставлением определенного пространства остальным существующим пространствам и наделением его чертами «дружости», «инаковости». Это создает возможность отобразить смысловую многогранность исследуемого пространства через выявление и интерпретацию смыслов,

вложенных в его понимание. Подчеркивается, что сама структура хронотопа не предполагает гомогенности и включает в себя множество различных пространств. Поэтому концепт психологического хронотопа может считаться релевантным и самодостаточным для их анализа.

Ключевые слова: психология транзитивности, психологический хронотоп, пространство смешанной реальности, виртуальное пространство, гетеротопия

Для цитирования: Полева Н.С. Психология транзитивности: виды пространства и психологический хронотоп // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 14–29. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-14-29

Psychology of transitivity: types of space and psychological chronotope

Natalia S. Poleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Psychological Institute of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, npoleva@mail.ru*

Abstract. The absence of a single universal concept of mixed “reality” suggests the importance of context for its understanding and interpretation. The psychological context of understanding the space of mixed reality or mixed space in the psychology of transitivity is analyzed using the construct “psychological chronotope”. It is established that the presence of an objective space-time continuum of mixed reality in the structure of the chronotope does not always guarantee its representation at the subjective level, which indicates the heterochrony of its objective and subjective components. It is provided that a person perceives and experiences overlaps and intersections of the real and virtual dimensions as a single space-time continuum at the subjective level, it will be experienced as a continuum of mixed reality. In the case of heterochrony, the real and virtual space-time continuums are perceived and experienced at the subjective level as non-intersecting online and offline realities. To define mixed reality in a socio-psychological context, the key point is the emotional component – the attitude and human experience of his living environment as a mixed reality. An attempt is made to transfer the research focus to such a property of the chronotope as heterotopy and use the concept of heterotopy by M. Foucault as a tool for analyzing the space of virtual reality. In scientific or artistic reflection, the appeal to heterotopia in solving research problems is associated with the opposition of a certain space to other existing spaces and endowing it with the features of “otherness”. This creates an opportunity to display the semantic versatility of the space under study through the identification and interpretation of the meanings embedded

in its understanding. It is emphasized that the very structure of the chronotope does not imply homogeneity and includes many different spaces. Therefore, the concept of psychological chronotope can be considered relevant and self-sufficient for their analysis.

Keywords: psychology of transitivity, psychological chronotope, mixed reality space, virtual space, heterotopia

For citation: Poleva, N.S. (2022), "Psychology of transitivity: types of space and psychological chronotope", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 14–29, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-14-29

Введение:

концепт психологического хронотопа как инструмент теоретического анализа различных видов пространств

Методология психологии транзитивности активно использует теоретический конструкт пространства и его разновидностей – жизненное пространство, психологическое, социальное, личностное, виртуальное, цифровое и информационное пространства [Марцинковская 2020]. Понимание транзитивности как онтологической характеристики мира в эпоху цифровой трансформации позволяет говорить о транзитивном пространстве как о реальном жизненном пространстве существования современного человека. Конструирование новой теоретической модели и исследовательской парадигмы психологии транзитивности постулирует связь и конвергенцию транзитивного и виртуального пространства. При этом пространство Интернет рассматривается не как единое пространство, а дифференцируется на сетевое, виртуальное, дополнительное в их различных проявлениях и способах существования. Так связь транзитивного и сетевого пространства (как виртуального пространства социальных сетей) проявляется в неопределенности и множественности контекстов, языков, групп, сообществ, вариантов идентичности. Неопределенность обоих пространств тесно связана с изменчивостью [Марцинковская 2019а].

Одним из ключевых теоретических конструктов психологии транзитивности является «психологический хронотоп», понимаемый как целостный пространственно-временной континуум существования человека, интегрирующий объективные исторические и социокультурные параметры пространства-времени с субъективным, индивидуальным пространством-временем. Развитие Интернета и цифровых технологий дополняет координатную сетку хронотопа виртуальным пространством и временем [Марцинковская 2015, Марцинковская 2017].

Основная роль в сохранении целостности психологического хронотопа принадлежит переживанию. Именно за счет отношения, переживания обеспечивается интеграция объективных и субъективных составляющих хронотопа, происходит интернализация объективного социокультурного содержания в субъективную картину мира человека и себя в этом мире. Таким образом, психологический хронотоп предполагает единство пространства, времени и переживания как эмоциональной составляющей. В периоды стабильности сложная структура хронотопа обладает относительной устойчивостью.

Хронотоп, в том числе, и психологический хронотоп, обладает гетерохронностью. Это свойство хронотопа отражает рассогласованность, нарушения связи между пространством и временем, либо разорванность пространства и времени. Под влиянием кризисов различной этиологии, в ситуации транзитивности усиливается гетерохронность между объективными, социальными и субъективными, личностными составляющими. При этом объективное и субъективное пространство/время могут в значительной степени расходиться. Кроме этого, могут происходить разрывы субъективного времени и пространства [Марцинковская 2017; Марцинковская, Балашова 2017]. Такая рассогласованность и разрывы времени и пространства сопровождаются переживаниями эмоционального дискомфорта. Таким образом, переживания не только обеспечивают целостность пространственно-временного континуума, но и маркируют его гетерохронность, сигнализируя о расхождениях и несоответствии объективного и личностного пространства/времени. Гетерохронность хронотопа создает энергию и интенцию как для восстановления гомеостаза, относительной устойчивости его составляющих, так и для потенциала возможных изменений.

Гибкость теоретической модели психологии транзитивности позволяет вносить трансформации в первоначальную версию конструкта психологического хронотопа, которые релевантны актуальным изменениям социокультурной ситуации, происходящим в транзитивном обществе, а также зависят от целей и задач исследования. Так, например, в исследованиях личности в ситуации транзитивности и последствий фрустрации жизненного пространства человека в период пандемии COVID-19 в фокусе исследования оказываются соотношения объективного настоящего пространства и времени с субъективным настоящим временем и пространством [Марцинковская 2021]. Важно отметить, что такие трансформации призваны сделать более «выпуклыми» одни составляющие хронотопа и затенить другие по принципу фигуры-фона, не нарушая целостности пространственно-временного континуума.

Целью статьи является теоретическое обоснование проблемы пространства смешанной реальности (или смешанного пространства) с использованием конструкта психологической хронотоп, при этом предполагается основной акцент в исследовании сместить на объективные и субъективные составляющие реального и виртуального измерений хронотопа. Кроме этого, в статье предпринимается попытка перенесения исследовательского фокуса на такое свойство хронотопа, как гетеротопность, и использования концепта «гетеротопии» М. Фуко в качестве инструмента анализа пространства виртуальной реальности.

Психологический хронотоп и пространство смешанной реальности

Обращаясь к проблеме смешанного пространства как пространства смешанной реальности, следует отметить важность контекста в его интерпретации и определении, которую подчеркивали Спайчер, Холл и Небелинг в своей статье, фиксируя отсутствие единого универсального понятия «смешанная реальность» в современных публикациях [Speicher et al. 2019].

При подходе психологии транзитивности к исследованию смешанного пространства определяющим выступает социально-психологический контекст, а не особенности иммерсивных технологий, которые служат инструментом, опосредующим конструирование смешанной реальности. Поэтому основными проблемами исследования становятся проблемы особенностей «проживания» и переживания человеком нового опыта бытования в транзитивном пространстве смешанной реальности, объединяющей онлайн и офлайн модусы человеческого существования. В таком контексте смешанная реальность понимается в большей мере как расширенная и дополненная реальность. То есть это офлайн реальность, чьи отдельные сферы (прежде всего, такие, как общение и коммуникация) расширены и дополнены онлайн форматами, опосредованными цифровыми технологиями. Таким образом, в психологии транзитивности смешанная реальность – это пространство, образованное в результате конвергенции виртуального и транзитивного пространств и нивелирования границ онлайн и офлайн. Учитывая общность характеристик транзитивности реального и Интернет-пространства, можно говорить и о транзитивности смешанной реальности или о «новой нормальности» как о транзитивном пространстве смешанной реальности.

Изменения социокультурной ситуации детерминируют трансформацию пространственно-временного континуума психологического хронотопа. Говоря о смешанной реальности, можно предположить возникновение частичных наложений объективных

составляющих реального и виртуального пространства и времени в структуре хронотопа. При этом гетерохронность может маркировать расхождения между объективными и субъективными составляющими пространственно-временного континуума, представленного реальным и виртуальным измерением. Так исследования частоты и интенсивности пользовательской активности показывают, что подростки склонны ощущать себя живущими одновременно в двух реальностях и переключаться между ними в зависимости от задач текущей ситуации, при этом каждый второй подросток и каждый пятый родитель воспринимают среду своего бытования именно как смешанную реальность, не разделенную на офлайн и онлайн форматы. Родители чаще, чем подростки, считают, что живут преимущественно в реальном мире, и онлайн реальность в их восприятии не пересекается с миром офлайн [Солдатова, Рассказова 2020]. Результаты исследования позволяют высказать предположение, что сам факт наличия объективного пространственно-временного континуума смешанной реальности в структуре хронотопа не всегда гарантирует его представленность на субъективном уровне, что свидетельствует о гетерохронности его объективных и субъективных составляющих. При условии восприятия и переживания человеком наложений и пересечений реального и виртуального измерения как единого пространственно-временного континуума, на субъективном уровне он будет переживаться как континуум смешанной реальности. В этом случае объективные и субъективные составляющие психологического хронотопа будут находиться в состоянии относительного соответствия. При гетерохронности реальный и виртуальный пространственно-временные континуумы на субъективном уровне воспринимаются и переживаются как самостоятельные не пересекающиеся реальности онлайн и офлайн. Таким образом, можно предположить, что для понимания и определения смешанной реальности в социально-психологическом контексте ключевым моментом является эмоциональная составляющая – отношение и переживание человеком среды своего бытования именно как смешанной реальности. При всей важности такого фактора, как увеличение количества времени, проведенного онлайн, а также цифровой компетентности в плане инструментального и операционального аспекта владения цифровыми технологиями, определяющим фактором для психологии транзитивности является переживание новой современной реальности как смешанной реальности. Являясь активным пользователем Интернета, обладая цифровой компетентностью, человек объективно может жить в смешанной реальности, но субъективно воспринимать и переживать цифровую среду как «другое» пространство.

Предложенная схема теоретического анализа смешанного пространства как пространства смешанной реальности с использованием конструкта психологического хронотопа адекватна и для анализа цифровой повседневности. Цифровая повседневность – это новая форма повседневности, которая связана с социальными сетями, новыми формами взаимодействия и коммуникации человека с миром, с другими людьми и с собой. При этом транзитивное и виртуальное пространство становятся новой психологией повседневности [Марцинковская 2019b, с. 316; Марцинковская 2018]. Исходя из этого, в широком контексте можно определить цифровую повседневность как повседневную жизнь современного человека в смешанной реальности, опосредованной интернет-технологиями, создающими единство и взаимопротекания офлайн и онлайн форматов человеческого существования. Если в эпоху начала распространения Интернета и персональных компьютеров технологии «заставляют» человека «выходить», «погружаться» в созданное ими виртуальное пространство, то на современном этапе технологии сами пронизывают все сферы повседневности человека, рутинизируются и становятся «невидимыми» [Weiser 1991; Рубцова 2019]. Таким образом, понятие пространства смешанной реальности соотносится с понятиями «цифровая повседневность» и «цифровой образ жизни». Как и в феномене восприятия и отношения человека к смешанной реальности, психологический контекст цифровой повседневности будет определяться восприятием-отношением человека к инновационным технологиям и их переживанием, т.е. согласованностью или гетерохронностью объективного и субъективного пространства-времени в реальном и виртуальном измерениях психологического хронотопа, Либо, имея доступ к цифровым технологиям и пользовательский онлайн-опыт, человек каждое свое взаимодействие с Интернет-технологиями будет переживать как «выход» в виртуальное пространство и его «другость». Либо в ситуации использования цифровых технологий реальное и виртуальное измерения объективного и субъективного пространства-времени его психологического хронотопа будут частично пересекаться друг с другом, образуя единый пространственно-временной континуум, и человек не будет замечать/фиксировать каждое свое обращение к Интернету как любую другую рутину повседневности. В первом случае субъективно человек не воспринимает, не проживает свою объективную повседневность как цифровую, во втором – и объективно, и субъективно его повседневность является цифровой повседневностью.

Виртуальное пространство как гетеротопия

Кроме гетерохронности, можно выделить гетеротопность как еще одно свойство психологического хронотопа [Марцинковская, Балашова 2017] и предпринять попытку исследования виртуального пространства (точнее, виртуальных пространств), ориентируясь на концепцию гетеротопии Мишеля Фуко. При этом следует отметить, что целесообразность использования рабочего концепта «гетеротопии» не является однозначно очевидной и вызывает ряд больших сомнений.

Термин «гетеротопия» (фр. *hétérotopie*) был предложен Мишелем Фуко в работе «Слова и вещи» (1966), а затем в докладе для архитекторов «Другие пространства» (1967), который был опубликован только в 1984 году. Термин получает широкое распространение в гуманитарных науках и становится инструментом анализа особенностей различных социальных и культурных пространств, анализа художественных текстов, проблем урбанистики и др. Гетеротопии определяются Фуко как «другие» пространства, обладающие шестью основными характеристиками, которые становятся методическими принципами описания пространств.

Согласно первому принципу, все культуры порождают гетеротопии. Фуко выделяет два основных типа гетеротопий – кризисные и девиационные (психиатрические клиники, тюрьмы, дома престарелых, больницы и др.). Единой, универсальной формы гетеротопии, по мнению Фуко, не существует, и каждая культура создает свои собственные формы. Отсюда, можно сказать, что современная культура как информационная культура нового типа предъявляет свою новую форму гетеротопии – виртуальное/цифровое пространство. Отметим, что кроме «сети» и «паутины», одной из самых распространенных и популярных метафор Интернета является пространственная. Киберпространство, виртуальное пространство – это место, сайт. По аналогии с метафорой корабля Фуко, это «гетеротопия по преимуществу», «место без места», которое замкнуто на себе и в то же время предоставлено бесконечности моря [Фуко 2006, с. 204]. Свойства транзитивности виртуального пространства проявляются, в том числе, и во множественности, поэтому, являясь гетеротопией, виртуальное пространство включает в себя множество других пространств – гетеротопий таких, как пространства социальных сетей, различных интернет-платформ и сайтов, пространства виртуальных игр и т.д. [Баева 2015].

Второй принцип описания – исторический характер гетеротопий. На протяжении истории существования общества под

влиянием культуры гетеротопии могут изменяться, приобретать новые функции и новые значения. В качестве примера Фуко обращается к гетеротопии кладбища, которое является иным местом по отношению к обычным культурным пространствам. С конца XVIII в. в европейской культуре кладбища располагались в центре города рядом с церковью, на протяжении XIX в. кладбища ассоциируются с заражением и болезнью и начинают перемещаться в пригороды, образуя «уже не священный и бессмертный воздух города, но «иной город», где каждая семья обладает собственным черным жилищем» [Фуко 2006, с. 198–199]. История создания и распространения Интернета показывает, что изначально он был предназначен для использования профессионалами, затем пользователями становятся счастливые обладатели модемов, а потом и выделенных проводных линий. Сегодня пользователем мобильного интернета является каждый обладатель смартфона, имея возможность постоянного доступа к Интернету, практически постоянно находясь в режиме «онлайн». В цифровой культуре стремительную трансформацию и расширение переживают и функции Интернета – от первоначального общения, блогов, ЖЖ до СМИ, образования, финансов, шопинга, медицины, релаксационных функций и т.д., когда цифровизация охватывает практически все основные сферы жизни человека и общества.

Согласно третьему принципу, гетеротопии обладают свойством объединять в одном реальном пространстве несколько пространств, местоположений (сайтов), которые сами по себе несовместимы. Так театр сменяет на прямоугольнике сцены целый ряд разных пространств, а в прямоугольном зале кинотеатра на двухмерном экране демонстрируется проекция трехмерного пространства [Фуко 2006, с. 200]. Гетеротопия виртуального пространства объединяет в пространство инаковости частное, личное пространство и пространство публичное, пространство семьи и социальное пространство, пространство культуры и пространство полезности, пространство досуга и пространство работы [Фуко 2006, с. 194].

Четвертый принцип описания утверждает такое свойство гетеротопий, как трансформации, «раскрой» времени, их для симметрии с гетеротопиями Фуко предлагает назвать гетерохронией. Гетеротопия начинает функционировать в полной мере, когда человек оказывается в абсолютном разрыве со своим традиционным, повседневным временем и его субъективным восприятием. Музеи и библиотеки являются гетеротопиями, накапливающими время, кладбища прерывают время и обращаются к вечности, а больницы, тюрьмы его упраздняют. Есть и гетеротопии, возни-

кающие и функционирующие ограниченный, но повторяющийся временной период – карнавалы, ярмарки, фестивали, маскарады.

Виртуальное пространство как гетеротопия обладает своими темпоральными особенностями. Прежде всего, это увеличение скорости течения времени до мгновения в один «клик»: практически мгновенно человек может найти нужную ему информацию, получить сообщение и ответить на него и т.д. Кроме этого, виртуальное пространство обладает способностью поглощать время, когда пользователь сети теряет чувство времени, погружаясь в бесконечный серфинг, увлекаясь онлайн игрой или общением и просмотром новостей в социальных сетях, что связано с феноменом интернет-зависимости. Линейная темпоральность «прошлое – настоящее – будущее» прекращает свое существование в гетеротопии виртуального пространства, стирающего временные границы реального мира. Остается только «здесь и сейчас», вечно длящееся настоящее. Определяющим становится субъективное восприятие пользователя, где им самим устанавливается текущая актуальность события «здесь и сейчас», его завершенность или будущность. Обращает на себя внимание, что гетеротопия виртуальности обладает способностью создавать разные режимы времени – повторяемая краткосрочность, накопление времени, переход к вечности и их различные комбинации. Как библиотека и музей, виртуальное пространство накапливает время. Это относится не только к виртуальным библиотекам или музеям и к Интернету как месту, где хранится всевозможная информация оцифрованного мира. Наиболее наглядно это демонстрируют страницы пользователей социальных сетей. Содержание публикуемого контента отражает различные события личной жизни пользователя, происходящие в настоящий момент. Эти фрагменты интегрируются в последовательный линейный рассказ – нарратив пользователя о себе и своей жизни, сравнимый с виртуальным дневником цифрового личного прошлого. Прокручивание «ленты» пользователя обеспечивает постоянное присутствие прошлого в настоящем. Размещенная много лет назад фотография, текст, комментарий, отправленное сообщение в любой момент могут быть «возвращены» в настоящее и актуализированы сознанием. Такое накапливаемое постоянство личного онлайн-прошлого поддерживает ощущение целостности личности, оказывает влияние на чувство идентичность в настоящем и отношения с окружающими. Таким образом, социальные сети сохраняют прошлое в настоящем, обеспечивая присутствие и прошлого, и настоящего в одном пространстве. Кроме этого, социальные сети сегодня становятся и «виртуальными кладбищами», обращаясь к вечности. Аккаунты многих умерших людей

сохраняются и создают возможность виртуального взаимодействия пользователей с профилем умершего человека [Rumarczuk, Derksen 2014; Баева 2015]. Возникают новые услуги, позволяющие пользователю заранее создать синхронизированные сообщения, которые будут активизироваться после его смерти. Новые цифровые практики, связанные со смертью, гореванием, сохранением памяти и т.д., способствовали появлению и нового направления исследований *Digital Death Studies* – исследования смерти в контексте цифрового пространства.

Пятый принцип характеризует гетеротопию как пространство, создающее определенную систему замкнутости/открытости. Гетеротопии отличаются одновременной изолированностью и проницаемостью границ. Если в казарму или тюрьму попадают вынужденно, то в другие гетеротопии можно проникнуть, совершив определенные обряды или действия [Фуко 2006, с. 202]. Виртуальное пространство как гетеротопия также одновременно является и открытым, и изолированным. Вход в пространство Интернет предполагает предварительную оплату услуг и подписание, а также прохождение «обряда» идентификации – заведение учетной записи, регистрация, получение пароля и т.д.

Последняя черта гетеротопий – выполнение определенных функций по отношению к остальному пространству, которые реализуются между двумя полюсами. Согласно Фуко, функция гетеротопии заключается либо в создании иллюзорного пространства, разоблачающего еще большую иллюзорность реального, либо, наоборот, в создании более совершенного реального пространства, которое становится компенсаторным [Фуко 2006, с. 203]. Применительно к гетеротопии виртуальных социальных сетей этот принцип связан с проблемой соотношения реальной и виртуальной идентичностей, аутентичностью создаваемого образа Я в сети и проблемой транспарентности, предполагающей возможность «разоблачения» содержания личного контента [Rumarczuk, Derksen 2014]. В более широком контексте этот принцип актуализирует широкий круг вопросов, связанных с проблематикой соотношения виртуального пространства как гетеротопии с остальными пространствами.

Заключение

Трансдисциплинарность и гибкость теоретических конструктов, составляющих методологическую основу психологии транзитивности, позволяет использовать конструкт психологического хронотопа как инструмент теоретического анализа различных феноменов таких, как пространство смешанной реальности или виртуальное пространство, представленное разными видами пространств.

Психология транзитивности рассматривает смешанную реальность как наложение и пересечение объективных и субъективных составляющих реального и виртуального измерения в пространственно-временном континууме психологического хронотопа. При этом ключевым фактором является эмоциональное отношение, восприятие – переживание человеком пространства своего существования именно как пространства смешанной реальности. Подобная модель интерпретации, по нашему мнению, адекватна и для понимания цифровой повседневности.

Аналогичный механизм лежит в основе понимания гетеротопий как других пространств. Использование рабочего понятия «гетеротопия» в психологии и его психологическая интерпретация предполагает связь с понятиями переживания, индивидуализации и субъективности. Гетеротопия – это не только какое-то место или пространство, но и способ его видения, субъективного переживания [Шестакова 2014]. В таком контексте гетеротопию прежде всего характеризует субъективный, эмоционально-насыщенный, индивидуализированный способ восприятия – переживания мест-гетерактивов, гетеротопий, прерывающих привычное нерелексивное течение повседневности. Именно это субъективное, эмоционально окрашенное переживание-восприятие лежит в основе селективности выбора субъектом (индивидуальным и коллективным) пространств, которые приобретают смысловую коннотацию «инаковости» и маркируются как «другие» пространства, гетеротопии.

Использование гетеротопии в качестве инструмента исследования виртуального пространства основывается на принципе функционирования гетеротопий по отношению к остальным пространствам и, следовательно, ориентировано на выявлении особенностей отношения виртуального пространства к другим пространствам, в том числе и к транзитивному. Решение исследовательских задач тогда будет связано с наделением определенного пространства в научной или художественной рефлексии чертами «другости», «инаковости» и его противопоставлением остальным существующим пространствам. Тем самым использование гетеротопии как инструмента теоретического анализа и осмысления создает возможность отобразить смысловую многогранность исследуемого пространства через выявление и интерпретацию вложенных в его понимание смыслов. Обладая пространственно-временным единством, гетеротопии, будучи инструментом анализа, не заменяют концепт хронотопа и в качестве особых образований могут рассматриваться как часть его структуры.

Вместе с тем, целесообразность использования гетеротопии как рабочего понятия вызывает сомнение по нескольким причи-

нам. Во-первых, сложно понять, какие именно пространства не являются гетеротопиями, и если обо всем можно говорить как о гетеротопии, то далеко не обо всем стоит так говорить [Харламов 2010, с. 197]. Во-вторых, сама структура хронотопа не предполагает гомогенности и включает в себя множество различных пространств. Поэтому концепт хронотопа может считаться релевантным и самодостаточным для их анализа, а введение еще одного понятия становится пресловутым «умножением сущностей».

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ проект №19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия»

Acknowledgment

The work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00516 «Transitive and virtual spaces – commonality and differences»

Литература

Баева 2015 – *Баева Л.В.* Феномены электронной культуры как гетеротопные пространства // *Философия и культура*. 2015. № 11 (95). С. 1618–1625.

Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. №. 42. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (дата обращения 15 сент. 2022).

Марцинковская 2017 – *Марцинковская Т.Д.* Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10. № 54. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.366> (дата обращения 15 сент. 2022).

Марцинковская 2018 – *Марцинковская Т.Д.* Транзитивное и цифровое пространство как новая психология повседневности // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой*. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 219–223.

Марцинковская 2019a – *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // *Консультативная психология и психотерапия*. 2019. Т. 27. № 3. С. 77–96.

Марцинковская 2019b – *Марцинковская Т.Д.* Человек в повседневности: индивид, индивидуальность, личность? // *Психология лично-*

сти. Пребывание в изменении: коллективная монография / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. С. 304–330.

Марцинковская 2020 – *Марцинковская Т.Д.* Психология пространства: от вселенной до личности, от экосферы до экзисферы // *Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей* / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2020. С. 63–99.

Марцинковская 2021 – *Марцинковская Т.Д.* Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // *Новые психологические исследования*. 2021. № 2. С. 31–45.

Марцинковская, Балашова 2017 – *Марцинковская Т.Д., Балашова Е.Ю.* Категория хронотопа в психологии // *Вопросы психологии*. 2017. № 6. С. 1–12.

Рубцова 2019 – *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15. № 3. С. 117–124.

Солдатова, Рассказова 2020 – *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // *Культурно-историческая психология*. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97.

Фуко 2006 – *Фуко М.* Другие пространства // *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3 / Под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.

Харламов 2010 – *Харламов Н.* Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // *Журнальный клуб Интелпрес «Синий диван»*. 2010. № 15. С. 189–197.

Шестакова 2014 – *Шестакова Э.Г.* Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // *Критика и семиотика*. 2014. № 1. С. 58–72.

Rymarczuk, Derksen 2014 – *Rymarczuk R., Derksen M.* Different spaces: Exploring Facebook as heterotopia [Электронный ресурс] // *First Monday*. 2014. no. 19 (6). URL: <https://doi.org/10.5210/fm.v19i6.5006> (дата обращения 15 сент. 2022).

Speicher et al. 2019 – *Speicher M., Hall B.D., Nebeling M.* What is mixed reality? // *Proceedings of the 2019 CHI conference on human factors in computing systems*. Glasgow, 2019. P. 1–15.

Weiser 1991 – *Weiser M.* The computer for the 21st century // *Scientific American*. 1991. № 265. P. 94–104.

References

- Baeva, L.V. (2015), “Phenomena of electronic culture as heterotopic spaces”, *Filosofiya i kul'tura*, vol. 11, no. 95, pp. 1618–1625.
- Fuko, M. (2006), “Other spaces”, in Bol'shakov, V.P. (ed.), *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 3* [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews. Part 3], Praxis, Moscow, Russia, pp. 191–204.
- Kharlamov, N. (2010), “Heterotopias: strange places in urban spaces of post-civil society”, *Zhurnal'nyy klub Intelros “Siniy divan”*, no. 15, pp. 189–197.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), “Modern psychology – challenges of transitivity”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 8, no. 42, available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (Accessed 15 Sept. 2022).
- Martsinkovskaya, T.D. (2017), “The internal form of the psychological chronotope: approaches to the problem”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 10, no. 54, available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.366> (Accessed 15 Sept. 2022).
- Martsinkovskaya, T.D. (2018), “Transitive and digital space as a new psychology of everyday life”, in Ershova, R.V. (ed.), *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statei* [Digital society as a cultural and historical context of human development: collection of scientific articles], Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, Kolomna, Russia, pp. 219–223.
- Martsinkovskaya, T.D. (2019a), “Information space of a transitive society: problems and development prospects”, *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 27, no. 3, pp. 77–96.
- Martsinkovskaya, T.D. (2019b), “Man in everyday life: individual, individuality, personality?”, in Grishina, N.V. (ed.), *Psikhologiya lichnosti. Prebyvanie v izmenenii: kollektivnaya monografiya* [Psychology of personality. Staying in change: a collective monograph psychology of personality. Staying in change: a collective monograph], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 304–330.
- Martsinkovskaya, T.D. (2020), “Psychology of space: from the universe to the individual, from the ecosphere to the exisphere”, in Grishina, N.V. and Kostromina, S.N. (ed.), *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: Teoriya i fenomenologiya: sbornik statei* [Living space in psychology: Theory and phenomenology: a collection of articles], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 63–99.

Martsinkovskaya, T.D. (2021), "A new methodology for studying the transitivity of the living space of a changing personality", *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 31–45.

Martsinkovskaya, T.D. and Balashova, E.Yu. (2017), "Category of chronotope in psychology", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 1–12.

Rubtsova, O.V. (2019), "Digital technologies as a new means of mediation (Part One)", *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 15, no. 3, pp. 117–124.

Rymarczuk, R. and Derksen, M. (2014), "Different spaces: Exploring Facebook as heterotopia", *First Monday* [Electronic], no. 19 (6), available at: <https://doi.org/10.5210/fm.v19i6.5006> (Accessed 15 Sept. 2022).

Shestakova, E.G. (2014), "Heterotopia is a working concept of modern humanities: literary aspect", *Kritika i semiotika*, no. 1, pp. 58–72.

Soldatova, G.U. and Rasskazova, E.I. (2020), "Results of digital transformation: from online reality to mixed reality", *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 16, no. 4, pp. 87–97.

Speicher, M., Hall, B.D. and Nebeling, M. (2019), "What is mixed reality?", *Proceedings of the 2019 CHI conference on human factors in computing systems*, Glasgow, UK, 4–9 May 2019, pp. 1–15.

Weiser, M. (1991), "The computer for the 21st century", *Scientific American*, no. 265, pp. 94–104.

Информация об авторе

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; npoleva@mal.ru

Information about the author

Natalia S. Poleva, Ph.D (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya square, Moscow, Russia, 125047;

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009; npoleva@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-30-40

Переживание кризиса транзитивности в реальном и виртуальном пространствах: личностный и социальный контекст

Татьяна Д. Марцинковская

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;

Московский институт психоанализа,

Москва, Россия, martsinkovskaya.t@rggu.ru

Аннотация. Представлены подходы к изучению специфики переживаний нестабильности и неопределенности окружающего мира людьми разных возрастов. Показывается необходимость разработки новой методологии, включающей учет как современной транзитивности и неопределенности окружающего мира, так и особенностей переживания человеком цифровой повседневной реальности. Раскрываются личностные и социальные факторы, сказывающиеся на эмоциональном состоянии людей в смешанном пространстве, прежде всего, изменение социальных ролей и статусов, стилей общения и деятельности, специфики переработки информации в реальном пространстве взаимодействия и в сетевом пространстве интернета. Полученные данные показали, что в период острого кризиса самым важным фактором, снижающим тревогу, является необходимая для ориентировки информация. При некоторой стабилизации ситуации на первый план выходит способность действовать (общаться, учиться и работать) в смешанном пространстве. Именно это помогает понизить личностную тревожность. Материалы исследования также показывают, что телевизионные сериалы и, частично, кинофильмы, могут выполнять роль дополнительного пространства, которое также приводит к повышению эмоционального благополучия. Особую роль в переживании кризиса играет виртуальная реальность, причем степень погружения в эту реальность, также как и содержание, предъявляемых образов, отражающих различные стороны кризисных ситуаций, существенно снижают негативные эмоции. Независимо от степени идентификации с воображаемой ситуацией, более мягкие социальные кризисы ассоциировались респондентами с пейзажами, пу-

тешествами, отдыхом. Жесткие социальные и личностные кризисы связывались с ситуациями войн, борьбы, конфликтов, погони. Полученные данные позволяют сконструировать варианты дополнительных и виртуальных ситуаций, позволяющих повысить устойчивость респондентов к кризисным ситуациям разной природы и разработать процесс предъявления этих ситуаций.

Ключевые слова: транзитивность, кризисная ситуация, тревога, смешанное, дополнительное и виртуальное пространство

Для цитирования: Марцинковская Т.Д. Переживание кризиса транзитивности в реальном и виртуальном пространствах: личностный и социальный контекст // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 30–40. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-30-40

Experiencing crisis of transitivity in real and virtual spaces: personal and social context

Tatyana D. Martsinkovskaya

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

Moscow Institute of Psychoanalysis,

Moscow, Russia, martsinkovskaya.t@rggu.ru

Abstract. Approaches to the study of the specifics of the experiences of instability and uncertainty of the world around by people of different ages are presented. The necessity of developing a new methodology, including both – the modern transitivity and uncertainty of the surrounding world, and the peculiarities of human experience of digital everyday reality is shown. Personal and social factors that affect the emotional state of people in a mixed space, primarily the change in social roles and statuses, styles of communication and activity, the specifics of information processing in the real space of interaction and in the Internet network space are revealed. The data obtained showed that during an acute crisis, the most important factor that reduces anxiety is the information necessary for orientation. With some stabilization of the situation, the ability to act (communicate, study and work) in a mixed space comes to the fore. This is what helps to reduce personal anxiety. Our materials also shows that television series and, in part, movies can act as an additional space that also leads to increased emotional well-being. Virtual reality plays a special role in experiencing the crisis. The degree of immersion in this reality, as well as the content of the images presented, reflecting various aspects of crisis situations, significantly reduce negative emotions. Regardless of the degree of identification with the imaginary situation, milder social crises were

associated by respondents with landscapes, travel, and recreation. Severe social and personal crises were associated with situations of wars, struggles, conflicts, chases. The data obtained make it possible to construct options for additional and virtual situations that allow increasing the resistance of respondents to crisis situations of various natures and developing a process for presenting these situations.

Keywords: transitivity, crisis situation, anxiety, mixed, additional and virtual space

For citation: Martsinkovskaya, T.D. (2022), "Experience of the crisis of transitivity in real and virtual spaces: personal and social context", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 30–40, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-30-40

Введение

Сложность современного мира, его изменчивость, вариативность и неопределенность, стали предметом исследования в разных дисциплинах и с различных позиций. Для психологической науки современные аспекты кризисов транзитивности разнообразной природы, степени сложности и глубины у людей всех возрастов также стали одним из основных вызовов и для социальной психологии, и для психологии личности [Гришина, 2019]. Исследования транзитивности окружающего мира, неопределенности и изменчивости общества затрагивают людей всех возрастов и культур. При этом важным моментом является не только методологическая рефлексия ситуации, но и возможность найти какие-то устойчивые связи в этой текучей современности и сконструировать новую методологию [Марцинковская, 2021].

Сложности с поисками новых методологических оснований для понимания и исследования переживания людей в современном мире определяются и тем фактом, что люди живут не только в изменчивом, но и в цифровом мире [Солдатова и др. 2017]. Цифровые технологии, интернет, виртуальное пространство стали такими же постоянными условиями нашего существования, как и изменчивая и неопределенная реальность [Марцинковская 2019; Асмолов, Асмолов 2019]. Совокупность уже частично известных факторов, связанных с пандемией и фрустрацией реального пространства, расширяется за счет новых детерминант, определяемых изменением социальных ролей и статусов, а также пересмотром важных для деятельности и общения личностных качеств и стилей активности [Марцинковская, Преображенская 2020].

В реальном стабильном мире люди всегда пользовались орудиями (как внешними инструментами, так и знаками, внутрен-

ними понятиями), которые помогают и продуктивной внешней активности, и формированию адекватного образа окружающего мира и своего места в нем. Эти орудия, даже самые примитивные, не только расширяли возможности преобразования окружающей среды, но и переструктурировали и картину мира, и даже организацию мозга людей. Последние исследования нейроархеологии Л. Малафуриса *доказывают* возможность по найденным артефактам понять содержание сознания и структуру мозга людей определенной эпохи [Malafouris 2010; Malafouris 2013]. Материалы исследований и медицинской практики А.Р. Лурии [Лурия 2003] также доказывают тесную связь структуры мозга и картины мира, выстраиваемой респондентами. При этом активность того или иного участка коры головного мозга может рассматриваться в данном случае как инструмент, помогающий (или мешающий в случае его повреждения) созданию адекватного образа окружающей среды и предметов.

А.Н. Леонтьев [Леонтьев 2020] и Л.С. Выготский [Выготский 1983] в своих трудах показали значение процесса интериоризации деятельности и орудия (знаках) для становления психики ребенка, формирования у него высших психических функций и, в целом, для продуктивной деятельности людей. Точно также можно говорить о том, что цифровая реальность в процессе взаимодействия с ней позволяет создать новые орудия-знаки, которые интериоризируются и переструктурируют нашу психику [Белл 1999; Кастельс 2000; Тоффлер 2002].

Таким интериоризированным орудием-знаком здесь могут быть и операции в интернете, например, поиска информации, перехода в другую систему, работы в разных сетях с разными аффордансами, умение поставить фотографию или написать-отредактировать пост. То есть внешнее орудие, которое было как бы продолжением нашей руки – (как лопата или молоток), становится внутренней способностью переструктурировать и внешний мир, и свое представление о нашем месте в нем.

В полной мере это положение об интериоризации операциональной стороны работы с интернетом и социальными сетями может быть отнесено и к работе со шлемом и очками виртуальной реальности. В этом случае происходит переход во внутренний план не только операциональной, но и содержательной стороны порождаемых в виртуальной реальности образов. Причем отрицательные переживания помогают понять проблемы и нарушения конгруэнтности реального и воображаемого миров, а положительные усиливают мотивацию к работе и, частично, снижают эмоциональные проблемы, возникающие при адаптации к изменчивому, транзитивному социуму [Штерн 1998].

Эмпирическое изучение роли смешанного пространства в переживании кризисов транзитивности

Целью первоначально проведенного в 2021 году исследования было изучение роли интернета, наряду с виртуальным пространством, создаваемым шлемом виртуальной реальности, в переживании социальных и связанных с ним личностных кризисов.

Исследование динамики эмоционального состояния людей показало, что в снижении эмоциональной нестабильности и тревоги, прежде всего, помогает информация о ситуации, которая уменьшает неопределенность. Так мотивация, направленная на поиск данных о болезни и вакцинации из разных источников, и толерантность к online коммуникации, работе и обучению, существенно помогает снижению эмоционального напряжения и тревожности (рис. 1).

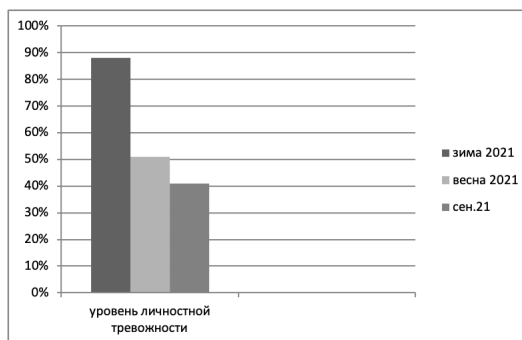

Рис. 1. Общий уровень личностной тревожности

В новой серии работ мы исследовали роль Интернета, (в основном zoom, Skype и виртуального пространства), а также такие качества личности, как открытость к новому опыту, устойчивые интересы (работа или хобби) и коммуникативные навыки, в поддержании эмоционального благополучия.

Были использованы – КГР, опросник Большой пятерки и опросник интересов. Мы опросили молодых (18-25, n=100) и пожилых (40-55, n=95) людей.

Компоненты и содержание анкеты включают вопросы о профессиональных интересах, хобби, учебе, кругу друзей, источниках информации, будущем и Интернете, а также об отношении к фрустрации пространства и времени и эмоциональном состоянии.

Полученные результаты показали, что в начале ситуации пандемии основным фактором, как было показано выше, было увеличение информационной осведомленности о вирусе и спосо-

бах профилактики. В конце пандемии и при выходе из нее ведущим фактором становится способность работать одновременно или последовательно в нескольких пространствах – реальном пространстве во время общения лицом к лицу, в zoom, Skype и в виртуальном пространстве, созданном с помощью шлема виртуальной реальности.

Понимание преимуществ онлайн-общения приводит к тому, что даже при ослаблении ограничений люди в ряде случаев предпочитают онлайн-встречи с друзьями и знакомыми на разных площадках, особенно с теми, кто живет далеко (рис. 2).

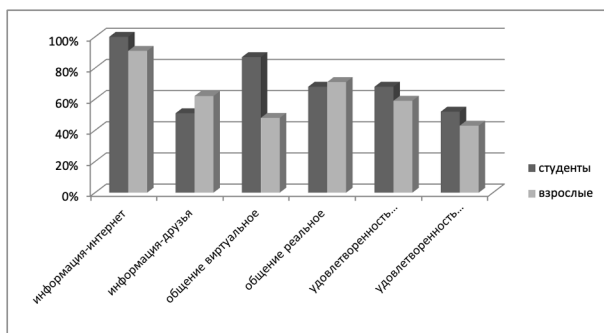

Рис. 2. Отношение к активности в реальном и дистанционном формате

Опыт такой работы повышает эмоциональное самочувствие и помогает справиться с вызовами неопределенности и изменчивости при повторяющейся и меняющейся пандемии, включая смену вирусов и выбор типа вакцинации (рис.3).

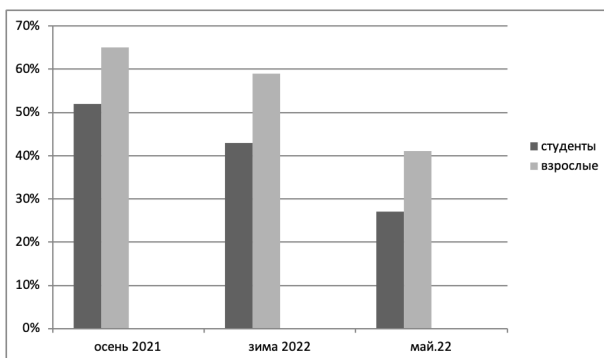

Рис. 3. Уровень личной тревожности

Повышение позитивного самочувствия и снижение тревожности на рубеже 2021-2022 годов произошло, как мы предполагаем, за счет активного проникновения новых технологий и использования новых интернет-площадок, а также телефильмов и сериалов, выполняющих многие функции замещающего и дополнительного пространств.

Поэтому мы решили включить шлем виртуальной реальности в исследование эмоционального состояния молодых людей ($n=90$, 17-23). Исследовалась связь между степенью погружения в виртуальную реальность и психологическим самочувствием в ситуациях кризисов разного характера.

В опросник, направленный на измерение степени погружения в виртуальную реальность, были включены следующие параметры: распределение внимания, модель пространственной ситуации, самочувствие в пространстве, возможные действия в пространстве, степень осознанности ситуации, степень недоверия воображаемой (виртуальной) ситуации, пространственное воображение, мотивация и личные интересы к содержанию ситуаций (образов).

Полученные результаты, показали, что больше половины респондентов (73%) демонстрируют высокую степень погружения в виртуальность, что коррелирует с ответами на вопросы об идентификации с героями и ситуациями телевизионных сериалов. Материалы описательной статистики показывают, что степень погружения в виртуальную ситуацию не связана напрямую с индивидуальными чертами, например, с эмоциональностью или экстравертностью. Напротив, личные интересы и мотивация связаны с содержанием виртуальных образов и увеличивают степень погружения в ситуацию (рис.4).

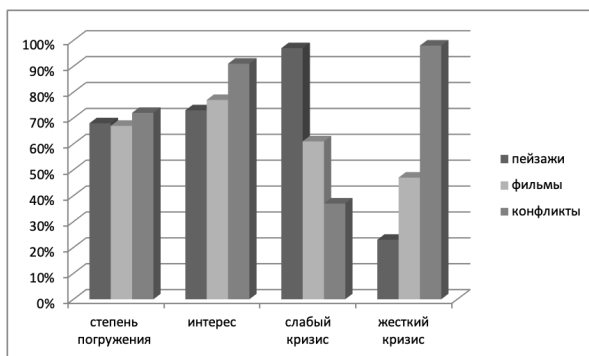

Рис. 4. Погружение в виртуальную реальность и содержание образов

Было также выявлено, что эмоциональные переживания при наблюдении различных визуальных образов, демонстрируемых шлемом виртуальной реальности, связаны с эмоциями в ситуациях кризисов разного характера. Так в привычных, хотя и затруднительных, ситуациях, респонденты выбирали более спокойные картинки (прежде всего, пейзажи), в то время как в ситуации резких кардинальных изменений предпочтение оказывалось более агрессивным и конфликтным виртуальным ситуациям (активные коммуникации, конфликты, борьба).

Личностные кризисы и мотивация также влияли на выбор ситуаций: особенно популярными были сцены морских путешествий, камина с елкой, а для жестких кризисов – сцены из «Звездных войн», погони.

Исходя из этих материалов, разрабатывались (и разрабатываются в настоящее время) варианты дополнительного пространства и образов в виртуальной реальности. Вне зависимости от степени погружения людей, они подбирались так, чтобы постепенно переходить от пейзажей к более активным изображениям. Конечно, существуют определенные этические ограничения, связанные с необходимостью поддержания эмоционального благополучия. Тем не менее, была обнаружена общая динамика предъявления ситуаций, необходимых для адаптации к кризисной ситуации. Например, от разговора к конфликту, от путешествия к гонкам; виды на море – от спокойного моря до полного рыбы, акул, корабельных погонь; или от камина до пожара в лесу или в доме.

Заключение

Распределенная в смешанном пространстве деятельность, также как и эмоциональные переживания, возникающие во время просмотра разных визуальных образов, демонстрируемых шлемом виртуальной реальности, связаны с поведением в ситуации кризисов разной природы и снижают степень психического напряжения и личностной тревоги.

При этом была выявлена связь между характером и содержанием кризисов как с пассивными, вызывающими положительные переживания образами, так и с активными, связанными с амбивалентными и негативными переживаниями образами и ситуациями.

Полученные результаты также показали, что переживания, возникающие в виртуальной реальности, могут частично адаптировать людей к кризисным ситуациям, происходящим в реальности.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ проект 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Acknowledgments

The research was carried out with the support of Russian Scientific Foundation, project “Transitive and virtual spaces – commonality and differences”, no. 19-18-00516.

Литература

Асмолов, Асмолов 2019 – *Асмолов Г.А., Асмолов А.Г.* Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–18.

Белл 1999 – *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. 783 с.

Выготский 1983 – *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики. Т. 3 // Собрание сочинений: в 6-ти томах / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 367 с.

Гришина 2019 – *Гришина Н.В.* Процессуальный подход в психологии личности // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 117–154.

Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

Леонтьев 2020 – *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Смысл, 2020. 526 с.

Лурия 2003 – *Лурия А.Р.* Психологическое наследие. М.: Смысл, 2003. 256 с.

Марцинковская 2021 – *Марцинковская Т.Д.* Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45.

Марцинковская 2019 – *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3 (105). С. 77–96.

Марцинковская, Преображенская 2020 – *Марцинковская Т.Д., Преображенская С.В.* Информационная социализация студентов в транзитивном мире // Вопросы психологии. 2020. № 3. С. 45–56.

Солдатова и др. 2017 – *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 374 с.

Тоффлер 2002 – *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.

Штерн 1998 – Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: ИП РАН, Наука, 1998. 335 с.

Malafouris 2010 – Malafouris L. Metaplasticity and the human becoming: Principles of neuroarchaeology // Journal of Anthropological Sciences. 2010. Vol. 88. P. 49–72.

Malafouris 2013 – Malafouris L. How things shape the mind: A theory of material engagement. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 304 p.

References

Asmolv, G.A. and Asmolv, A.G. (2019), “The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective”, *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 3–18.

Bell, D. (1999), *Gryadushee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The coming Post-Industrial society. Experience of social forecasting], Akademiya, Moscow, Russia.

Castells, M. (2000), *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [Information era: economy, society, culture], GU VSHE, Moscow, Russia.

Grishina, N.V. (2019), “Procedural approach in personality psychology”, in Grishina, N.V. (ed.), *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Psychology of personality: Stay in change], SPbSU, Saint Petersburg, Russia, pp. 117–154.

Leontiev, A.N. (2020), *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the psyche], Smysl, Moscow, Russia.

Luria, A.R. (2003), *Psikhologicheskoe nasledie* [Psychological heritage], Smysl, Moscow, Russia.

Malafouris, L. (2010), “Metaplasticity and the human becoming: Principles of neuroarchaeology”, *Journal of Anthropological Sciences*, vol. 88, pp. 49–72.

Malafouris, L. (2013), *How things shape the mind: A theory of material engagement*, MIT Press, Cambridge, UK.

Martsinkovskaya, T.D. (2021), “New methodology for studying the transitivity of the living space of a changing personality”, *Novyye psikhologicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 31–45.

Martsinkovskaya, T.D. (2019), “Information space of a transitive society: problems and development prospects”, *Consultative psychology and psychotherapy*, vol. 27, no. 3 (105), pp. 77–96.

Martsinkovskaya, T.D. and Preobrazhenskaya, S.V. (2020), “Information socialization of students in the transitive world”, *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 45–56.

Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. and Nestik, T.A. (2017), *Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: competence and security], Smysl, Moscow, Russia.

Stern, V. (1998), *Differencial'naya psikhologiya i ee metodicheskie osnovy* [Differential psychology and its methodological foundations], IP RAN, Nauka, Moscow, Russia.

Toffler, E. (2002), *Shok buduschego* [Future Shock], AST, Moscow, Russia.

Vygotsky, L.S. (1983), "Problems of the development of the psyche", vol. 3, in Matyushkin, A.M. (ed.), *Sobranie sochinenij: v 6-ti tomakh* [Collected works: in 6 volumes], Pedagogika, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Московский институт психоанализа, Москва, Россия; 121170, Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14; martsinkovskaya.t@rggu.ru

Information about the author

Tatiana D. Marsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor; Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mohovaya Street, Moscow, Russia, 125009;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; bld. 34–14, Kutuzovskiy Avenue, Moscow, Russia, 121170; martsinkovskaya.t@rggu.ru

Психологические характеристики людей,
активно использующих
виртуальное и дополнительное пространства

Василиса Р. Орестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Ольга С. Филиппова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, philippova.o.s@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследования психологических характеристик людей, активно использующих виртуальное и дополнительное пространства. Было проведено сравнение характеристик в группах с различным предпочтением видеосвязи в интернет-коммуникациях и в группах с предпочтением виртуального взаимодействия с миром и реального. Респонденты были распределены на группы на основании результатов анкеты, ориентированной на выявление особенностей взаимодействия с виртуальным пространством, которая была разработана авторами. В исследовании были задействованы 182 респондента (17–32 года), ($M=21,1$; $SD=2,6$). В результате получены значимые различия в психологических характеристиках между группами. Для группы лиц, предпочитающих визуальную коммуникацию, по сравнению с теми, кто отдает предпочтение иным способам коммуникации, в большей степени характерно использование интернета с целью регуляции настроения, улучшения своего эмоционального состояния, к тому же большая когнитивная поглощенность. Также в этих группах наблюдаются отличия в характеристиках, отражающих осознанность. Группе лиц, предпочитающих виртуальное взаимодействие с миром реальному, свойственно более «проблемное» использование интернета, характеризующееся выбором онлайн-коммуникации, использованием сети с целью регуляции настроения, когнитивной поглощенностью, трудностями контроля времяпрепровождения в сети. С точки зрения субъективного благополучия, эта группа отличается более выраженным ощущением отсутствия собственного развития, улучшения и самореализации, большей скукой и апатией по отношению к жизни.

Ключевые слова: киберпсихология, виртуальное пространство, проблемное использование интернета, дополнительное пространство

Для цитирования: Орестова В.Р., Филиппова О.С. Психологические характеристики людей, активно использующих виртуальное и дополнительное пространства // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 41–56. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-41-56

Psychological characteristics of people actively using virtual and additional space

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, v.r.orestova@gmail.com*

Olga S. Philippova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, philippova.o.s@gmail.ru*

Abstract. The analysis of the psychological characteristics of people who actively use virtual and additional spaces is presented in the article. A comparison was made of characteristics in groups of people with different preferences for video conferencing in Internet communications and in groups with a preference for virtual interaction with the world and the real one. The respondents were divided into groups based on the results of a questionnaire designed to identify the features of interaction with the virtual space, which was developed by the authors. The study involved 182 respondents (17–32 years), ($M=21.1$; $SD=2.6$). As a result, significant differences in psychological characteristics were obtained between the groups. In the group of people who prefer visual communication, in comparison with those who prefer other methods of communication, the use of the Internet for the purpose of mood regulation, improvement of their emotional state, and greater cognitive absorption are more typical. Also in these groups there are differences in the characteristics that reflect awareness. The group of people who prefer virtual interaction with the real world is characterized by more “problematic” use of the Internet, characterized by a preference for online communication, use of the network for the purpose of mood regulation, cognitive absorption, and difficulties in controlling spending time on the network. In terms of subjective well-being, this group is characterized by a more pronounced sense of lack of self-development, improvement and self-realization, greater boredom and apathy in relation to life.

Keywords: cyberpsychology, problematic internet use, psychological resources, virtual space, additional space

For citation: Orestova, V.R. and Philippova, O.S. (2022), “Psychological characteristics of people actively using virtual and additional space”, *RSUH/*

RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series, no. 4, pp. 41–56, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-41-56

Введение

В данный период развития социума виртуальное пространство занимает важное место в жизни человека. Согласно А.Г. Асмолову, сеть нельзя воспринимать как вторичное по отношению к реальности пространство, а скорее как первое широкодоступное пространство, своеобразный скачок развития современной действительности. Марцинковская Т.Д. добавляет, что информационное пространство не следует рассматривать в отрыве от общего пространства социализации личности [Асмолов, Асмолов 2010; Марцинковская 2012].

С углублением интеграции виртуального пространства в повседневную жизнь интерес к психологии человека в связи с его использованием непрерывно растет среди исследователей. Согласно Н.А. Голубевой, в социальных сетях снимаются барьеры коммуникации, появляется возможность получить новый опыт, примерить различные роли, расширить картину мира [Голубева 2018]. Принимая во внимание широту предоставляемого виртуальным пространством опыта и его потенциально компенсаторную функцию в вопросе регулирования психологического состояния, вопрос адаптивности использования интернета человеком кажется особенно актуальным. Исследования последних лет в сфере киберпсихологии все чаще затрагивают тему проблемного, неадаптивного использования интернета, интернет-аддикции и других вариантов взаимодействия интернет-пространства и человека [Холмогорова, Герасимова 2019; Hawi, Samaha 2019; Петров, Черняк 2020; Зыкова 2020]

Обращение к сети влечет за собой множество положительных и отрицательных последствий для личного благополучия. С одной стороны, это способствует эффективному самовыражению, социальной вовлеченности и быстрому получению разнообразной информации [Griffiths, Kuss 2017], дает возможность получать социальную поддержку, наращивать социальный капитал, безопасно экспериментировать с самопрезентацией, а также способно позитивно влиять на уровень самооценки. Однако в то же время повышает риск подверженности социальной изоляции, депрессии, кибербуллинга [Шнейдер, Сыманюк 2017]. Подростки и молодые люди, сильно эмоционально вовлеченные в социальные сети, чаще отмечают у себя такие проблемы, как низкое качество сна, снижение самооценки, депрессия и тревожность [Pittman, Reich 2016; Suler 2009].

При этом имеются данные о важности баланса в использовании реального и виртуального каналов коммуникации, указывается на склонность к социальному избеганию и социальной дезадаптации при предпочтении виртуального канала [Холмогорова и др. 2015].

Цели исследования

Выявление психологических характеристик людей с разным предпочтением видеосвязи в виртуальной коммуникации; с разным предпочтением виртуального мира.

Гипотезы исследования

- 1) Существует различие в психологических характеристиках в группах людей с разным предпочтением видеосвязи.
- 2) Существует различие в психологических характеристиках в группах людей с разным предпочтением виртуального мира.

Методы

Комплекс методик:

- Краткий опросник Большой пятерки в адаптации Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой [Корнилова, Чумакова 2016].
- Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой [Леонтьев, Рассказова 2006].
- Пятифакторный опросник осознанности Р. Баера в адаптации Н.М. Юмартовой, Н.В. Гришиной [Юмартова 2013].
- Общая шкала проблемного использования интернета С. Каплана в адаптации А.А. Герасимовой, А.Б. Холмогоровой [Герасимова, Холмогорова 2018].
- Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [Шевеленкова, Фесенко 2005].
- Авторская анкета, направленная на определение предпочтительности виртуального мира. Акцент сделан на анализе предпочтений респондентов формата взаимодействия с миром в различных сферах: учеба, работа, покупки, общение.

Данные были обработаны с помощью пакета статистических программ SPSS Statistics 26.0. Оценка различий между группами проводилась с помощью критерия Манна-Уитни (M-W U-test).

Описание выборки

Участниками исследования стали 182 респондента, данные опроса были получены с помощью Google Forms. Респонденты

информировались о цели исследования, и дали свое согласие на последующую обработку данных и использование результатов в научных целях. Принимавшие участие в исследовании респонденты были уравнены по основным социальным и демографическим характеристикам. Участниками стали 107 женщин и 75 мужчин в возрасте от 17 до 32 лет.

Респонденты распределялись на группы на основании результатов анкеты, ориентированной на выявление особенностей взаимодействия с виртуальным пространством, которая была разработана авторами. Тестовая шкала была стандартизирована, отметка 5,5 стэн стала границей между двумя группами. С результатом ниже этого значения респонденты были отнесены к тем, кто предпочитает реальный мир; после, соответственно, – к тем, кто предпочитает виртуальный мир. Таким образом, определились две группы. К первой группе (51 человек) относились респонденты, которые в вопросах предпочтения комфортного для них формата учебы, работы, шопинга, общения с коллегами и родными, а также формы взаимодействия с миром, преимущественно выбирали «очный», «реальный» формат либо «реальный» наряду с виртуальным. Вторую группу (131 человек) составили респонденты, которые преимущественно отдавали свое предпочтение виртуальным форматам, к примеру, дистанционной работе, а не офисной.

Также были выделены две группы на основании ответов на конкретный вопрос анкеты о предпочтении видео-коммуникации в виртуальном пространстве. Респондентам предлагалось выбрать предпочитаемые, комфортные варианты виртуальной коммуникации, среди которых: видео-звонки, голосовые звонки, видео-сообщения, голосовые сообщения, текстовые сообщения. Формат видео-звонков наиболее приближен к реальному общению и принципиально отличен от других вариантов виртуального общения. Форматы видео-сообщений, голосовых сообщений, текстовых сообщений и даже голосовых звонков дают гораздо больше возможностей сознательного контроля над исходящей информацией, по сравнению с видео-звонком. Так образовалась группа респондентов (40 человек), среди предпочтений которой были видео-звонки, и группа респондентов (142 человека), предпочитающих исключительно другие варианты виртуальной коммуникации.

Анализ и обсуждение результатов

В ходе проведенного исследования было выявлено, что для группы лиц, предпочитающих визуальную коммуникацию в виртуальном общении, в сравнении с группой, респонденты которой

отдавали предпочтение исключительно иным способам коммуникации (голосовые звонки, голосовые сообщения, текстовые сообщения, видео-сообщения), в большей степени характерно использование интернета с целью регулирования своего настроения и повышения эмоционального состояния. Их отличает когнитивная поглощенность интернетом ($p \leq 0,05$), которая отражает регулярное мысленное возвращение в виртуальное пространство, не контролируемое со стороны человека. Наконец, в группе предпочитающих видеосвязь наблюдаются более выраженные негативные последствия влияния использования интернета в повседневной жизни ($p \leq 0,01$) (табл. 1).

Таким образом, можно заключить, что более «проблемным» является использование интернета для тех лиц, которые склонны к максимальной реалистичности виртуального общения, в том числе посредством видеосвязи, расширяющей каналы коммуникации.

Таблица 1

Сравнительный анализ проблемного использования интернета в группах с разным предпочтением видеосвязи

Шкалы	Предпочтение		Не предпочтение		U	p
	M	σ	M	σ		
Предпочтение онлайн-общения	12,64	4,599	11,73	5,061	3699,5	0,218
Регуляция настроения	12,21	4,021	10,76	4,347	3414,5	0,041
Когнитивная поглощенность	11,23	3,930	9,90	4,709	3377	0,032
Компульсивное использование	10,72	3,680	9,76	4,749	3531,5	0,088
Негативные последствия	6,57	3,276	5,29	2,854	3187	0,007

Сравнительный анализ личностных черт в группах с разным предпочтением видеосвязи не выявил достоверных результатов (табл. 2). Полученные данные говорят о том, что существенных характерологических отличий между лицами, предпочитающими видео-коммуникацию и не предпочитающими данный тип связи, нет.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что для группы лиц, предпочитающих визуальную коммуникацию в виртуальном общении, по сравнению с теми, кто отдает предпочтение иным способам коммуникации, в большей степени характерно нереагирующее отношение к своему опыту ($p \leq 0,05$), что указывает на более развитую способность не концентрироваться на своих мыслях и не увлекаться ими. В тоже время для лиц, не

предпочитающих видеосвязь, по сравнению с предпочитающими, характерен более высокий уровень способности действовать с осознанностью и относиться к внутреннему опыту без оценок ($p \leq 0,05$) (табл. 3).

Таблица 2

Сравнительный анализ личностных черт
в группах с разным предпочтением видеосвязи

Шкалы	Предпочтение		Не предпочтение		U	p
	M	σ	M	σ		
Экстраверсия	9,60	2,558	9,03	2,512	3650,5	0,169
Согласие	9,56	2,373	9,17	2,237	3819	0,367
Добросовестность	9,85	2,452	10,30	2,318	3684	0,2
Эмоциональная стабильность	9,57	2,513	9,87	2,131	3877,5	0,463
Открытость опыту	9,82	2,466	9,90	2,286	4078	0,869

Таким образом, лица, не предпочитающие видеосвязь, в большей степени способны к существованию в настоящем моменте, принятию внутреннего опыта, в том числе болезненного, без стремления к его подавлению.

Таблица 3

Сравнительный анализ осознанности в группах
с разным предпочтением видеосвязи

Шкалы	Предпочтение		Не предпочтение		U	p
	M	σ	M	σ		
Навык наблюдения	27,34	4,3836	25,79	5,287	3461	0,057
Навык описания опыта	27,25	5,120	27,34	5,407	4079	0,872
Умение действовать с осознанностью	22,88	5,473	24,05	4,668	3394	0,036
Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту	22,65	4,854	24,03	4,712	3424	0,044
Нереагирующее отношение к своему опыту	23,97	3,204	22,82	3,818	3297	0,018

В ходе анализа показателей жизнестойкости в группах с разным предпочтением видеосвязи достоверных результатов выявлено не было (табл. 4).

Как для предпочитающих, так и не предпочитающих видеосвязь, характерен средний уровень показателя вовлеченности, контроля, принятия риска и общего показателя жизнестойкости.

Таким образом, описывая жизнестойкость данных групп, можно говорить о достаточной способности к получению удовольствия от собственной деятельности, об умеренной убежденности в наличии способности выбирать деятельность, опираясь на собственную точку зрения. Для них также характерна умеренная готовность действовать, не имея гарантии успеха, им свойственно представление о жизни как о способе приобретения опыта.

Таблица 4

Сравнительный анализ жизнестойкости
в группах с разным предпочтением видеосвязи

Шкалы	Предпочтение		Не предпочтение		U	p
	M	σ	M	σ		
Вовлеченность	34	6,835	34,43	8,411	3915	0,533
Контроль	29,5	5,911	30,53	6,831	3697	0,216
Принятие риска	17,56	3,546	18,02	3,897	3700	0,218
Жизнестойкость	81,06	14,366	82,98	17,258	3787,5	0,326

Как для предпочитающих, так и не предпочитающих видеосвязь, характерен средний уровень показателя позитивных отношений, автономии, личностного роста, целей в жизни, самопринятия, а также общего психологического благополучия. Для обеих групп типичен высокий уровень управления средой (табл. 5).

Таким образом, описывая психологическое благополучия данных групп, можно говорить о наличии у них удовлетворительных, доверительных отношений с окружающими, умеренной эмпатичности и соучастия.

Уровень самостоятельности и независимости – умеренный. Респонденты демонстрируют достаточную способность противостоять социальному давлению. Умеренное стремление к развитию, самореализации, открытость новому опыту. Умеренные способности к целеполаганию, ощущение осмысленности и протяженности жизни. Достаточно позитивное отношение к себе в сочетании с адекватной самокритичностью.

При этом респонденты обладают достаточной властью и компетенцией в вопросах управления окружением, контролируют всю внешнюю деятельность, эффективно используя представляющиеся возможности.

На следующем этапе сравнительного анализа был проведен анализ особенностей использования интернета, характерных черт личности, особенности жизнестойкости, осознанности и психологического благополучия в группах лиц, предпочитающих реальный мир, и тех, кто предпочитает виртуальный мир.

Таблица 5

Сравнительный анализ психологического благополучия
в группах с разным предпочтением видеосвязи

Шкалы	Предпочтение		Не предпочтение		U	p
	M	σ	M	σ		
Позитивные отношения	55,32	10,723	56,27	10,612	3755,5	0,283
Автономия	54,96	9,814	56,34	8,850	3567,5	0,109
Управление средой	91,06	7,918	92,09	8,467	3829,5	0,388
Личностный рост	56,89	8,974	56,72	10,017	4003,5	0,709
Цели в жизни	56,03	9,915	56,76	10,402	3920,5	0,544
Самопринятие	56,16	9,998	57,25	9,994	3781,5	0,318
Психологическое благополучие	336,11	52,184	341	50,820	3793,5	0,335

Далее представлены результаты сравнительного анализа проблемного использования интернета между выделенными группами. В ходе проведенного исследования было выявлено, что для группы лиц, предпочитающих виртуальное взаимодействие (в отличие от тех, кто отдает предпочтение реальности) закономерно в большей степени делать выбор в пользу онлайн-коммуникации, использовать интернет с целью регулирования своего настроения и поднятия эмоционального состояния ($p \leq 0,01$). Для них в большей степени характерна когнитивная поглощенность интернетом ($p \leq 0,05$), которая отражает регулярное мысленное возвращение в виртуальное пространство, не контролируемое со стороны человека. Наконец, в группе предпочитающих виртуальность наблюдаются более выраженные трудности, связанные с контролем времяпрепровождения в сети ($p \leq 0,05$) (табл. 6).

Более «проблемным» является использование интернета для тех лиц, которые предпочитают его реальному способу взаимодействия с миром в целом и социумом в частности.

Таблица 6

Сравнительный анализ проблемного использования интернета
в группах с разным предпочтением реального мира

Шкалы	Предпоч. реал.		Предпоч. вирг.		U	p
	M	σ	M	σ		
Предпочтение онлайн-общения	10,03	4,315	14,96	4,040	1728,5	0
Регуляция настроения	10,61	4,126	12,56	4,166	3124	0,007

Когнитивная поглощенность	9,40	4,303	12,04	4,059	2723,5	0
Компульсивное использование	9,56	4,053	11,08	4,443	3338	0,038
Негативные последствия	5,77	3,197	6,09	3,035	3825	0,485

В ходе проведенного анализа достоверных различий личностных черт между двумя группами выявлено не было (табл. 7). Можно заключить, что существенных характерологических отличий нет между лицами, предпочитающими реальный или виртуальный тип взаимодействия с миром и обществом.

Таблица 7

Сравнительный анализ личностных черт
в группах с разным предпочтением реального мира

Шкалы	Предпоч. реал.		Предпоч. вирт.		U	p
	M	σ	M	σ		
Экстраверсия	9,36	2,555	9,24	2,543	3863,5	0,558
Согласие	9,51	2,309	9,17	2,301	3836,5	0,505
Добросовестность	10,36	2,368	9,72	2,380	3456,5	0,08
Эмоциональная стабильность	9,83	2,386	9,60	2,245	3817,5	0,472
Открытость опыту	9,80	2,370	9,95	2,380	3921	0,673

Результаты сравнительного анализа осознанности в группах с разным предпочтением реального мира виртуальному говорят о том, что для группы лиц, предпочитающих реальный мир, по сравнению с теми, кто отдает предпочтение виртуальному взаимодействию, характерен более развитый навык наблюдения, навык описания опыта ($p \leq 0,05$), нереагирующее отношение к своему опыту ($p \leq 0,01$), что указывает на более развитое умение замечать, отслеживать и вербально выражать свой внешний и внутренний опыт, более развитую способность не концентрироваться на своих мыслях и не увлекаться ими. Лица же, предпочитающие виртуальный мир реальному, имеют большие трудности при наблюдении, рефлексии и выражении своего настоящего опыта, в большей степени склонны к руминациям (табл. 8).

Согласно результатам сравнительного анализа жизнестойкости в группах с разным предпочтением реального мира, достоверных различий между двумя группами выявлено не было (табл. 9).

Как для предпочитающих, так и не предпочитающих реальный мир виртуальному, характерен средний уровень вовлечен-

ности в жизнь, контроля, способности принимать риск и жизнестойкости.

Таблица 8

Сравнительный анализ осознанности
в группах с разным предпочтением реального мира

Шкалы	Предпоч.реал.		Препоч.вирт.		U	p
	М	σ	М	σ		
Навык наблюдения	27,38	5,147	25,44	4,402	3194	0,013
Навык описания опыта	27,96	5,477	26,43	4,851	3375	0,048
Умение действовать с осознанностью	24,02	5,282	22,79	4,779	3555,5	0,144
Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту	23,77	5,020	22,84	4,519	3547	0,138
Нереагирующее отношение к своему опыту	24,12	3,557	22,41	3,372	3038	0,003

Таким образом, описывая жизнестойкость данных групп, можно говорить о достаточной способности к получению удовольствия от собственной деятельности, умеренной убежденности в своей способности выбирать деятельность, опираясь на собственную точку зрения. Для них также характерна умеренная готовность действовать, не имея гарантии успеха, им свойственно представление о жизни как о способе приобретения опыта.

Таблица 9

Сравнительный анализ жизнестойкости
в группах с разным предпочтением реальности

Шкалы	Предпоч. реал.		Предпоч.вирт.		U	p
	М	σ	М	σ		
Вовлеченность	35,02	7,710	33,18	7,541	3630,5	0,213
Контроль	30,78	6,340	29,06	6,402	3492,5	0,102
Принятие риска	18,03	3,836	17,49	3,584	3734,5	0,341
Жизнестойкость	83,83	15,869	79,73	15,767	3626,5	0,209

В ходе проведенного анализа было выявлено, что в группе лиц, предпочитающих реальное взаимодействие, по сравнению с лицами, предпочитающими виртуальный мир, более выражены показатели управления средой ($p \leq 0,05$) и личностного роста ($p \leq 0,01$), что указывает на их большую власть и компетенцию в управлении своим окружением, более выраженное чувство непрекращающегося развития, роста и самореализации. Лица,

предпочитающие виртуальный мир реальному, по сравнению с противоположной группой, отличаются большими трудностями при организации повседневной деятельности, при изменении или улучшения обстоятельств, характеризуются более выраженным ощущением отсутствия собственного развития, роста и самореализации, большей скукой и апатией в отношении жизни (табл. 10).

Обобщая полученные результаты, можно говорить о том, что для обеих групп характерен средний уровень показателя позитивных отношений, автономии, личностного роста, целей в жизни, самопринятия, а также общего психологического благополучия. Для обеих групп отмечен высокий уровень управления средой.

Таблица 10

Сравнительный анализ психологического благополучия в группах с разным предпочтением реального мира

Шкалы	Предпочт. реал.		Предпочт. вирт.		U	p
	M	σ	M	σ		
Позитивные отношения	57,06	11,378	54,18	9,434	3783,5	0,418
Автономия	55,82	9,481	55,48	9,182	4063,5	0,989
Управление средой	92,78	8,585	90,04	7,439	3365,5	0,046
Личностный рост	58,87	9,910	54,10	8,246	3004,5	0,002
Цели в жизни	57,86	10,769	54,51	8,994	3455	0,081
Самопринятие	57,63	10,658	55,53	8,957	3723,5	0,327
Психологическое благополучие	345,63	56,113	329,52	43,179	3643	0,227

Заключение

Подытоживая результаты, можно предположить наличие следующих различий психологических характеристик людей с предпочтением и неpreferчением видео-коммуникации в виртуальном пространстве:

– Для группы лиц, выбирающих визуальную коммуникацию, по сравнению с теми, кто отдает предпочтение настроению, улучшения своего эмоционального состояния, когнитивная поглощенность иным способам коммуникации, в большей степени характерны использование интернета с целью регуляции. У них также наблюдаются более выраженные негативные последствия влияния использования интернета в повседневной жизни. При этом они способны меньше отдаваться своим мыслям и не увлекаться ими.

– В тоже время, для лиц, не предпочитающих видеосвязь, по сравнению с предпочитающими, характерен более высокий уровень способности действовать с осознанностью и относиться к внутреннему опыту без оценок. Можно сказать, что эта группа в большей степени способна жить настоящим моментом, способна принимать внутренний опыт, в том числе болезненный, без стремления к его подавлению.

Сравнительный анализ психологических характеристик людей с разным предпочтением виртуального мира позволяет отметить следующие наблюдения:

– Для группы лиц, предпочитающих виртуальное взаимодействие с миром реальному, свойственно более «проблемное» использование интернета, характеризующееся предпочтением онлайн-коммуникации, использованием сети с целью регуляции настроения, когнитивной поглощенностью, трудностями контроля времяпрепровождения в сети. Вместе с тем, эта группа лиц имеет большие трудности при наблюдении, рефлексии и выражении своего настоящего опыта, в большей степени склонна к руминациям. С точки зрения субъективного благополучия, лица, предпочитающие виртуальный мир реальному, отличаются существенными затруднениями при организации повседневной деятельности, изменений или улучшений обстоятельств, характеризуются более выраженным ощущением отсутствия собственного развития, продвижения и самореализации, большей скукой и апатией в отношении жизни.

– Для лиц, отдающих предпочтение реальному взаимодействию с миром, характерно более развитое умение замечать, отслеживать и вербально выражать свой внешний и внутренний опыт, более развитая способность не концентрироваться на своих мыслях и не увлекаться ими. Стоит также отметить их большую власть и компетенцию в управлении окружением, более выраженное чувство непрекращающегося развития, роста и самореализации.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке гранта «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия» РНФ, проект № 19-18-00516.

Acknowledgment

The work was supported by the Russian Science Foundation, project “Transitive and virtual spaces – commonality and differences”, no. 19-18-00516.

Литература

- Асмолов, Асмолов 2010 – *Асмолов А.Г., Асмолов Г.А.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
- Герасимова, Холмогорова 2018 – *Герасимова А.А., Холмогорова А.Б.* Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 56–79.
- Голубева 2018 – *Голубева Н.А.* Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 45–59.
- Зыкова 2020 – *Зыкова Е.И.* Особенности взаимосвязи психологической границы со склонностью к Интернет-зависимости // Национальное здоровье. 2020. № 2. С. 63–68.
- Корнилова, Чумакова 2016 – *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5.
- Леонтьев, Рассказова 2006 – *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
- Марцинковская 2012 – *Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. № 5 (26). С. 7.
- Петров, Черняк 2020 – *Петров А.А., Черняк Н.Б.* Современные тенденции неблагоприятной клинко-социальной динамики расстройств личности при проблемном использовании интернета // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2020. № 3 (108). С. 83–91.
- Холмогорова и др. 2017 – *Холмогорова А.Б., Авакян Т.В., Клименкова Е.Н.* Общение в Интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 24. № 4. С. 102–129.
- Шевеленкова, Фесенко 2005 – *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
- Шнейдер, Сыманюк 2017 – *Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В.* Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 7.
- Юмартова 2013 – *Юмартова Н.М.* Осознанность (mindfulness). Психологические характеристики и инструменты измерения // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. №1 (1). С. 267–273.

Griffiths, Kuss 2017 – *Griffiths M., Kuss D.* Social Networking Sites and Addiction: Ten Lessons Learned International // *Journal of Environmental Research and Public Health*. 2017. no. 14 (3).

Hawi, Samaha 2019 – *Hawi N., Samaha M.* Identifying commonalities and differences in personality characteristics of Internet and social media addiction profiles: traits, self-esteem, and self-construal // *Behaviour & Information Technology*. 2019. Vol. 38. no. 2. P. 110–119.

Pittman, Reich 2016 – *Pittman M., Reich B.* Social media and loneliness: why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words // *Computers in Human Behavior*. 2016. no. 62. P. 155–167.

Suler 2009 – *Suler J.* The psychotherapeutics of online photosharing // *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 2009. Vol. 6. no. 4. P. 339–344.

References

Asmolov, A.G. and Asmolov, G.A. (2010), “From We-media to I-media: identity transformations in the virtual world”, *Journal of Moscow University*, vol. 14, no. 1, pp. 3–21.

Chernyak, N.B. and Petrov, A.A. (2020), “Modern trends of unfavorable clinical and social dynamics of personality disorders with problematic use of the Internet”, *Siberian Journal of Psychiatry and Narcology*, vol. 108, no. 3, pp. 83–91.

Gerasimova, A.A. and Kholmogorova, A.B. (2018), “The generalized problematic Internet use scale 3 modified version: approbation and validation on the Russian sample”, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 26, no. 3, pp. 56–79.

Golubeva, N.A. (2018), “Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space”, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Psychology. Pedagogy. Education”*, vol. 12, no. 2, pp. 45–59.

Griffiths, M. and Kuss, D. (2017), “Social Networking Sites and Addiction: Ten Lessons Learned International”, *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 3, no. 14, p. 311.

Hawi, N. and Samaha, M. (2019), “Identifying commonalities and differences in personality characteristics of Internet and social media addiction profiles: traits, self-esteem, and self-construal”, *Behaviour & Information Technology*, vol. 38, no. 2, pp. 110–119.

Zykova, E.I. (2020), “Features of the relationship of psychological boundaries with a penchant for internet addiction”, *National health*, no. 2, pp. 63–68.

Kornilova, T.V. and Chumakova, M.A. (2016), “Development of the Russian

version of the brief Big Five questionnaire (TIPI)", *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 9, no. 46, p. 5.

Leont'ev, D.A. and Rasskazova, E.I. (2006), *Test zhiznestoikosti* [Hardiness Survey], Smysl, Moscow, Russia.

Martsinkovskaya, T.D. (2012), "Information socialization in the changing information space", *Psychological research*, vol. 26, no. 5, p. 7.

Kholmogorova, A.B., Avakyan, T.V. and Klimenkova, E.N. (2015), "Internet Communication and Social Anxiety in Adolescents from Different Social Groups", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 24, no. 4, pp. 102–129.

Pittman, M. and Reich, B. (2016), "Social media and loneliness: why an Instagram picture may be worth more than a thousand Twitter words", *Computers in Human Behavior*, no. 62, pp.155–167.

Shevelenkova, T.D. and Fesenko, T.P. (2005), "Psychological well-being of the personal", *Psikhologicheskaya diagnostika*, no. 3, pp. 95–121.

Shneider, L.B. and Simanuk, V.V. (2017), "User in the information environment: digital identity today", *Psychological research Journal*, vol. 10, no. 52, p. 7.

Suler, J. (2009), "The psychotherapeutics of online photosharing", *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, vol. 6, no. 4, p. 339–344.

Yumartova, N.M. (2013), "Mindfulness. Psychological characteristics and measurement tools", *Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU*, no. 1 (1), pp. 267–273.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; v.r.orestova@gmail.com

Ольга С. Филиппова, магистр психологии, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; philippova.o.s@gmail.com

Information about the author

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; v.r.orestova@gmail.com

Olga S. Philippova, Master in Psychology, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; philippova.o.s@gmail.com

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-57-78

Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения

Татьяна П. Емельянова

*Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru*

Ева Н. Викентьева

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, vikentieva@mail.ru*

Семён В. Тарасов

*Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия, sementarasovvas@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу городской идентичности и образа будущего в четырех поколениях жителей двух городов – Москвы и приполярного моногорода Сургута. Предполагается, что образ будущего и городская идентичность являются показателями социального самочувствия представителей разных поколений, их ожиданий и опасений. Исследование проводилось посредством онлайн-опроса, N=644. Жителей Москвы - 358 чел., жителей Сургута – 285 чел. Выборки разделены на подгруппы по поколениям: Беби-бумеры, X, Y и Z. Применялись методики: «Шкала идентификации с городом» (Lalli M.), авторская модификация методики «Семантический дифференциал», включающей 8 шкал, направленных на изучение отношения к будущему города, ассоциативная методика. Результаты исследования показали, что поколение Беби-бумеров обоих городов в наибольшей степени связывает свое будущее с городом, а представители поколения Z двух городов меньше других поколений идентифицируют себя с городом проживания и реже других поколений связывают с ним свое будущее. Высокий уровень городской идентичности в Москве, которую горожане воспринимают (по данным СД) в позитивных категориях, включает и позитивное восприятие собственного будущего в городе (предсказуемое, светлое, исполненное надежд, осмысленное, насыщенное событиями). Общий показатель городской идентичности у жителей Сургута значимо ниже. В сургутской выборке негативно окрашенные эмоциональные категории наиболее сближаются с категорией, отражающей жизненный уклад горожан в будущем («Бедное события-

ми»). Однако, несмотря на кардинальные различия условий жизни в двух рассматриваемых городах, элементы образа идеального города в основном схожи. У сургутян значимыми (в сопоставлении с ожиданиями москвичей) оказались пожелания, относящиеся к средовым возможностям для детей и молодежи, а также к требованиям комфорта. Выдвигаются социально-психологические объяснения поколенческих различий в уровне городской идентичности и характере образа будущего по отношению к городу, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: психология поколений, городская идентичность, образ будущего города, социально-психологическое самочувствие, мегаполис, моногород, социальное сравнение

Для цитирования: Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н., Тарасов С.В. Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 57–78. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-57-78

Urban identity and image of the future in two cities: generation factor

Tatyana P. Emelyanova

*Institute of Psychology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru*

Eva N. Vikentieva

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, vikentieva@mail.ru*

Semyon V. Tarasov

*Institute of Psychology, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, sementarasovcas@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of urban identity and image of the future in four generations of residents of two cities – Moscow and the subpolar monotown of Surgut. It is assumed that the image of the future and urban identity are indicators of the social well-being of representatives of different generations, their expectations, and fears. The study was conducted through an online survey, N=644. Residents of Moscow were 358 people, and residents of Surgut – were 285 people. The samples are divided into subgroups by generations: Baby Boomers, X, Y, and Z. Methods were used: “Scale of Identification with the City” (Lalli M.), the author’s modification of the “Semantic Differential” methodology, which includes 8 scales aimed at studying attitudes towards the future cities, associative technique. The results of the

study showed that the Baby Boomer generation of both cities associates their future with the town to the greatest extent, and representatives of generation Z of both cities identify themselves with the city of residence less than other generations and less often than other generations associate their future with it. The high level of urban identity in Moscow, which citizens perceive (according to SD) in positive categories, also includes a positive perception of their future in the city (predictable, bright, hopeful, meaningful, eventful). The overall indicator of urban identity among the residents of Surgut is significantly lower. In the Surgut sample, negatively colored emotional categories are most closely associated with the category that reflects the lifestyle of city dwellers in the future ("Poor events"). However, despite the fundamental differences in living conditions in the two cities under consideration, the elements of the image of an ideal city turn out to be similar. Among Surgut residents, significant (in comparison with the expectations of Muscovites) were wishes related to environmental opportunities for children and youth, as well as requirements for comfort. Socio-psychological explanations are put forward for generational differences in the level of urban identity and the nature of the image of the future of the city, and prospects for further research are outlined.

Keywords: psychology of generations, urban identity, image of the future city, socio-psychological well-being, metropolis, monotown, social comparison

For citation: Emelyanova, T.P., Vikentieva, E.N. and Tarasov, S.V. (2022), "Urban identity and image of the future in two cities: generation factor", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 57–78, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-57-78

Введение

Социально-психологические проблемы городской жизни традиционно изучаются с позиций восприятия города жителями, городской идентичности, социально-психологического самочувствия и комфорта горожан, их представлений о позитивных и негативных аспектах города. Между тем, эти стороны городской жизни по-разному переживаются поколениями горожан. Для понимания социального самочувствия жителей в сфере отношения к своему городу, а также для оценки перспектив существования города наиболее информативны (в случае поколенческого анализа) феномены городской идентичности и образа будущего своего города. Эти два феномена, согласно предыдущим исследованиям, тесно связаны между собой [Нестик и др. 2019].

Исследователи предлагают различные варианты подходов к изучению городской идентичности: структурный [Lalli 1992; Ross et al. 2003; Valera, Guardia 2002; Knez 2005; Belanche et al. 2017; Самошкина 2008], анализ закономерностей процесса идентифи-

кации [Breakwell 1986]; выделение признаков этого феномена [Озерина 2016]. Большинство работ посвящено изучению роли различных внешних и внутренних факторов в формировании городской идентичности: временной перспективе [Нестик и др. 2019], средовым условиям в формировании городской идентичности [Савина, Баранова 2017], эмоциональным переживаниям [Ujang, Zakariya 2015] и др. Особое внимание уделяется устойчивости идентичности в условиях социальных изменений и угроз [Identity process theory 2014; Breakwell 2021].

Начиная с работ М. Лали [Lalli 1992], исследователями выделяются функции городской идентичности, среди которых одной из важнейших является функция повышения самооценки жителей. Городская идентичность – важнейшее основание для социальной категоризации и социального сравнения. В случае жителей столицы образы «идеальный город» и «город Москва» обнаружили значительное сходство [Долгова 2016]. И напротив, недостаток привлекательности города и привязанности жителей к нему закономерно связываются с намерением молодого поколения сургутян в будущем покинуть его [Покатиловская, Шибаева 2019].

«Теория процесса идентичности» Г. Брейкуэлл [Breakwell 1986] позволяет применить выделенные автором закономерности функционирования процесса социальной идентичности к случаю городской идентичности. Общий перечень этих закономерностей (мотивация поддерживать чувство временной непрерывности; стремление установить и поддерживать чувство отличия от других; самоэффективность как поддержание чувства компетентности и контроля; стремление сохранить позитивную самооценку; чувство близости и принятия другими людьми; поиск цели и значимости существования) используется для изучения устойчивости идентичности перед лицом угроз различного типа – расовых предрассудков, геополитических изменений, национальных конфликтов, глобальных рисков, старения, ментального здоровья и др. [Breakwell 2021].

В случае городской идентичности целесообразно рассматривать как наиболее существенные для этого феномена временную непрерывность (через связь с образом будущего), стремление устанавливать и поддерживать чувство отличия от других (посредством имплицитного или явного сравнения своего города с другими), а также желание сохранить позитивную самооценку как жителя города.

Городская идентичность тесно связана с восприятием временного континуума. Она базируется одновременно на прошлом [Емельянова, Дробышева 2017], фиксируя в себе «места памяти»

[Нора 1999; Стрельникова 2012], отмеченные личными и общими воспоминаниями, актуальные для настоящего места города, а также представления о будущем облике города. Соотношение городской идентичности и образа будущего города изучалось отечественными авторами [Нестик и др. 2019], было обнаружено, что позитивная городская идентичность является предиктором положительной оценки будущего Москвы. Было установлено, что московская идентичность отличается убежденностью жителей в значимости для себя мегаполиса и ощущением принадлежности к избранному закрытому, элитарному сообществу [Вендина 2012]. По данным исследователей [Муравьева и др. 2017], убежденность в ценности своего города в глазах жителей других городов преобладает также в идентичности молодых жителей Петербурга, Екатеринбургa, Владивостока и Томска, т.е. городов, являющихся крупными культурно-историческими, научными и образовательными центрами. В отношении северного моногорода – Сургута - было выявлено [Покатиловская, Шибаева 2019], что многие молодые сургутяне отличаются диффузной городской идентичностью, т.е. колеблются относительно выбора города для постоянного места жительства, хотя и испытывают к родному месту привязанность. Для их сомнений есть серьезные экономические причины: снижение социальной поддержки северян со стороны государства, зависимость муниципальных бюджетов северных городов от дотаций, трудности с трудоустройством и др. [Нуйкина 2015].

В нашем исследовании жителей Москвы и Сургута выбор поколенческого фактора для анализа городской идентичности и образа будущего города не случаен. Как было показано в работах отечественных авторов, «социальный перелом» в сознании, который наблюдается в настоящее время в первую очередь у молодежи, заключается в том, что постреформенное поколение «повзрослело и, освоив новые цифровые и сетевые технологии, начало деятельно воспроизводить новые практики, делая социальные сдвиги необратимыми» [Радаев 2018]. Именно поэтому наибольшее внимание аналитиков привлекают поколения миллениалов и поколение Z – они обнаруживают наиболее высокие показатели жизнестойкости, в частности, таких ее компонентов, как контроль и принятие риска, в чем значимо отличаются от представителей более старших поколений [Сиврикова и др. 2019]. Молодежь, вошедшая в новую жизнь без старого багажа, повзрослела и, освоив новые цифровые и сетевые технологии, начала деятельно воспроизводить новые практики [Радаев 2018]. Ряд авторов даже считает опасным для современного общества симптомом «увеличившийся ценностный межпоколенческий раз-

рыв», отмеченный индивидуалистической ментальностью и преобладанием материальных приоритетов у миллениалов [Рикель, Доренская 2017, с. 221; Пищик 2018]: аналитиков беспокоит их желание получать как можно больше ощущений и переживаний. При этом молодые люди, взрослевшие в постреформенное время, сравнительно более удовлетворены своей жизнью, более оптимистичны и чаще считают себя счастливыми, их ментальность «инновационного типа» [Пищик 2018] направляет их на поиск возможностей для жизни и самореализации в более широком социальном контексте. Между тем, исследования показывают, что значительная часть молодежи находится в тревожно-депрессивном состоянии из-за неуверенности в будущем [Емельянова, Семенова 2020]. Предполагается, что образ будущего и городская идентичность являются показателями социального самочувствия представителей разных поколений, их ожиданий и опасений.

Программа исследования

Цель исследования: анализ городской идентичности и образа будущего четырех поколений жителей двух городов – Москвы и северного приполярного моногорода Сургута с выраженной сырьевой экономикой.

Задачи исследования:

1. Сравнительный анализ уровня городской идентичности в двух городах в контексте поколений.
2. Сравнительный анализ восприятия образа будущего города разными поколениями жителей двух городов.
3. Анализ образа идеального города в будущем у жителей в Москве и Сургуте.

Выборка: Исследование проводилось посредством онлайн-опроса, приняли участие 644 человека. Жители Москвы представлены 358 респондентами в возрасте от 18 до 84 лет (ср. возраст – 42,3), распределение по полу практически равное (мужчины – 48,2%, женщины – 51,8%). Женаты/замужем – 48,7%, не женаты/не замужем – 35,1%, в гражданском браке – 11,7%, 4,5% – вдовствующие. Родившиеся или проживающие в Москве свыше 20 лет (48,5% и 19,2% соответственно), имеющие высшее образование и ученую степень (66,9% и 6,5% соответственно), с уровнем дохода выше 30 тысяч рублей на человека – 59,9%.

Группа жителей северного моногорода (г. Сургут) по социально-экономическим характеристикам соответствовала жителям мегаполиса. В группу вошли 285 респондентов в возрасте от 18 до 79 лет (ср. возраст – 39,8), распределение по полу: мужчины – 42,1%; женщины – 57,9%. Женаты/замужем – 55,4%,

не женаты/не замужем – 37,2%, в гражданском браке – 4,2%, 3,2% – вдовствующие. Родившиеся и проживающие в Сургуте свыше 20 лет (35,4% и 30,5% соответственно), имеющие высшее образование и ученую степень (60% и 4% соответственно), с уровнем дохода выше 30 тысяч рублей на человека – 63,8%.

При структурировании выборок и дальнейшем анализе поколенческих аспектов городской идентичности и образа будущего мы отталкиваемся от поколенческого подхода Н. Хоува и В. Штрауса [Howe, Strauss 1991]. Молчаливое поколение не анализировалось по причине малой численности в исследуемых выборках (см. табл. 1).

Методики исследования: методика «Шкала идентификации с городом» (Lalli M.), включающая пять семантических блоков, оцениваемых по 5-бальной шкале Лайкерта: «Внешняя ценность», «Общая привязанность», «Связь с прошлым», «Восприятие близости» и «Целеполагание»; авторская модификация методики «Семантический дифференциал», включающая 8 шкал, направленных на изучение отношения к будущему города, открытый вопрос «Напишите несколько ассоциаций, которые возникают у вас в связи с Образом Идеального города (Москвы/Сургута) в будущем. Каким бы вы хотели видеть этот город?», с последующей обработкой ответов частотным контент-анализом, социально-демографические характеристики выборки.

Таблица 1

Распределение поколений в процентах по исследуемым городам

Москва			Сургут		
Поколение	Количество респондентов	Проценты	Поколение	Количество респондентов	Проценты
Z	70	19,5%	Z	51	17,9%
Y	119	33,1%	Y	111	38,9%
X	69	19,2%	X	79	27,7%
Беби-бумеры	100	27,9%	Беби-бумеры	38	13,3%
			Молчаливое поколение	6	2,1%
Всего	358	99,7%	Всего	285	100,0%

Результаты исследования

В соответствии с Задачей 1 - сравнения уровня городской идентичности в двух городах в контексте поколений - были построены таблицы сопряженности, состоящие из трех слоев, и

осуществлен анализ взаимной зависимости переменных, включенных в таблицу: уровень городской идентичности (интегральная шкала), поколение, исследованные города.

Тенденции городской идентичности, исследованные при помощи таблиц сопряженности с анализом абсолютной и ожидаемой частоты, а также вычислением Хи-квадрата Пирсона, таковы: представители поколений X и Y для значений переменной «идентичность» по абсолютной частоте в московской выборке показывают минимальные значения по низкому уровню идентичности и высокие – по высокому. В сургутской выборке наблюдается противоположная тенденция – наибольшее количество респондентов поколений X и Y показывают высокие значения по низкому уровню идентичности и низкие значения по высокому уровню. Таким образом, можно наблюдать поколенческие особенности, заключающиеся в зависимости уровня идентичности жителей города от 22 до 60 лет от особенностей города проживания.

В соответствии с задачей 2 - изучения восприятия образа будущего города его жителями в двух городах - был осуществлен сравнительный анализ шкал семантического дифференциала (гистограмма), построены таблицы сопряженности для шкалы «будущее» методики городской идентичности, создано семантическое пространство образа будущего (факторный и кластерный анализ).

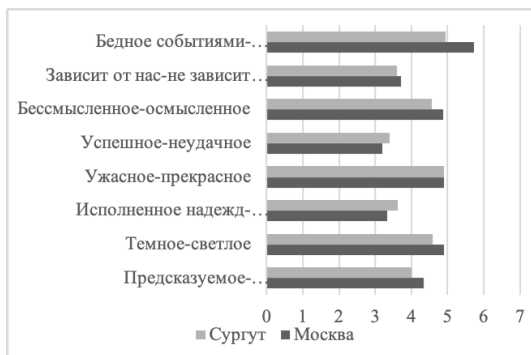

Рис. 1. Сравнительный анализ городов по шкалам семантического дифференциала

Как видно из гистограммы, москвичи, по сравнению с сургутянами, воспринимают будущее своего города как светлое, исполненное надежд, осмысленное, насыщенное событиями.

Анализ таблиц сопряженности восприятия будущего в городской идентичности по поколениям в изучаемых городах показывает следующие закономерности. Различия в данном параметре наблюдаются у поколений X и Y (Хи-квадрат Пирсона = 21.8 и 16.5 при уровне значимости $<0,01$). Тенденции можно описать следующим образом: представители поколения Y показывают более высокий уровень связи своего будущего с городом, в котором проживают, в московской выборке. В сургутской выборке, напротив, представители этого поколения не связывают свое будущее с городом проживания. Аналогичные тенденции наблюдаются у поколения X. Младшее поколение в принципе в меньшей степени идентифицирует свое будущее с городом в обеих выборках. Старшее поколение, напротив, связывает свое будущее с городом проживания в обеих выборках. Выявленные тенденции согласуются с данными об уровне городской идентичности, описанными выше.

Анализ семантического пространства образа будущего по городам

Анализ результатов факторной обработки данных семантического дифференциала методом главных компонент, вращением Варимакс с нормализацией Кайзера в двух выборках показал похожую картину в обеих выборках.

Таблица 2

Матрица факторов (Москва)

Шкалы семантического дифференциала	Факторы	
	1	2
Предсказуемое-непредсказуемое	-,144	,887
Темное-светлое	,886	-,093
Исполненное надежд-безнадежное	-,870	,145
Ужасное-прекрасное	,910	-,073
Успешное-неудачное	-,856	,181
Бессмысленное-осмысленное	,907	-,067
Зависит от нас-не зависит от нас	-,675	,333
Бедное событиями-насыщенное событиями	,649	,371

Таблица 3

Матрица факторов (Сургут)

Шкалы семантического дифференциала	Факторы	
	1	2
Предсказуемое-непредсказуемое	,005	,908
Темное-светлое	,796	-,209
Исполненное надежд-безнадежное	-,623	,591
Ужасное-прекрасное	,866	-,017
Успешное-неудачное	-,736	,427
Бессмысленное-осмысленное	,716	-,336
Зависит от нас-не зависит от нас	-,731	,159
Бедное событиями-насыщенное событиями	,841	,056

Первый фактор идентичен в обеих выборках (в московской выборке объясняет 60,3% суммарной дисперсии, в сургутской выборке объясняет 50,9% суммарной дисперсии). Отрицательный полюс первого фактора образуют пункты, описывающие будущее как безнадежное, неудачное, не зависит от нас. Положительный полюс образуют пункты светлое, прекрасное, осмысленное, насыщенное событиями. Данный результат показывает, что эмоциональная окраска восприятия будущего тесно сопряжена как с наличием в нем смыслов для человека, так и с возможностью повлиять на него.

Второй фактор (в московской выборке объясняет 13,9% суммарной дисперсии, в сургутской выборке объясняет 19,3% суммарной дисперсии) в московской выборке представлен одним пунктом «непредсказуемое». В сургутской выборке единственный полюс образует пункт, описывающий будущее как непредсказуемое и безнадежное. Данное различие показывает, что в сургутской выборке непредсказуемость сопряжена с безрадостностью, мрачностью, отсутствием надежд.

Таблица 4

Расшифровка к дендрограммам шкал семантического дифференциала

Шкала	Наименование шкалы
V9.Б_1	Предсказуемое-непредсказуемое
V9.Б_2	Темное-светлое
V9.Б_3	Исполненное надежд-безнадежное

В9.Б_4	Ужасное-прекрасное
В9.Б_5	Успешное-неудачное
В9.Б_6	Бессмысленное-осмысленное
В9.Б_7	Зависит от нас-не зависит от нас
В9.Б_8	Бедное событиями-насыщенное событиями

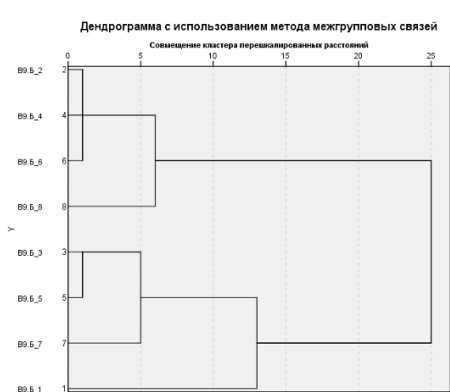

Рис. 2. Дендрограмма (Москва)

Примечание: Расшифровка шкал семантического дифференциала приведена в Таблице 4

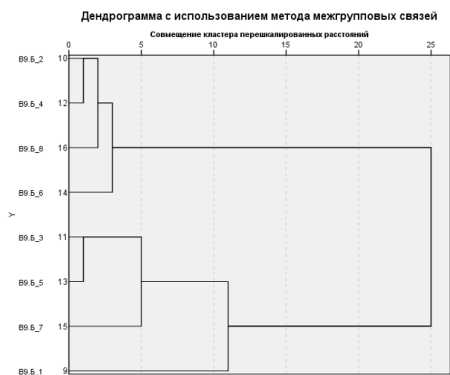

Рис. 3. Дендрограмма (Сургут)

Примечание: Расшифровка шкал семантического дифференциала приведена в Таблице 4

Анализ полученной кластерной структуры показывает, что в обеих выборках четко выделяются два идентичных кластера. При этом в московской выборке ближе друг к другу находятся пункты, описывающие будущее как светлое, прекрасное и осмысленное (первый кластер), в то время как в сургутской выборке – светлое, прекрасное, насыщенное событиями. Второй кластер, объединивший наиболее близко расположенные друг к другу негативные суждения (безнадежное, неудачное, не зависит от нас), идентичен в обеих выборках.

В соответствии с задачей 3 - изучения образа идеального города в будущем - у жителей в двух городах был осуществлен контент-анализ вопроса «Напишите несколько ассоциаций, которые возникают у вас в связи с Образом Идеального города (Москвы/Сургута) в будущем. Каким бы вы хотели видеть этот город?», который позволил выделить 9 наиболее часто встречающихся категорий (см. табл. 5).

Таблица 5

Частотный анализ ассоциаций в связи с образом идеального города в будущем

Москва			Сургут		
Ранг	Категория	Количество (Проценты)	Ранг	Категория	Количество (Проценты)
1	Экология	174 (48,5%)	1	Экология	102 (35,8%)
2	Архитектура	70 (19,5%)	2	Комфорт	84 (29,5%)
3	Комфорт	65 (18,1%)	3	Архитектура	50 (17,5%)
4	Развитая транспортная система	56 (15,6%)	4	Развитая транспортная система	40 (14%)
5	Развитые технологии	39 (10,9%)	5	Доброта	35 (12,3%)
6	Доброта	35 (9,7%)	6	Среда для детей и молодежи	28 (9,8%)
7	Отсутствие мигрантов	32 (8,9%)	7	Развитые технологии	23 (8,1%)
8	Реформа системы управления городом	27 (7,5%)	8	Работа	22 (7,7%)

Как можно видеть из таблицы, в целом, при близкой конфигурации категорий, относящихся к средовым городским факторам, сургутская выборка отличается ожиданиями, связанными с воз-

можностями для детей и молодежи развитой среды и наличия работы.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют говорить как об общих чертах городской идентичности и образа будущего города в плане психологии поколений, так и об уникальных особенностях восприятия жителями изучаемых городов. Прежде всего, можно констатировать, что представители поколения Z в наименьшей степени идентифицируют себя с городом и реже других связывают с ним свое будущее (вне зависимости от города проживания). Выявленная тенденция может быть атрибутирована представителям поколения Z обоих городов, что вполне согласуется с его описанием как поколения, которое «меньше боится рисковать и принимать нестандартные решения» [Сиврикова и др. 2019, с. 157], а это может проявляться и в высокой социальной мобильности. Примечательно, что важнейшими характеристиками образа идеального города Сургута в будущем для респондентов поколения Y являются только комфортность и внешний вид города [Хохлова, Шибаева 2021]. Это согласуется с нашими результатами: поколений Y и X по характеру своей городской идентичности и по характеру связи своего будущего с городом проживания ориентированы, прежде всего, на особенности городской среды. Можно думать, что представители этих поколений более требовательны к условиям жизни, они озабочены проблемами удобства, качества жизни для своих семей, детей.

Респонденты, принадлежащие к поколению Беби-бумеров в обоих городах, обнаруживают наиболее высокий по сравнению с другими поколениями уровень идентичности со своим городом, в том числе, связывая с ним свое будущее. Характерно, что именно старшее поколение сургутян (60-79 лет), рассуждая об идеальном городе Сургуте, по данным Н.И. Хохловой и Л.В. Шибаевой, чаще других высказывает озабоченность перспективами развития города. Возможно, поколение Беби-бумеров, пережившее в прошлом неустроенность, бытовые проблемы, в большей степени, чем младшее, удовлетворено современной инфраструктурой и удобствами города, планирует в нем жить и поэтому задумывается о его развитии в дальнейшем.

Анализ семантического пространства образа будущего показывает, что положительный полюс образуют как собственно эмоциональные категории, так и категории смысла и активности. Таким образом, в каждом городе исследуемые категории складываются в семантические комплексы, содержащие эмоциональные и смысловые компоненты. Отрицательный полюс факторов об-

разован категориями, по сути дела, описывающими predeterminedность будущего в городе, как результат воздействия внешних факторов, независящих от человека. Данное наблюдение можно трактовать как универсальное для обоих городов. При этом категория «непредсказуемость» в сургутской выборке связана с категорией «безнадежность», что показывает, что в сургутской выборке непредсказуемость сопряжена с безрадостью, мрачностью, отсутствием надежд. Это наблюдение подтверждает данные других авторов, причем больше негативных характеристик города было обнаружено Н.И. Хохловой и Л.В. Шибаевой у респондентов 18-35 лет: будущее «безнадежное» и «темное», однако в отношении актуального времени те же респонденты обнаруживают позитивные патриотические чувства к своему городу – «Моя Родина» [Хохлова, Шибаева 2021].

По итогам анализа кластерной структуры категорий СД можно сделать вывод, что в обоих городах при практически идентичной картине группирования категорий в два кластера – позитивный и негативный – в московской выборке, характеризующейся более высокой городской идентичностью и более позитивным восприятием города, именно категория «Осмысленность» наиболее тесно связана с эмоциональными категориями («Светлое», «Прекрасное», «Успешное»). Высокий уровень городской идентичности в Москве, которую горожане воспринимают в позитивных категориях, включает позитивное восприятие собственного будущего в городе (предсказуемое, светлое, исполненное надежд, осмысленное, насыщенное событиями). Эти данные согласуются с выводами Т.А. Нестика и его соавторов о том, что существует тесная связь оценки будущего Москвы ее жителями с оптимизмом и ориентацией на планирование будущего [Нестик и др. 2019]. Позитивная городская идентичность москвичей, между тем, не отменяет их недовольства рядом обстоятельств столичной жизни, которые были обнаружены нами в предыдущих исследованиях – трата времени на дорогу, пробки, многолюдность, шум и др. [Емельянова, Тарасов 2020].

В сургутской выборке негативно окрашенные эмоциональные категории наиболее тесно связаны с категорией, отражающей жизненный уклад горожан в будущем («Бедное событиями»). Полученный результат подкрепляется данными контент-анализа ассоциаций в отношении образа идеального города, которые показывают, что у сургутян значимыми (в сопоставлении с ожиданиями москвичей) оказались пожелания, связанные со средовыми возможностями для детей и молодежи, а также с требованиями к комфорту. По-видимому, в данном случае актуализировались проблемы, требующие быстрого решения в Сургуте,

а именно, вопросы экологии и инфраструктуры города [Покатиловская, Шибаева 2019].

Необходимо заметить, что несмотря на кардинальные различия условий жизни в двух рассматриваемых городах, элементы образа идеального города оказываются схожими. Горожане хотят в будущем видеть как Москву, так и Сургут экологически чистыми, привлекательными по архитектуре, с удобной транспортной системой, комфортными для жизни и добрыми отношениями между людьми. Скорее всего, эти пожелания косвенно отражают общие проблемы, характерные для городской жизни.

Поколенческий анализ образа будущего в обоих городах, в целом, также раскрывает общую для них картину. С учетом поколенческих различий в структуре городской идентичности [Покатиловская, Шибаева 2019; Емельянова, Тарасов 2020], самое старшее поколение жителей двух городов в наибольшей степени связывает свое будущее с городом. Между тем, отмечаются проблемы с реализацией потенциала активности горожан. Так, например, около 50% респондентов-взрослых жителей Сургута убеждены в отсутствии действенности собственного участия, влияющего на процесс жизнедеятельности города [Покатиловская, Шибаева 2019].

Представители поколения Z как сургутян, так и москвичей в наименьшей степени видят свое будущее в данном городе. Подобные наблюдения были сделаны в работе отечественных авторов и в отношении молодежи других городов [Муравьева и др. 2017], они связали этот факт с периодом окончания обучения в вузе и началом профессиональной карьеры, когда принимается решение о том, оставаться ли жить в родном городе; авторы назвали это состояние «кризисом идентификации с городом, переоценкой своего отношения к нему и своего места в нем» [Муравьева и др. 2017, с. 73].

В отношении Сургута проблему самоопределения молодежи в выборе места постоянного проживания (диффузную городскую идентичность) Е.Н. Покатиловская и Л.В. Шибаева объясняют низким уровнем интереса молодежи Сургута к городским проблемам и дистанцированностью от участия в их решении [Покатиловская, Шибаева 2019]. Кстати, нами было показано в предыдущих работах, что и московская молодежь не склонна непосредственно включаться в решение городских вопросов, допуская для себя лишь виртуальные формы участия [Емельянова и др. 2022]. В целом, более низкие показатели городской идентичности у представителей поколений Z и Y в обоих городах, действительно, могут быть связаны с их погруженностью в решение проблем профессионального и личностного самоопре-

деления, свойственных возрасту. Кроме того, характерный для этого периода жизни интерес к новому, неизведанному, желание добиться успеха вкупе с высокой информированностью способствуют социальной мобильности молодежи.

Отдельную исследовательскую задачу составляет анализ межпоколенческой динамики характера городской идентичности и образа будущего по отношению к городу. Результаты среза данных, полученные нами в двух различных городах, разумеется, не позволяют говорить об универсальных закономерностях, но дают основания для предположений и выстраивания перспективы дальнейших исследований. А именно, тот факт, что представители поколения Z обоих городов в наименьшей степени идентифицируют себя с городом и связывают с ним свое будущее в то время, как респонденты поколения Беби-бумеров обнаруживают наиболее выраженную степень городской идентичности и ассоциируют с городом свое будущее. Думается, что только потенциальной мобильностью молодежи, вступающей во взрослую профессиональную жизнь, это наблюдение не объясняется. Вероятно, существуют причины социально-психологического порядка, связанные с противоречивыми установками молодежи по отношению к жизни городского социума. С одной стороны, поколение Z, к которому относится младшая группа наших респондентов, на словах заинтересована в сохранении здоровой экологической среды городов, проявляет интерес к природосохраняющим технологиям, здоровому образу жизни. Но, с другой стороны, было показано [Емельянова, Семенова 2021], что среди респондентов этого поколения велика доля лиц с тревожно-депрессивным состоянием, предикторами которого являются низкое аутгрупповое доверие, недостаток веры в вознаграждение усилий, отсутствие веры в справедливость мира по отношению к себе и враждебность. Эти характеристики образуют своеобразный комплекс факторов, свидетельствующих о неуверенности молодежи этого поколения в своей востребованности обществом и собственной значимости. Задачей молодежной политики в этом плане является благоприятствование конструктивным намерениям молодежи, помощь в поиске возможностей для приложения своих сил и наилучших решений на благо общества.

Полученные результаты открывают перспективы дальнейших исследований феноменов городской идентичности и образа будущего в городе на примерах других крупных культурно-исторических, образовательных и промышленных центров, а также небольших городов для уточнения полученных результатов. Последующие исследования должны также прояснить межпоколенческую динамику характера городской идентичности в горо-

дах разного типа и вероятной изменчивости образов будущего в поколениях.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Ценностно-аффективный компонент жизнеспособности разных групп горожан в условиях проживания в «кризисном городе» и мегаполисе» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00461.

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Value-affective component of the viability of different citizen’s groups in conditions of living in “crisis city” and megapolis”, no. 20-013-00461.

Литература

Вендина 2012 – *Вендина О.И.* Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27–39.

Долгова 2016 – *Долгова Н.В.* Психосемантический анализ представлений москвичей о городе // Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 49–60.

Емельянова, Дробышева 2017 – *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/603> (дата обращения 31 июля 2022).

Емельянова, Семенова 2021 – *Емельянова Т.П., Семенова Т.В.* Социальное самочувствие молодежи: психолого-политические аспекты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 4. С. 87–102.

Емельянова, Тарасов 2020 – *Емельянова Т.П., Тарасов С.В.* Факторы идентификации с городом у москвичей разного возраста // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, М.А. Холодная, П.А. Сабодош. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 758–766.

Емельянова и др. 2022 – *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В., Викентьева Е.Н., Тарасов С.В.* Активность москвичей в городской среде: роль фактора ответственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 7–20.

Муравьева и др. 2017 – *Муравьева О.И., Литвина С.А., Кружкова О.В., Богомаз С.А.* Особенности структуры идентичности с городом молоде-

жи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 63–80.

Нестик и др. 2019 – *Нестик Т.А., Шаповалова О.С., Плужник С.А.* Социальная идентичность и временная перспектива личности как предпосылки отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4 (16). С. 102–126.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. М.: Винок, СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Нуйкина 2015 – *Нуйкина Е.* Социальная жизнеспособность северного города в современных условиях: лидерство и низовая активность населения // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. Вып. 3 (23). С. 156–160.

Озерина 2016 – *Озерина А.А.* Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 135–139.

Пищик 2018 – *Пищик В.И.* Типологические и идентификационные признаки поколений // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2. С. 215–236.

Покатиловская, Шibaева 2019 – *Покатиловская Е.Н., Шibaева Л.В.* Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2 (14). С. 192–209.

Радаев 2018 – *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.

Савина, Баранова 2017 – *Савина О.О., Баранова В.А.* Средовые условия в формировании городской идентичности новых жителей мегаполиса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 2А. С. 171–180.

Самошкина 2008 – *Самошкина И.С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99–107.

Сиврикова и др. 2019 – *Сиврикова Н.В., Постникова М.И., Солдатова Е.Л., Пташко Т.Г., Черникова Е.Г., Шевченко А.А.* Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 1. С. 144–165.

Стрельникова 2012 – *Стрельникова А.В.* «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 2 (82). С. 231–238.

Хохлова, Шибаева 2021 – *Хохлова Н.И., Шибаева Л.В.* Образ современного идеального города в разных возрастных группах / Управление образованием: теория и практика. 2021. Т. 11. № 4. С. 54–63.

Belanche et al. 2017 – *Belanche D., Casaló L.V., Flavián C.* Understanding the Cognitive, Affective and Evaluative Components of Social Urban Identity: Determinants, Measurement, and Practical Consequences // *Journal of Environmental Psychology*. 2017. Vol. 50. P. 138–153.

Breakwell 1986 – *Breakwell G.M.* Coping with threatened identities. London, New York: Methuen, 1986. 280 p.

Breakwell 2021 – *Breakwell G.M.* Identity resilience: its origins in identity processes and its role in coping with threat // *Contemporary Social Science*. 2021. Vol. 16. Iss. 5. P. 573–588.

Identity process theory 2014 – *Identity process theory: Identity, social action and social change* / Ed. by R. Jaspal, G.M. Breakwell. Cambridge: CUP, 2014. 396 p.

Howe, Strauss 1991 – *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 554 p.

Knez 2005 – *Knez I.* Attachment and Identity as Related to a Place and Its Perceived Climate // *Journal of Environmental Psychology*. 2005. no. 25. P. 207–218.

Lalli 1992 – *Lalli M.* Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. 1992. Vol. 12 (4). P. 285–303.

Ross et al. 2003 – *Ross C.T., Bonaiuto M., Breakwell G.M.* Identity theories and environmental psychology // *Psychological Theories for Environmental Issues* / Ed. by M. Bonnes, T.R. Lee. Farnham: Ashgate Publishing, 2003. pp. 203–234.

Valera, Guardia 2002 – *Valera S., Guardia J.* Urban social identity and sustainability. Barcelona's Olympic village // *Environment and behavior*. 2002. Vol. 34. P. 81–96.

Ujang, Zakariya 2015 – *Ujang N., Zakariya K.* The Notion of Place, Place Meaning and Identity in Urban Regeneration // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 170. P. 709–717.

References

Belanche, D., Casaló, L.V. and Flavián, C. (2017), “Understanding the Cognitive, Affective and Evaluative Components of Social Urban Identity:

Determinants, Measurement, and Practical Consequences”, *Journal of Environmental Psychology*, vol. 50, pp. 138–153.

Breakwell, G.M. (1986), *Coping with threatened identities*, Methuen, London, UK, New York, USA.

Breakwell, G.M. (2021), “Identity resilience: its origins in identity processes and its role in coping with threat”, *Contemporary Social Science*, vol. 16, iss. 5, pp. 573–588.

Dolgova, N.V. (2016), “Psychosemantic analysis of Muscovites’ regular representations of the city”, in Zhuravlev, A.L. and Drobysheva, T.V. (ed.), *Sotsial’no-psikhologicheskie issledovaniya goroda* [Socio-psychological studies of the city], Izd-vo «Institut psikhologii RAN», Moscow, Russia, pp. 49–60.

Emel’yanova, T.P. and Drobysheva, T.V. (2017), “Characteristics of collective memory in the context of social and psychological features of two generations”, *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, no. 5, pp. 71–85, available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/603> (Accessed 24 July 2022).

Emel’yanova, T.P. and Semenova, T.V. (2021), “Social feeling of youth: psychological and political aspects”, *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, no. 6 (4), pp. 87–102.

Emel’yanova, T.P. and Tarasov, S.V. (2020) “Identification factors with the city among Muscovites of different ages”, in Zhuravlev, A.L., Kholodnaya, M.A. and Sabadosh, P.A. (ed.), *Sposobnosti i mental’nye resursy cheloveka v mire global’nykh peremen* [Human capacities and mental resources in a world of global change], Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, Moscow, Russia, pp. 758–766.

Emel’yanova, T.P., Drobysheva, T.V., Vikent’eva, E.N. and Tarasov, S.V. (2022), “Activity of Muscovites in the urban environment: The role of the responsibility factor”, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 19 (1), pp. 7–20.

Howe, N. and Strauss, W. (1991), *Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069*, William Morrow & Company, New York, USA.

Jaspal, R. and Breakwell, G.M. (ed.) (2014), *Identity process theory: Identity, social action and social change*, CUP, Cambridge, UK.

Khokhlova, N.I. and Shibaeva, L.V. (2021), “The image of a modern ideal city in different age groups”, *Education Management Review*, no. 11 (4), pp. 54–63.

Knez, I. (2005), “Attachment and Identity as Related to a Place and Its Perceived Climate”, *Journal of Environmental Psychology*, no. 25, pp. 207–218.

Lalli, M. (1992), “Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings”, *Journal of Environmental Psychology*, vol. 12 (4), pp. 285–303.

- Murav'eva, O.I., Litvina, S.A., Kruzhkova, O.V. and Bogomaz, S.A. (2017), "Russian young city-dwellers: structural features of urban identity", *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, vol. 7, no. 1, pp. 63–80.
- Nestik, T.A., Shapovalova, O.S. and Pluzhnik, S.A. (2019), "Social identity and time perspective as predictors of attitudes toward common past, present, and future", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 4, no. 4 (16), pp. 102–126.
- Nora, P. (1999), "Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati", in Nora, P. (ed.), *Frantsiya-pamyat'* [France-memory], Vinok, Moscow, Russia, pp. 17–50.
- Nuikina, E. (2015), "Social viability of a northern town in present-day conditions; leadership and grassroots civic engagement", *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, no. 3 (23), pp. 156–160.
- Ozerina, A.A. (2016), "City identity as a social and psychological phenomenon", *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, no. 4 (34), pp. 135–139.
- Pishchik, V.I. (2018), "Typological and Identifying Characteristics of Generations", *Russian Psychological Journal*, no. 15 (2), pp. 215–236.
- Pokatilovskaya, E.N. and Shibaeva, L.V. (2019), "Image of a city of accommodation in representations of residents with different city identity", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 4, no. 2 (14), pp. 192–209.
- Radaev, V.V. (2018), "Millenials compared to previous generations: an empirical analysis", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no. 3, pp. 15–33.
- Ross, C.T., Bonaiuto, M. and Breakwell, G.M. (2003), "Identity theories and environmental psychology", in Bonnes, M. and Lee, T.R. (ed.), *Psychological Theories for Environmental Issues*, Ashgate Publishing, Farnham, UK, pp. 203–234.
- Samoshkina, I.S. (2008), "Territorial identity as a socio-psychological phenomenon", *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 99–107.
- Savina, O.O. and Baranova, V.A. (2017), "Environmental conditions in the formation of urban identity of the new inhabitants of the metropolis", *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, vol. 6, no. 2A, pp. 171–180.
- Sivrikova, N.V., Postnikova, M.I., Soldatova, E.L., Ptashko, T.G., Chernikova, E.G. and Shevchenko, A.A. (2019), "A comparative analysis of hardiness among different generations in contemporary russia", *Russian Psychological Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 144–165.
- Strel'nikova, A.V. (2012), "“Places of memory” in urban space", *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, no. 2 (82), pp. 231–238.

Ujang, N. and Zakariya, K. (2015), "The Notion of Place, Place Meaning and Identity in Urban Regeneration", *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 170, pp. 709–717.

Valera, S. and Guardia, J. (2002), "Urban social identity and sustainability. Barcelona's olympic village", *Environment and behavior*, vol. 34, pp. 81–96.

Vendina, O.I. (2012), "Moscow identity and the identity of Muscovites", *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 5, pp. 27–39.

Информация об авторах

Татьяна П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; *t_emelyanova@inbox.ru*

Ева Н. Викентьева, кандидат психологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; *vikentieva@mail.ru*

Семён В. Тарасов, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; *sementarasovvas@gmail.com*

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya Street, Moscow, Russia, 129366; *t_emelyanova@inbox.ru*

Eva N. Vikentieva, Cand. of Sci. (Psychology), assistant professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskiy Avenue, Moscow, Russia, 125993; *vikentieva@mail.ru*

Semen V. Tarasov, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya Street, Moscow, Russia, 129366; *sementarasovvas@gmail.com*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-79-90

Исследование магии в современном обществе
сквозь призму биографии
(на примере нарративного анализа
жизненной истории)

Дмитрий А. Хорошилов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com*

Дмитрий С. Машков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, saturnprosto@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования феномена «ренессанса» магических практик в современном изменяющемся обществе. Анализ разных интерпретаций магии и магического мышления (от классического психоанализа до семиотики и культурной антропологии) доказывает, что в индивидуальном и общественном сознании всегда сосуществуют элементы архаического (мифологического) и научного знания: магический дискурс дополняется и усложняется за счет заимствования психологических категорий и псевдопонятий. Известно, что интерес к магии, эзотерике и оккультизму характерен для ситуации кризиса и трансформации социальных институтов, которая оборачивается усилением неопределенности и непредсказуемости, вследствие чего индивиды обращаются к разным, в том числе маргинальным, стратегиям конструирования идентичности и жизненного пути. Одной из таких стратегий становится позиционирование себя как профессионального «мага» или «эзотерика». Такой тип позиционирования следует считать особой формой социализации и индивидуализации, поддержания самоуважения и позитивной социальной идентичности в условиях транзитивности общества и культуры. Выдвинутая гипотеза подтверждается данными кейс-стади, а именно нарративного анализа интервью с астрологом, чей жизненный выбор и профессиональное становление пришлось на постсоветское время.

Ключевые слова: магия, магическое мышление, социальные изменения, нарратив, кейс-стади

Для цитирования: Хорошилов Д.А., Машков Д.С. Исследование магии в современном обществе сквозь призму биографии (на примере нарративного анализа жизненной истории) // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 79–90. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-79-90

Study of magic in modern society
through the prism of biography
(on the example of a narrative analysis
of the life history)

Dmitry A. Khoroshilov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com*

Dmitry S. Mashkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, saturnprosto@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of a theoretical and empirical study of the phenomenon of “Renaissance” of magical practices in today’s changing society. An analysis of different interpretations of magic and magical thinking (from classical psychoanalysis to semiotics and cultural anthropology) proves that elements of archaic (mythological) and scientific knowledge always coexist in individual and social consciousness: magical discourse is supplemented and complicated by borrowing psychological categories and pseudo-concepts. It is known that interest in magic, esotericism and the occult is characteristic of a situation of crisis and transformation of social institutions, which turns into increased uncertainty and unpredictability, as a result of which individuals turn to different, including marginal, strategies for constructing identity and life path. One of these strategies is positioning yourself as a professional “magician” or “esotericist”. This type of positioning should be considered a special form of socialization and individualization, maintaining self-respect and a positive social identity in a transitive society and culture. The hypothesis put forward is confirmed by the data of the case study, namely, the narrative analysis of an interview with an astrologer, whose life choice and professional development took place in the post-Soviet period.

Keywords: magic, magical thinking, social changes, narrative, case study

For citation: Khoroshilov, D.A. and Mashkov, D.S. (2022), “Study of magic in modern society through the prism of biography (on the example of a narrative analysis of the life history)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 79–90, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-79-90

«Магический ренессанс» в контексте социальных изменений

Магические практики и магическое мышление в современном обществе не замещаются наукой (вопреки гипотезе М. Вебера о секуляризации и «расколдовывании мира»), напротив, в массовой культуре и медиа происходит их синкретизация и гибридизация, что описывается в теории социальных представлений С. Московиси как состояние когнитивной полифазии, то есть одновременного сосуществования различных форм социального знания. Н.А. Бердяев еще в начале XX столетия обращал внимание на то обстоятельство, что магические и оккультные традиции являются «подземным» руслом в культуре. Современность, время позднего модерна и постмодерна, без обиняков именуется «новой магической эпохой» [Ионин 2005]. Начиная с классических работ Ф. Йейтс по герметической философии в культуре Ренессанса, эзотерика, магия и оккультизм (мы пока не проводим терминологического различия между этими тремя понятиями и рассматриваем их в едином идейном комплексе) перестали быть маргинальными темами в гуманитарных науках и стали изучаться в междисциплинарном ракурсе как значимая составляющая культуры и интеллектуальной истории [Носачев 2023; Ханegraaf 2016].

В настоящей статье используется классическое определение магии по С.А. Токареву, согласно которому магия – это суеверные действия человека, влияющие сверхъестественным образом на материальный предмет или явление [Токарев 1990]. Магическое мышление – как психологическое измерение магических практик – основывается на наивной эпистемологии неконвенциональной интерпретации взаимосвязи между означающим и означаемым. Между ними устанавливаются отношения тождества: слово, «имя» – не условность, а составляющая физического предмета, следовательно, слово обладает перформативной силой относительно конструирования реальности тех или иных вещей и событий [Мечковская 1998].

Ключевая характеристика магического мышления, по З. Фрейду, – это *всемогущество мысли* и *интеллектуальный нарциссизм*. Человек в напряжении собственных желаний создает симуляцию их удовлетворения, и эта иллюзия индивидуального всемогущества пробуждает к жизни фантазии и аффекты, репрезентирующие реальность. Фрейд сопоставляет первобытные верования анимизма и магическое мышление [Фрейд 2015]. В клинической психологии давно изучаются закономерности и специфика магического мышления при расстройствах личности пограничного спектра, связанных с нарушением базисного про-

цесса де-идеализации значимых Других и защиты от сложной и угрожающей социальной реальности, с которой в онтогенезе не были выстроены надежные кооперативные связи и привязанности [Холмогорова 2002]. В обозначенном отношении клинико-психологический подход к магии во многом продолжает и развивает принципы классического психоанализа и теории объектных отношений.

В современных психологических исследованиях доминирует не психоаналитическая, а *культурно-антропологическая* трактовка магии, восходящая к старым работам Дж. Фрэзера, который выделил два закона магического мышления – подобия и заражения [Фрэзер 2021]. Первый закон исходит из того, что подобное производит подобное, или следствие похоже на причину (как в максиме Гермеса Трисмегиста: что наверху, то и внизу), а любое действие над миром производится через подражание или имитацию. Второй закон – заражения – утверждает следующее: вещи соприкасаются друг с другом и продолжают взаимодействовать уже после прекращения контакта, следовательно, манипуляции над тем или иным артефактом оказывают воздействие на человека, который соприкасался с ним, что иллюстрируется манипуляциями со знаменитой куклой Вуду, прокальваемой иголками для нанесения вреда или даже смертоносного урона. Законы магического мышления, сформулированные антропологами прошлых столетий, используются и сегодня для анализа связей магического мышления, стратегий совладания и психологических защит личности [Байрамова, Ениколопов 2021]. Одновременно в науке происходит переход от описания феноменологии магии, магических верований и практик к изучению ее социальных и психологических функций в повседневной жизни общества и культуры.

Л. Леви-Брюль проводил различие между современным рациональным мышлением и мышлением первобытным, которое является, по его мнению, «пралогическим» и подчиняется закону мистической сопричастности [Леви-Брюль 2017]. Как уже говорилось ранее, доказана обратная гипотеза, введенная в научный оборот Б. Малиновским [Малиновский 2015]. Вера в магическое, чудесное и необычное является неотъемлемым свойством жизни современного человека и выполняет функции регуляции социального поведения и познания при кризисе и трансформации социальных институтов [Lindquist 2006]. Кроме того, магическое мышление обладает важными когнитивными функциями в онтогенезе, что показал в экспериментальных исследованиях Е.В. Субботский [Субботский 2015].

Магическое мышление включает в себя житейские, мифологические и псевдо-научные представления, верования и убеждения в том, что реальные действия, обладающие ритуально-символическим характером, непосредственно влияют на окружение и действительность через специальные магические практики. В данном случае «стираются» границы между аффективно-когнитивным и физическим модусами бытия человека. С социально-психологической точки зрения магическое мышление – форма каузальной атрибуции, объяснения причин и следствий социального поведения в определенных символических категориях. Магическое мышление следует рассматривать как механизм социального познания, эвристику, стратегию быстрого принятия решения и интерпретации в ситуации неопределенности.

Процессы архаизации общественного и массового сознания (сопряженные в том числе с развитием новых медиа, отчуждающих сложный информационный и технологический мир от человека, который пытается найти его простое и понятное объяснение) являются следствием изначальной иррациональности человеческого сознания; в условиях глубокой медиатизации общества и культуры магические практики вбирают в себя категории научных и медицинских дискурсов [Тхостов 2020]. В антропологических исследованиях доказывается, что магические практики и верования актуализируются в переломные для общества моменты, когда у человека нет иных средств для совладания с неопределенностью, кроме «привычных» архаических и мифологических средств [Христофорова 2010].

Сказанное подтверждается в индивидуально-психологическом плане каноническими работами Л.С. Выготского, считавшего культурные практики бросания жребия, пасьянсы рудиментарным способом овладения собственным поведением со стороны [Выготский 2005]. Таким образом, в обращении к магии, эзотерике и оккультизму правомерно видеть стратегию копинга с трансформацией социальных институтов, задаваемых ими ценностей, норм и правил, что закономерно оборачивается усилением неопределенности. Под воздействием социальных изменений индивиды ищут различные, в том числе полумаргинальные и негативные стратегии конструирования персональной идентичности и своего жизненного пути, например, начинают позиционировать себя как профессиональных «магов» или «эзотериков», что является, по-видимому, усложненным способом социализации и индивидуализации, а также поддержания позитивной самооценки в условиях транзитивного общества [Хорошилов, Машков 2020].

*Нарратив в исследовании единичного случая:
анализ биографии астролога*

Закономерно встает вопрос о методологии и методах психологического исследования непростой и закрытой сферы жизни так называемых «консультантов», использующих в своей профессиональной деятельности элементы магических и эзотерических практик (астрологии, хиромантии, карт Таро, ясновидения). Представляется логичным изучить социокультурный и психологический контексты жизненного пути эзотериков с помощью качественных методов нарративного интервью и нарративного анализа отдельных жизненных историй (кейс-стади). Сегодня анализ единичных случаев ориентирован на аналитическое обобщение данных, а не только на описание кейса как уникального и неповторимого [Мельникова, Хорошилов 2020]. Нарративный анализ единичного случая позволяет реконструировать модель идентичности, жизненной истории и автобиографии, воплощаемой в конкретных социальных и исторических обстоятельствах [Рождественская 2012].

Цель проведенного исследования заключалась в изучении значения магических практик в структуре жизненной истории неформальных «консультантов», позиционирующих себя как профессиональных эзотериков.

Далее представлен анализ одного нарративного интервью по модифицированной схеме Д. Хайлса и И. Чермака [Бусыгина 2020] с профессиональным астрологом Н., рассказывающей о развитии интереса к магии и эзотерике от детских увлечений до занятия, определяющего в конечном счете смысл всей ее жизни [Машков 2020].

Первичный нарративный анализ интервью

Н. начинает рассказывать историю жизни с того, что задает сама себе экзистенциальный вопрос: «*Как ты дошла до жизни такой?*». Ее история является автобиографией с элементами ретроспективной интерпретации событий жизни, складывается впечатление, что она вступает во внутренний диалог с собой. Тип сюжета – хроникально-концентрический, конструируемый вокруг темы профессионального становления и самореализации, отстаивания независимости и права на самостоятельный, независимый от социальных конвенций стиль жизни. С детских лет Н. интересовалась эзотерикой и «народными» магическими практиками (например, гаданием на игральных картах); она признается, что жила с интуитивным ощущением присутствия Бога вопреки атеистическому советскому воспитанию. При этом Н.

равнодушно смотрела на то, что составляет интересы окружающих людей (стремящихся, прежде всего, достичь высокого социального статуса и престижной позиции), ей вообще было трудно *«вписаться в обычную человеческую жизнь»*. Жизнь Н. приобрела иное звучание после увлечений астрологией и Таро. Благодаря полученным эзотерическим знаниям и общению с начинающими эзотериками, Н., согласно ее признанию, удалось разобраться в себе, объяснить свою социальную инаковость и отсутствие конформности. После того, как Н. осознала и приняла отсутствие интереса к *«обычной жизни женщины своего возраста»*, она смогла наконец-то профессионально заняться тем, что ей всегда было по-настоящему интересно, – астрологией и гаданием на картах.

Анализ содержания нарратива

В ходе нарративного анализа интервью удалось выделить следующие темы.

1. Детство: ранний интерес к необычному (*«У меня всегда было ощущение Бога»*).

2. Этап «спокойной» жизни: поиск жизненного интереса (*«Социум меня не волновал вообще»*); благоприятные детские воспоминания как контраст с последующей жизнью (*«Это всю мою оставшуюся жизнь перетягивает, иначе бы не вытянуло»*); институт (*«Ты так тихо, спокойной поступаешь на экономический на ровном месте»*); первая работа (*«Спокойно сидела, занималась своими делами»*);

3. Этап «интересной» жизни: увлечение астрологией и знакомство с эзотерическим сообществом (*«Когда я стала заниматься астрологией, жить стало веселее и интереснее»*); профессиональная эзотерическая карьера (*«Я стала делать гороскопы за деньги, вот тогда я поняла, что я это могу»*); приглашение на работу в эзотерический салон (*«Называется «мечта идиота» сбылась»*); посвящение себя эзотерике как направляющему интересу жизни (*«Потом решила, что, пожалуй, уйду совсем, пошло бы все на фиг»*).

Фабула и сюжет нарратива

Детство Н. прошло в сельской учительской семье. Рано научилась гадать на картах. По настоянию матери поступила на экономический факультет одного из институтов Москвы, куда поступать не хотела. Во времена перестройки, когда появилась ранее запрещенная литература, заинтересовалась эзотерикой на новом уровне, с увлечением занялась астрологией, бесплатно составляла гороскопы и гадала на картах друзьям и знакомым. В 1998 г. из-за финансового кризиса на «официальной» офисной работе

перестали платить зарплату, N. решает, что может брать деньги за свои услуги как профессиональный астролог. Она знакомится с владелицей эзотерического салона, которая приглашает N. к себе, та увольняется с основного места работы и полностью посвящает себя эзотерическому консультированию. *Фабула* – профессиональная идентификация в роли астролога, а сюжет – обретение эзотерического интереса как сквозной тематической линии жизненного пути.

Анализ формы нарратива

Жизненная история N. является рассказом об обретении своего призвания, следовании внутреннему голосу. В прологе рассказа обнаруживаются образы детства, когда респондентка встречается с нетипичными для большинства детей мистическими переживаниями. Появление в свободном доступе оккультной литературы начинает играть все большую роль в ее жизни. N. знакомится с новыми людьми, которых увлекают те же вопросы, в общении внутри этого круга проявляется малознакомое, но приятное «ощущение братства». N. начинает изучать астрологию, благодаря чему переосмысляет свои переживания, находит единомышленников и становится участником полумаргинального и закрытого сообщества (эзотерического клуба). Социальные обстоятельства (экономический кризис) выступают фактором принятия решения окончательно уйти с работы и посвятить жизнь профессиональному занятию эзотерикой. В этот решающий момент она делает судьбоносный и во многом рискованный выбор («Я ушла абсолютно в никуда»): отказывается продолжить «жить обычную жизнь» и следует своему призванию. Необходимо отметить, что астрология, по мнению N., является не только профессией, но также и определенным стилем жизни.

История N. похожа на сатиру (типология Н. Фрая) – это нарратив, бросающий вызов социальному порядку: она отказывается от нормативных жизненных и гендерных сценариев, предлагаемых обществом и культурой. При этом героиня не выступает против традиционных норм жизни и не призывает других людей следовать ее примеру, она постоянно подчеркивает индивидуальный, точнее, – приватный характер избранного пути как стратегии максимального дистанцирования от общества и социальных институтов. Конституирующим для нарратива N. является контраст двух модусов-этапов жизни: «спокойной» и «интересной», что лучше всего иллюстрирует следующая цитата из интервью. *«Вписаться в обычную жизнь мне было трудно, мне не хотелось выходить замуж, потому что я не видела ни перспективы, ни интереса во всем этом, мне не хотелось иметь детей, поскольку я*

прекрасно понимала, что я не выращу нормального ребенка, я достаточно практична в этом отношении. Поэтому смысл моей жизни стал заключаться в том, чтобы – не дай Бог! – не заскучать».

*Критический анализ нарратива:
латентная социальная детерминация биографии*

Нарративный анализ интервью позволяет реконструировать автобиографический опыт респондента и ее модель проживаемой идентичности, которая выступает дискурсивной схемой организации жизненного пути. В описанном нами случае повествовательная идентичность конструируется как конфигурация внутреннего поиска аутентичного «Я» в ситуации кризиса и распада советских и постсоветских социальных институтов, от которых рассказчик пытается максимально дистанцироваться. Как отчетливо видно из нарратива, символическим стержнем идентичности астролога является обретение профессиональной позиции в маргинальной части социокультурного порядка, что можно считать стратегией совладания с неопределенностью и нестабильностью изменяющегося общества. Подобная эмоционально-смысловая «инвестиция» в магический и эзотерический дискурс осуществляется почти всегда параллельно с аффективной самопроверкой жизненных поисков респондента (этот момент на протяжении всего интервью выражается в постоянном употреблении категории интереса). При этом контекст социальных изменений остается скорее повседневным фоном, который в рассказе вытесняется все большим сосредоточением на внутренней жизни и переживаниях, на профессиональной самореализации вне установленных социальных фреймов.

Таким образом, в методологической оптике нарративного анализа автобиографии и жизненной истории раскрывается не феноменология, а социально-психологическая функция эзотерического знания и магических практик, являющихся не только архаическим и мифологическим наследием в жизни современного человека, но и специфически маргинальной формой социализации и индивидуализации в ситуации радикальных изменений общества и культуры, стратегией самоидентификации в изменяющемся социальном порядке.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00799 «Социально- психологические механизмы соматизации и ипохондризации в информационном обществе».

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project “Social psychological mechanisms of somatization and hypochondrization in the informational society”, no. № 20-013-00799.

Литература

- Байрамова, Ениколопов 2021 – *Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н.* Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 4. С. 5–13.
- Бусыгина 2020 – *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2020. 423 с.
- Выготский 2005 – *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2005. 1136 с.
- Ионин 2005 – *Ионин Л.Г.* Новая магическая эпоха // Логос. 2005. № 2 (47). С. 156–173.
- Леви-Брюль 2017 – *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.: Кранд, 2017. 338 с.
- Малиновский 2015 – *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2015. 305 с.
- Машков 2020 – *Машков Д.С.* Нарратив в исследовании единичного случая // Материалы международной конференции «Психология личности: реальный и виртуальный контекст», РГГУ, Институт психологии имени Л.С. Выготского, 23–24 ноября 2020 г. М.: РГГУ, 2020. С. 62–66.
- Мельникова, Хорошилов 2020 – *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020. 324 с.
- Мечковская 1998 – *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 349 с.
- Носачев 2023 – *Носачев П.Г.* Изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века: историко-аналитическое исследование. М.: НЛО, 2023. 504 с.
- Рождественская 2012 – *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 380 с.
- Субботский 2015 – *Субботский Е.В.* Неуничтожимость волшебного: как магия и наука дополняют друг друга в современной жизни. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 316 с.
- Токарев 1990 – *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 621 с.
- Тхостов 2020 – *Тхостов А.Ш.* Культурно-историческая психопатология. М.: Канон+, 2020. 320 с.

Фрейд 2015 – *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука, 2015. 256 с.

Фрэзер 2021 – *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. СПб.: Азбука, 2021. 976 с.

Ханеграаф 2016 – *Ханеграаф В.Я.* Западный эзотеризм: путеводитель для запутавшихся. М.: Центр книги Рудомино, 2016. 256 с.

Холмогорова 2002 – *Холмогорова А.Б.* Личностные расстройства и магическое мышление // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 80–88.

Хорошилов, Машков 2020 – *Хорошилов Д.А., Машков Д.С.* Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. «Психология. Педагогика». Серия 16. 2020. Т. 10. № 1. С. 18–32.

Христофорова 2010 – *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, 2010. 432 с.

Lindquist 2006 – *Lindquist G.* Conjuring hope: Magic and healing in contemporary Russia. New York, Oxford: Berghahn Books, 2006. 272 p.

References

Bayramova, E.E. and Enikopov, S.N. (2021), “Magical thinking and belief in magic in special cases of psychological defense and coping strategies”, *Psychology. Psychophysiology*, vol. 14, no. 4, pp. 5–13.

Busygina, N.P. (2020), *Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniï v psikhologii* [Qualitative and quantitative research methods in psychology], Yurait, Moscow, Russia.

Frazer, J.G. (2021), *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [The golden bough: A study in magic and religion], Azbuka, St. Petersburg, Russia.

Freud, S. (2015), *Totem i tabu* [Totem and taboo], Azbuka, St. Petersburg, Russia.

Ionin, L.G. (2005), “New magical era”, *Logos*, no. 2 (47), pp. 156–173.

Kholmogorova, A.B. (2002), “Personality disorders and magical thinking”, *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, no. 4, pp. 80–88.

Khoroshilov, D.A. and Mashkov, D.S. (2020), “Grounded theory method as a tool for psychological mapping of social situations”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. «Psikhologiya. Pedagogika»*. Seriya 16, vol. 10, no. 1, pp. 18–32.

Khristoforova, O.B. (2010), *Kolduny i zhertvy: antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and Victims: An Anthropology of Witchcraft in Contemporary Russia], OGI, Moscow, Russia.

Levi-Bryul', L. (2017), *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking], Krasand, Moscow, Russia.

Lindquist, G. (2006), *Conjuring hope: Magic and healing in contemporary Russia*, Berghahn Books, New York, Oxford, USA, UK.

- Malinovskii, B. (2015), *Magiya, nauka i religiya* [Magic, science and religion], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Mashkov, D.S. (2020), "Narrative in case study research", *Proceedings of the international conference "Psychology of personality: real and virtual context"*, Russian State University for the Humanities, Institute of Psychology named after L.S. Vygotsky, Moscow, Russia, 23–24 November 2020, pp. 62–66.
- Mechkovskaya, N.B. (1998), *Yazyk i religiya* [Language and religion], Agentstvo «FAIR», Moscow, Russia.
- Mel'nikova, O.T. and Khoroshilov, D.A. (2020), *Metodologicheskie problemy kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* [Methodological problems of qualitative research in psychology], Akropol', Moscow, Russia.
- Nosachev, P.G. (2023), *Izuchenie marginal'noi religioznosti v XX i nachale XXI veka: istoriko-analiticheskoe issledovanie* [Study of a marginal community in the 20th and early 21st centuries: a historical and analytical study], NLO, Moscow, Russia.
- Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2012), *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Subbotskii, E.V. (2015), *Neunichtozhimost' volshebno: kak magiya i nauka dopolnyayut drug druga v sovremennoi zhizni* [The indestructibility of the magical: how magic and science complement each other in modern life], Direkt-Media, Moscow, Berlin, Russian, Germany.
- Tkhostov, A.Sh. (2020), *Kul'turno-istoricheskaya psikhopatologiya* [Cultural-historical psychopathology], Kanon+, Moscow, Russia.
- Tokarev, S.A. (1990), *Rannie formy religii* [Early forms of religion], Politizdat, Moscow, Russia.
- Vygotsky, L.S. (2005), *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development], Smysl, Eksmo, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Дмитрий А. Хорошилов, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; d.khoroshilov@gmail.com

Дмитрий С. Машков, магистр психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 9; saturnprosto@gmail.com

Information about the authors

Dmitry A. Khoroshilov, Sc.D. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; d.khoroshilov@gmail.com

Dmitry S. Mashkov, Master of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11–9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; saturnprosto@gmail.com

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-91-104

Выбор стратегии поведения относительно вакцинации против COVID-19

Анна С. Нелюбина

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Национальный медицинский исследовательский центр терапии
и профилактической медицины Минздрава России,
Москва, Россия, nelubina-anna@mail.ru*

Ксения А. Сундурева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kseniya.sundurev@mail.ru*

Аннотация. Работа посвящена изучению стратегий поведения людей в ситуации пандемии COVID-19. В исследовании приняли участие пациенты (N=62) иммунологических клиник в возрасте от 19 до 76 лет (M=35; SD=14,89), 50% которых вакцинировались против COVID-19 и 50% хотели получить медицинский отвод от прививки. Использовались психодиагностические методики: авторская анкета со шкалированными ответами об осведомленности о коронавирусе COVID-19, вакцинации и иммунитете; опросник «Локус контроля болезни» (Тхостов, Бевз, 1998); Шкала толерантности к неопределенности Баднера (в адап. Корниловой, Чумаковой, 2014). Результаты: не обнаружено статистически значимых различий между вакцинированными и невакцинированными по уровню толерантности к неопределенности. В выборке преобладал интернальный локус контроля болезни, но группа вакцинировавшихся статистически значимо чаще была склонна перекладывать ответственность на других лиц. Вакцинировавшиеся и невакцинировавшиеся участники отличались по представлениям о COVID-19 и стратегиям поведения в ситуации пандемии. Первые склонны к более радикальным (медикаментозным) способам профилактики заражения и в большей степени опираются на мнение других людей; вторые надеются на способности своего иммунитета противостоять инфекции. Выводы: принятие решения о вакцинации от COVID-19 связано с представлениями о пандемии, но не связано с уровнем толерантности к неопределенности и локусом контроля болезни. Возможно, данные связи необходимо изучить на большей выборке.

Ключевые слова: ситуация неопределенности, стратегии поведения, локус контроля болезни, субъективные представления о коронавирусе, вакцинации, иммунитете

Для цитирования: Нелюбина А.С., Сундурева К.А. Выбор стратегии поведения относительно вакцинации против COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 91–104. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-91-104

Choice of behavioral strategy regarding vaccination against COVID-19

Anna S. Nelyubina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine
of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation,
Moscow, Russia, nelubina-anna@mail.ru*

Kseniya A. Sundureva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kseniya.sundurev@mail.ru*

Abstract. This study aims to research of people's behavior strategies in a pandemic situation. A sample of the study consists of immunological clinic patients. Method: Study (N=62) attended by respondents aged 19 to 76 years (M=35; SD=14.89), 50% are vaccinated against COVID-19, and 50% wanted to get a medical exemption from vaccination. We used the author's questionnaire with scaled answers about coronavirus awareness, vaccination and immunity, Budner's Scale of Tolerance – Intolerance of Ambiguity, the questionnaire "Locus of disease control" (Tkhostov&Bevz, 1998). Results: no statistically significant differences were found between vaccinated and unvaccinated in terms of tolerance to uncertainty. The internal locus of disease control prevails in the sample, but the group of vaccinated was statistically significantly more likely to shift responsibility to others. Vaccinated and non-vaccinated participants differed in their perceptions of COVID-19 and strategies of behavior in a pandemic situation. The first are inclined to more radical (medical) ways of preventing infection and rely more on the opinions of other people; the second hope for the ability of their immunity to resist infection. Conclusions: the decision to vaccinate against COVID-19 is related to perceptions of a pandemic, but is not related to the level of tolerance to uncertainty and the locus of disease control.

Keywords: corporate culture, moral dilemmas, personality, optimism, behavior strategies in conflict

For citation: Nelyubina, A.S. and Sundureva, K.A. (2022), "Choice of behavioral strategy regarding vaccination against COVID-19", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 91–104, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-91-104

Введение

Прекращение пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 во всем мире связывалось с формированием коллективного иммунитета при помощи вакцинации населения. Уже 11.08.2020 г. была зарегистрирована первая общедоступная вакцина, но темпы добровольной иммунизации оставались невысокими. Летом 2021 г. государство предприняло ряд мер по стимулированию темпов вакцинации населения, но количество вакцинированных в РФ осталось на низком уровне (по данным Росстат количество полностью вакцинированных на 18 декабря 2021 года составляло 43%). Таким образом, противодействие населения вакцинации являлось прогрессирующей социальной проблемой.

Первоначально на законных основаниях отказаться от вакцинации можно было, получив медицинский отвод из-за тяжелой аллергической реакции в анамнезе. Закономерно возросло количество пациентов, обращающихся в иммунологические клиники для получения медицинского отвода. С другой стороны, люди с сильной аллергической реакцией в анамнезе могли затрудняться в принятии решения о вакцинации, опасаясь ее последствий, и обращались в клинику для получения медицинского разрешения вакцинироваться. Анализ современных западных социологических и психологических исследований осторожности относительно вакцинации от COVID-19 дает неоднозначные результаты. Интенсивность искусственной иммунизации сильно отличается в разных государствах, и эти различия связывают с культуральными особенностями, доверием населения к власти, медицине и уровню науки в стране [Sallam 2021]. Препятствием для вакцинации является опасение негативного влияния на здоровье мало изученных долгосрочных последствий действия вакцин, а также отмечено, что большинство из тех, кто отказывался от вакцинации против других заболеваний, отказываются и от вакцинации против COVID-19 для себя и своих детей [Yigit et al. 2021]. По данным S. Barello и соавторов (2021) люди с популистской ориентацией игнорируют вакцинацию, они не доверяют медицине и ученым, склонны верить в заговоры, они строят свои убеждения в отношении COVID-19, опираясь на социальные сети [Roccatò, Russo 2021].

Нерешительность в отношении вакцинации демонстрировали даже медицинские работники. Так, метаанализ 35 исследований показал широкую распространенность среди медработников отказов от вакцинации. Среди основных причин нерешительности медицинских работников в отношении вакцинации про-

тив COVID-19 были выделены: опасения относительно безопасности, эффективности и потенциальных побочных эффектов вакцины. Но более высокий предполагаемый риск заражения COVID-19, непосредственный уход за пациентами и вакцинация против гриппа в анамнезе, повышают вероятность использования вакцины, а также вакцинироваться склонны лица мужского пола, пожилого возраста и обладатели докторских степеней [Biswas et al. 2021].

Целью настоящего исследования явилось выявление психологических особенностей (толерантность к неопределенности, локус контроля болезни, субъективные представления о вакцинации и коронавирусной инфекции COVID-19) у людей с разными стратегиями поведения относительно вакцинации.

В психологических исследованиях выбор стратегии относительно вакцинации связывали со следующими переменными: социальные представления о COVID-19, стереотипы и уровень тревоги [Донцов и др. 2021; Рассказова, Тхостов 2021]. Отдельно качественными методами изучалась логика принятия решения относительно вакцинации (например, работы В.К. Солондаева о принятии решения родителями относительно вакцинации детей) [Солондаев 2021]. А среди психологических факторов, позволяющих личности адаптивно прожить условия неопределенности во время пандемии, стала выделяться толерантность к неопределенности [Кондрашихина 2021; Lan et al. 2021].

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию ВКБ А.Ш. Тхостова (1991, 2002), где субъективная концепция болезни, формируемая у пациента, описывается как опирающаяся на житейские представления о мире, противоречивые с точки зрения формальной логики суждения; концепцию локуса контроля Дж. Роттера (1954), представления о толерантности личности к ситуации неопределенности Дж. Баднера (1962).

Характеристика выборки

В исследовании приняло участие 62 человека в возрасте от 19 до 76 лет (средний возраст – 35 лет, стандартное отклонение – 14,89), обратившихся за консультацией к врачу аллергологу-иммунологу. Выборка разделена на группу невакцинированных пациентов, которые хотели получить официальный медицинский отвод от вакцинации на основании аллергических реакций в анамнезе – 31 человек: 10 мужчин и 21 женщина (средний возраст – 34 года \pm 11,3, медиана – 35 лет), и группу вакцинированных – 31 человек: 11 мужчин и 20 женщин (средний возраст – 44 года \pm 16,3, медиана – 45 лет), имеющих в анамнезе данные за алерго- и иммунопатологию. Исследование проводи-

лось индивидуально в период с сентября по декабрь 2021 года. Персональные данные для проведения исследования не запрашивались. При статистической обработке ответы испытуемых обезличивались, испытуемым присваивались условные номера, соответствующие порядку их участия в исследовании.

Методы и методики исследования

1. Авторская анкета со шкалированными ответами (шкала Лайкерта) – использовалась для исследования субъективных представлений об иммунитете, новой коронавирусной инфекции и вакцинации против нее. В анкете содержатся утверждения, разбитые на 3 блока: 1) что такое коронавирус, способы его передачи и способы защиты; 2) что такое иммунитет и представления о том, где он расположен; 3) понимание того, как действует вакцина.

2. Опросник локуса контроля болезни (А.Ш. Тхостов, И.А. Бевз, 1998) – для выявления доминирующего локуса контроля болезни: фаталистический (отражает мнения о случайности возникновения и исхода болезни), самообвиняющий (стремление пациента обвинять себя в возникновении болезни), врачебный (полное перекалывание ответственности за лечение на врачей), самостоятельный (собственное участие пациента в процессе лечения).

3. Шкала толерантности к неопределенности Баднера (1962) в адаптации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой (2014) – направлена на диагностику степени толерантности к неопределенности, отношения индивида к неоднозначным, неопределенным, тревожащим ситуациям вне зависимости от эмоционального знака этой неопределенности.

Методы анализа данных. Данные, полученные при помощи шкалированных ответов в авторской анкете, обрабатывались кластерным анализом в каждой подвыборке отдельно. Был применен иерархический кластерный анализ с представлением результата дендрограммами методом Варда. Для определения статистической значимости различий между средними значениями в группе по показателям опросника локуса контроля болезни использовался критерий Стьюдента в группах с нормальным распределением. Нормальность распределения подсчитывалась по критерию Колмогорова-Смирнова. Для сравнения групп с разной степенью толерантности к неопределенности привлекался критерий Хи-квадрат. Корреляционные связи между показателями подсчитывались при помощи критерия Пирсона. Статистически значимыми считались различия между средними, не превышающие ошибки в 0,05. Статистическая обработка дан-

ных производилась при помощи статистического пакета SPSS 13.0. for Windows и Microsoft Excel.

Анализ и обсуждение результатов

Сначала охарактеризуем исследуемые выборки по параметрам: доминирующий локус контроля болезни и степень толерантности к неопределенности.

Таблица 1

Описательные статистики локус контроля болезни и статистические различия между группами

Локус контроля болезни M (SD)		
	Вакцинированные (N = 31)	Невакцинированные (N = 31)
Фатализм	13,42 (3,4)	12 (3)
Самообвинение	13,55 (4)	11,52 (3,7)
Перекалывание ответственности	13,45 (2,3)*	11,94 (2,7)*
Самостоятельность	17,55 (2,4)	16,35 (3,8)

Примечания: *при $p < 0,05$.

Таблица 2

Уровни толерантности и интолерантности к неопределенности в группах (%)

Уровень толерантности к неопределенности	Вакцинированные (N = 31)	Невакцинированные (N = 31)
Низкий	11 (36%)	8 (26%)
Ниже среднего	2 (6%)	5 (13%)
Немного ниже среднего	7 (23%)	6 (19%)
Средний	9 (29%)	10 (32%)
Немного выше среднего	2 (6%)	2 (7%)
Выше среднего	0 (0%)	0 (0%)
Высокий	0 (0%)	0 (0%)
M (SD)	25,65(6,8)	26,32(5,8)
Уровень интолерантности к неопределенности		
Низкий	0 (0%)	0 (0%)
Ниже среднего	0 (0%)	0 (0%)
Немного ниже среднего	1 (3%)	0 (0%)

Средний	13 (42%)	17 (55%)
Немного выше среднего	3 (10%)	6 (19%)
Выше среднего	10 (32%)	4 (13%)
Высокий	4 (13%)	4 (13%)
<i>M (SD)</i>	30,32(6,5)	31,03(5,47)

Статистически значимых различий между группами выявлено не было.

Далее приведем результаты кластерного анализа шкалированных анкет осведомленности об иммунитете, новой коронавирусной инфекции и вакцинации отдельно у 2-х групп участников исследования – невакцинированных (выделено 3 кластера) и вакцинированных (выделено 2 кластера).

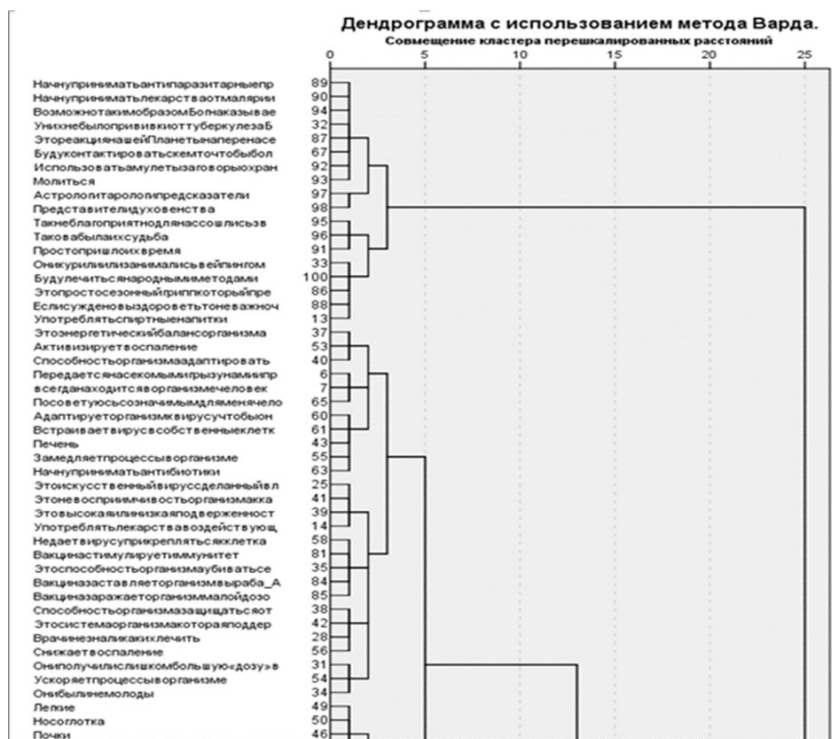

Рис. 1. Дендрограмма иерархического кластерного анализа (вакцинированные)

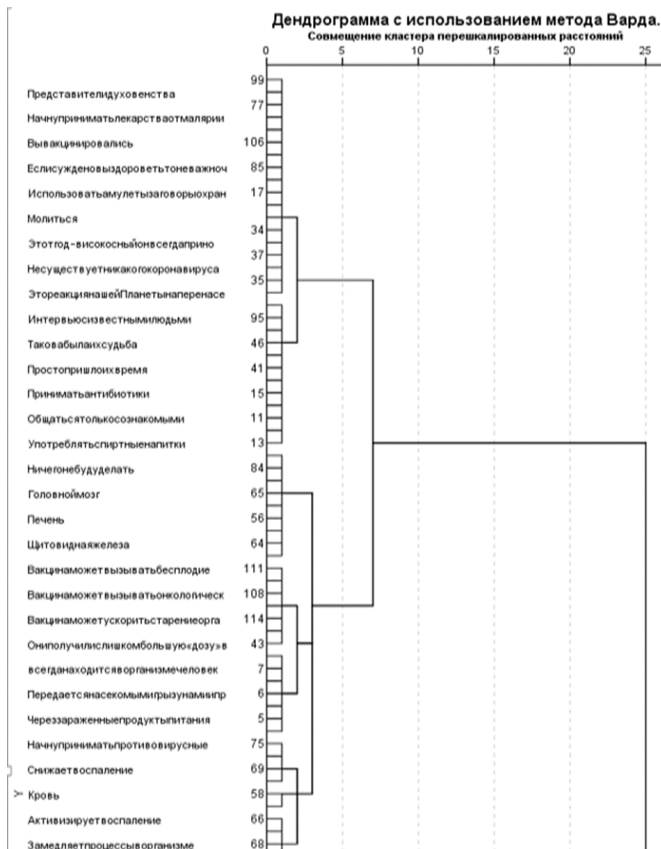

Рис. 2. Дендрограмма иерархического кластерного анализа (невакцинированные).

Обсуждение результатов

Исследуемая выборка обладала средней интолерантностью к ситуации неопределенности: даже вакцинированные пациенты не настолько сильно были интолерантны к ситуации неопределенности, чтобы вакцинироваться, как только появилась возможность. Большинство респондентов прошло вакцинацию в период с июля по ноябрь 2021 года, уже после введения государством ряда ограничений для невакцинированных. Т.е. даже те респонденты, которые, несмотря на риски для здоровья (наличие в анамнезе аллергических реакций), приняли решение об искусственной иммунизации, обладали некоторыми копинг-ресурсами, позволяющими им оттягивать принятие решения о вакцинации.

Те же наши участники исследования, которые, несмотря на вводимые ограничения, так и не приняли решение вакцинироваться, стали искать законный способ отказаться от прививки посредством получения медицинского отвода.

Люди, отказавшиеся от вакцинации, по некоторым исследованиям, обладают внешним локусом контроля, В.К. Солондаев предполагает, что они руководствуются логикой, согласно которой «один человек эпидемиологическую ситуацию не изменит» и их вакцинация не остановит пандемию. Поэтому мы тоже изначально предполагали, что у невакцинировавшихся пациентов, ищущих официальный медицинский отвод, внешний локус контроля будет превалировать над внутренним и они будут стремиться переложить ответственность за принятие решения на врача. Однако большинство наших респондентов в обеих выборках обладали интернальным локусом контроля (самостоятельное участие в вопросах лечения), остальные варианты локусов контроля были представлены примерно в равных долях.

Статистически значимо группа вакцинированных отличалась от невакцинированных только по параметру «Перекалывание ответственности»: вакцинированные пациенты статистически значимо чаще были склонны в ситуации болезни перекалывать ответственность на кого-то другого. Это согласуется с данными, полученными в кластерном анализе: те, кто уже вакцинировался, в большей мере следуют за мнением других лиц, доверяют им. Мы можем провести аналогии и с данными ряда зарубежных исследований [Matta et al. 2022; Yigit et al. 2021].

Так же в нашем исследовании толерантность к неопределенности оказалась связана с интернальным локусом контроля болезни (в виде самообвинения) (0,27 при $p < 0,05$) и отрицательно связана с экстернальным локусом контроля болезни (в виде фатализма) (-0,3 при $p < 0,05$), т.е. чем более толерантным к неопределенности был человек, тем скорее он считал, что «все в его руках» и риск заболеть не предопределен внешними, не зависимыми от человека обстоятельствами.

В ситуации пандемии COVID как ситуации неопределенности, человек динамически ищет способы сохранить устойчивость своей личности. Для успешного совладания с ситуацией возможного заболевания новой коронавирусной инфекцией необходимо сделать ее субъективно более контролируемой. Эта иллюзия контроля может достигаться разными способами.

Так, пациенты иммунологических клиник, желающие получить медицинский отвод от вакцинации, считают, что в защите от коронавирусной инфекции могут помочь немедицинские способы такие, как: «позитивное мышление», природные иммуности-

муляторы, а также употребление спиртосодержащих напитков в качестве дезинфекции изнутри. Т.е. они склонны больше верить в возможности своего естественного иммунитета, стараясь «укрепить» его натуральными, немедицинскими способами. Эти респонденты также склонны верить в магические представления, преувеличивают негативные последствия вакцины для своего здоровья (полагают, что вакцина от COVID-19 может привести к развитию онкологического заболевания, бесплодию, преждевременному старению), именно поэтому они отказываются от вакцинации и ищут подтверждения своих опасений у врача.

В случае если пациент выбирает стратегию иммунизироваться недавно созданной вакциной несмотря на риски (наличие в анамнезе аллерго- иммунопатологии), он склонен использовать более радикальные меры профилактики и предупреждающего лечения, ограничительное поведение, верит в защитную функцию вакцины и в большей степени доверяет медицинским специалистам, полагаясь на их мнение. У этой группы участников локус контроля болезни в виде перекладывания ответственности встречался статистически значимо чаще. К врачу такой пациент обращается для разделения с ним ответственности за возможные негативные последствия вакцинации.

Заключение

Находясь в неопределенной и слабо контролируемой ситуации пандемии малоизученной инфекции, человек пытается сделать эту ситуацию более понятной, а значит, и более предсказуемой. Участники исследования из обеих выборок, принявшие разные решения, черпают из информационного потока различную информацию. Субъективные представления о болезни и вакцинации, являясь частью социальных представлений данного общества, постоянно динамически конструируются (перестраиваются, дополняются). Эта конструкция дает возможность человеку чувствовать себя более уверенным в ситуации неопределенности, создает иллюзию контроля за ситуацией возможного заболевания и позволяет сохранить устойчивость личности. В этом феномене, вероятно, есть некие стилевые, стереотипные аспекты (вроде предпочитаемых копинг стратегий, высокой толерантности или интолерантности к ситуации неопределенности, локуса контроля) и более подвижные, динамические аспекты, служащие для адаптации человека к ситуации неопределенности. Эти аспекты требуют дальнейшего прояснения и изучения.

Ограничениями исследования являются: 1) малая выборка, 2) специфичность выборки – пациенты, обратившиеся за консультацией в иммунологические клиники, 3) проведение исследо-

вания в период до официального снятия государством ограничений, связанных с предупреждением распространения COVID-19, 4) ненормальное распределение выборки по уровню толерантности к неопределенности.

Мы пришли к следующим выводам: в исследуемой выборке принятие решения о вакцинации от COVID-19 связано с субъективными представлениями о пандемии, но не связано с уровнем толерантности к неопределенности и локусом контроля болезни. Полученные данные обладают потенциалом для дальнейших исследований выбора стратегии поведения относительно вакцинации COVID-19 и для конструирования профилактических программ. Представляет интерес повторение исследования на большей выборке после полного снятия ковидных ограничений.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РНФ – проект № 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project “Dynamic Stability of Personality in the Space of Sociocultural Uncertainty”, no. 22-18-00140.

Литература

Донцов и др. 2021 – *Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В.* Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 422–444.

Кондрашихина 2021 – *Кондрашихина О.А.* Толерантность к неопределенности как предиктор стратегии адаптации в условиях пандемии COVID-19 студентов-психологов // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2021. Т. 20. № 1 (47). С. 7–13.

Рассказова, Тхостов 2021 – *Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Готовность к вакцинации против коронавируса как мера доверия официальным медицинским рекомендациям: роль тревоги и представлений [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 76–90. URL: https://npsyj.ru/pdf/npj-no41-2021/pnsyj_2021-1_76-90.pdf (дата обращения 16 окт. 2022).

Солондаев 2021 – *Солондаев В.К.* Понимание вакцинации в процессуальной логике // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 110-летию С.Я. Рубинштейн).

Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25-26 ноября 2021 г. / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. М.: Сам полиграфист, 2021. С. 67–69.

Biswas et al. 2021 – *Biswas N., Mustapha T., Khubchandani J., Price J.H.* The Nature and Extent of COVID-19 Vaccination Hesitancy in Healthcare Workers // *Journal of Community Health*. 2021. Vol. 46 (6). P. 1244–1251.

Lan et al. 2021 – *Lan C., Nie C., Lin Y.* Uncertainty in illness and the coping styles of severe patients with COVID-19: Current status and correlation // *Epidemiology and Infection*. 2021. no. 149. P. 1–22.

Matta et al. 2022 – *Matta Sh., Rogova N., Luna-Cortés G.* Investigating tolerance of uncertainty, COVID-19 concern, and compliance with recommended behavior in four countries: The moderating role of mindfulness, trust in scientists, and power distance [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 186. Part A. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886921007315?via%3Dihub> (дата обращения 16 окт. 2022).

Roccatto, Russo 2021 – *Roccatto M., Russo S.* A new look on politicized reticence to vaccination: populism and COVID-19 vaccine refusal [Электронный ресурс] // *Psychological Medicine*. 2021. Vol. 1–2. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34734558> (дата обращения 16 окт. 2022).

Sallam 2021 – *Sallam M.* COVID-19 Vaccine Hesitancy Worldwide: A Concise Systematic Review of Vaccine Acceptance Rates [Электронный ресурс] // *Vaccines (Basel)*. 2021. no. 9 (2). P. 160. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33669441> (дата обращения 16 окт. 2022).

Yigit et al. 2021 – *Yigit M., Ozkaya-Parlakay A., Senel E.* Evaluation of COVID-19 Vaccine Refusal in Parents [Электронный ресурс] // *The Pediatric infectious disease journal*. 2021. no. 40 (4). P. 134–136. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33410650> (дата обращения 16 окт. 2022).

References

Biswas, N., Mustapha, T., Khubchandani, J. and Price, J.H. (2021), “The Nature and Extent of COVID-19 Vaccination Hesitancy in Healthcare Workers”, *Journal of Community Health*, vol. 46 (6), pp. 1244–1251.

Donczov, A.I., Zotova, O.Yu. and Tarasova, L.V. (2021), “Social representations of the coronavirus at the beginning of the pandemic in Russia”, *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*, vol. 18, no. 2, pp. 422–444.

Kondrashihina, O.A. (2021), "Tolerance to uncertainty among psychology students as a predictor of adaptation strategy in the covid-19 pandemic", *Psikhologo-pedagogicheskij zhurnal Gaudeamus*, vol. 20, no. 1 (47), pp. 7–13.

Lan, C., Nie, C. and Lin, Y. (2021), "Uncertainty in illness and the coping styles of severe patients with COVID-19: Current status and correlation", *Epidemiology and Infection*, no. 149, pp. 1–22.

Matta, Sh., Rogova, N. and Luna-Cortés, G. (2022), "Investigating tolerance of uncertainty, COVID-19 concern, and compliance with recommended behavior in four countries: The moderating role of mindfulness, trust in scientists, and power distance", *Personality and Individual Differences* [Electronic], vol. 186, part A, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886921007315?via%3Dihub> (Accessed 16 October 2022).

Rasskazova, E.I. and Txostov, A.Sh. (2021), "Eagerness to be vaccinated against coronavirus as an indicator of trust to official medical recommendations: the role of anxiety and beliefs", *Nacional'nyj psikhologicheskij zhurnal* [Electronic], no. 1 (41), pp. 76–90, available at: https://npsyj.ru/pdf/npj-no41-2021/npsyj_2021-1_76-90.pdf (Accessed 16 October 2022).

Roccatto, M. and Russo, S. (2021), "A new look on politicized reticence to vaccination: populism and COVID-19 vaccine refusal", *Psychological Medicine* [Electronic], vol. 1–2, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34734558> (Accessed 16 October 2022).

Sallam, M. (2021), "COVID-19 Vaccine Hesitancy Worldwide: A Concise Systematic Review of Vaccine Acceptance Rates", *Vaccines (Basel)* [Electronic], no. 9 (2), p. 160, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33669441> (Accessed 16 October 2022).

Solondaev, V.K. (2021), "Comprehension of the vaccination in logic of process", in Zvereva, N.V. and Roshina, I.F. (ed.), *Diagnostika v medicinskoj (klinicheskij) psikhologii: tradicii i perspektivy` (k 110-letiyu S.Ya. Rubinshtejn). Sbornik materialov Tret`ej Vserossijskoj nauchno-prakticheskij konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem 25-26 noyabrya 2021* [Diagnostics in medical (clinical) psychology: traditions and outlook by the 110th anniversary of S.Y. Rubinstein], Sam poligrafist, Moscow, Russia, pp. 67–69.

Yigit, M., Ozkaya-Parlakay, A. and Senel, E. (2021), "Evaluation of COVID-19 Vaccine Refusal in Parents", *The Pediatric infectious disease journal* [Electronic], no. 40 (4), pp. 134–136, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33410650> (Accessed 16 October 2022).

Информация об авторе

Анна С. Нелюбина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины Минздрава России, Москва, Россия; 101990, Россия, Москва, Петроверигский пер., 10, стр.3; *nelubina-anna@mail.ru*

Ксения А. Сундурева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *kseniya.sundurev@mail.ru*

Information about the author

Anna S. Nelyubina, Ph.D. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Federal State Budgetary Institution National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 3, Petroverigsky per., 10, Moscow, Russia, 101990; *nelubina-anna@mail.ru*

Ksenia A. Sundureva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *kseniya.sundurev@mail.ru*

Особенности переживания
ситуации пандемии COVID-19
людьми творческой и не творческой профессии

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются психологические особенности ситуации прохождения периода пандемии COVID-19 представителями творческой и не творческой сферы деятельности. Демонстрируется спектр актуальных психологических проблем, исследуемых в русле проблем психологии повседневности и транзитивности. Рассматривается, как пандемия эпидемии COVID-19 изменила мир и повлияла на такие аспекты нашей жизни, как: работа, учеба, проведение досуга и т.д. Описывается, как пандемия коронавируса выявила множество неблагоприятных факторов, оказывающих влияние на психическое и психологическое здоровье. Выборка исследования – 216 человек (N=216). Из них: 101 человек – это представители творческих профессий; 115 человек – представители не творческой сферы деятельности. Результаты исследования демонстрируют, что представители творческой сферы деятельности более успешно прошли ситуацию самоизоляции в условиях пандемии COVID-19 благодаря индивидуально-личностным характеристикам таким, как: открытость новому опыту, толерантность к неопределенности, которые способствуют успешному преодолению сложных жизненных ситуаций, где присутствует высокая степень неизвестности. Данные исследования подтверждают общую тенденцию, что представители творческих профессий будут психологически более устойчивы в ситуации изменчивости современного транзитивного пространства.

Ключевые слова: повседневность, транзитивность, пандемия, неопределенность, COVID-19, толерантность, интолерантность, толерантность к неопределенности, профессиональная деятельность, творческие профессии

Для цитирования: Гавриченко О.В. Особенности переживания ситуации пандемии COVID-19 людьми творческой и не творческой профессии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 105–121. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-105-121

Features of experiencing
the COVID-19 pandemic situation
by people of creative and non-creative professions

Oksana V. Gavrichenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Oksana-danshina@rambler.ru*

Abstract. The psychological features of the situation of the COVID-19 pandemic by representatives of the creative and non-creative spheres of activity are examined in the article. The spectrum of actual psychological problems studied in line with the problems of psychology of everyday life and transitivity is demonstrated. It is considered as a pandemic of the COVID-19 epidemic that changed the world and affected such aspects of our lives as: work, study, leisure activities, etc. It is described how the coronavirus pandemic has revealed many unfavorable factors affecting mental and psychological health. The sample of the study is 216 people (N=216). Of these: 101 people are representatives of creative professions. 115 people are representatives of non-creative fields of activity. The results of the study demonstrate that representatives of the creative field of activity have more successfully passed the situation of self-isolation in the conditions of the COVID-19 pandemic due to individual and personal characteristics such as openness to new experiences, tolerance to uncertainty, which contribute to the successful overcoming of difficult life situations characterized by a high degree of uncertainty. These studies confirm the general trend that representatives of creative professions will be psychologically more stable in a situation of variability of modern transitive space.

Keywords: everyday life, transitivity, pandemic, uncertainty, COVID-19, tolerance, intolerance, tolerance to uncertainty, professional activity, creative professions

For citation: Gavrichenko, O.V. (2022), "Features of experiencing the COVID-19 pandemic situation by people of creative and non-creative professions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 105–121, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-105-121

Введение

Проблемы изучения идентичности, вопросов социализации, профессиональной реализации и развития личности в условиях глобализации и в ситуации постоянно меняющихся реалий окружающего пространства в настоящее время приобретают особое значение и становятся актуальными для исследований психологии, социологии и антропологии. Таким актуальным на-

правлением на данный момент является антропология современности, затрагивающая изучение аспектов, связанных с трансформацией современного мира. Этот подход интегрирует научные разработки разных сфер знания о человеке [Гусельцева 2022].

Спектр актуальных психологических исследований, посвященных проблемам повседневности и транзитивного пространства, достаточно широк. Он охватывает разные сферы жизни людей от института брака [Гавриченко, Зотова, 2020] и специфических личностных проблем тревожности и перфекционизма [Гавриченко, Бубновская 2021] до последствий пандемии коронавируса [Иванова 2020; Полева 2021; Марцинковская 2022].

Действительно, ситуация последних лет, связанная с эпидемией COVID-19, радикальным образом изменила мир и повлияла на такие аспекты нашей повседневности, как работа, учеба, проведение досуга и т.д. Ситуация с ковидом привела к переструктурированию жизненного пространства и изменению привычных сценариев поведения людей в данный кризисный период жизни. Проблемы пандемии оказали воздействие на психическое и эмоциональное благополучие населения. Люди любого возраста, образования и профессии по-разному реагировали на введение ковидных ограничений и по-разному справлялись с вынужденной ситуацией изоляции [Марцинковская 2022].

Современные исследования последствий эпидемии COVID-19 выявляют множество неблагоприятных факторов для психики людей. Это профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия, феномен дистресса у медицинских работников [Петриков и др. 2020] и увеличение депрессий и тревоги у людей разных сфер деятельности [Marques et al. 2020].

Успешность в профессиональной деятельности и сформировавшаяся профессиональная идентичность может рассматриваться как признак здоровой, гармонично развивающейся личности [Reardon, Lenz 1999].

В зарубежной психологии особое место в разработке вопроса о связи профессии с индивидуально-личностными характеристиками человека занимает концепция, разработанная в 1966 году Дж. Холландом. Суть его подхода заключается в соединении теории выбора профессии и теории личности. Профессиональный выбор и успешность профессиональной деятельности обусловлены личностными особенностями человека: его ценностными ориентациями, интересами, установками, отношениями. Каждый человек может быть отнесен к одному из выделенных им 6 типов или охарактеризован через комбинацию нескольких типологических особенностей. Так, творческих людей Дж. Холланд относит к артистическому А-типу. Данный подход стал-

квивается с определенной долей критики со стороны научного сообщества, однако на сегодняшний день эта концепция активно используется в изучении психологических феноменов профессиональной деятельности [Седых 2009].

В отечественной психологии людей, чьи профессиональные интересы связаны с изобразительной, музыкальной, литературно-художественной и актерской деятельностью, принято относить к типу «человек – художественный образ». Е.А. Климов подчеркивает, что целью профессиональной деятельности людей данного типа является изобретение чего-то нового. Для представителей таких профессий характерны следующие индивидуально-личностные черты: осознание своей неповторимости, оригинальности в оценке окружающего мира, людей, событий, вещей; способность увидеть, заметить в обычном необычное, представлять, воображать ситуации, картины, новые модели чего-либо; готовность с удовольствием и подолгу заниматься любимой работой; умение нестандартно мыслить и подходить к решению проблемы под неожиданным углом зрения; стремление к различной творческой самодетельности [Климов 1997].

У людей творческих профессий наличие некоторых индивидуально-личностных характеристик способствует более успешному преодолению сложных жизненных ситуаций. Через такой личностный феномен как «толерантность к неопределенности» мы можем попытаться объяснить поведение человека в трудных жизненных обстоятельствах при отсутствии необходимой информации. «Толерантность к неопределенности» дает возможность человеку принять ситуацию изменчивости или избежать ее [Stoycheva 2010].

Целью исследования является изучение связей особенностей переживания ситуации пандемии и индивидуально-личностных характеристик у людей творческих и не творческих профессий.

Гипотеза исследования состоит в том, что в связи со своими личностными особенностями представители творческих профессий будут справляться с ситуацией пандемии легче, относиться к ней более позитивно, чем представители не творческих профессий.

Выборка

В исследовании приняли участие 216 человек (N=216). Из них: 101 человек – это представители творческих профессий (47 студентов и 54 профессионала). 115 человек – представители не творческой сферы деятельности (53 студента и

62 профессионала). Средний возраст респондентов – 32,7 – от 18 до 62 лет. Общее количество мужчин – 67 человек, а женщин – 149 человек.

В группу творческих профессий вошли: писатели (художественная литература) и поэты; разные виды сценаристов (компьютерные игры, сериалы на ТВ, сценарии мероприятий); художники, иллюстраторы, мультипликаторы; дизайнеры (ландшафтные и интерьера); представители актерской и режиссерской сферы; артисты цирка; скульпторы; музыканты, композиторы; танцоры и певцы. Группу не творческих профессий представляли: бухгалтеры, продавцы в магазинах (продукты, одежда, парфюм, электроника и др.), военные, менеджеры, медики, специалисты в компьютерной сфере. При распределении профессий на две группы использовались списки профессий Дж. Холланда.

Методики и статистические методы исследования

Для выявления уровня выраженности интересующих нас личностных черт, а именно: экстраверсия, нейротизм, добросовестность, открытость опыту, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, использовались следующие методики:

– «Новый опросник толерантности к неопределенности» [Корнилова 2010];

– «Большая пятерка» / «Пятифакторный опросник личности» в адаптации А.Б. Хромова [Хромов 2000];

– авторская «Анкета об особенностях переживания пандемии», разработанная под конкретные задачи нашего исследования. Анкета состояла из 35 утверждений, степень согласия с каждым из которых респонденты оценивали по шкале от 1 до 5 (где 1 – совершенно не согласен; 2 – скорее не согласен; 3 – затрудняюсь ответить; 4 – скорее согласен; 5 – совершенно согласен). Утверждения анкеты делятся на 2 группы: в первую входят утверждения, отражающие позитивное отношение к ситуации пандемии, а во вторую группу вошли утверждения, связанные с негативным отношением к ситуации пандемии. Бланк анкеты представлен в приложении 1.

Статистическая обработка осуществлялась в программе IBM SPSS STATISTIC 26 версии. Для проверки нормальности распределения данных использовался критерий Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка. Для анализа различий – статистический метод непараметрического критерия групповых различий U-Манна-Уитни и критерий ранговой корреляции Спирмена. Как в случае с поиском групповых различий, так и в случае с выявлением корреляций к результатам применялась поправка Бонферрони.

Данное исследование проводилось совместно с Анной-Мари-ей Туомонен в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг.

Анализ и обсуждение результатов

Статистические показатели, полученные нами в результате обработки данных всех представителей данной выборки по методикам, направленным на изучение толерантности и интолерантности к неопределенности, и данных по выявлению личностных черт с помощью пятифакторного опросника личности у людей творческих и не творческих профессий, мы можем представить в виде таблицы 1.

Таблица 1

Анализ различий показателей выраженности по критерию (U-Манна-Уитни) индивидуально-личностных характеристик у людей творческих и не творческих профессий

Показатель*	Творческие профессии	Не творческие профессии
Толерантность к неопределенности	63,91	44,76
Интолерантность к неопределенности	35,8	57,01
Добросовестность	42,45	51,23
Открытость опыту	58,53	43,81

Примечания: *В таблице присутствуют только те статистические показатели, межгрупповые различия, которые остались значимыми после поправки Бонферрони.

Как видно из таблицы 1, значимые показатели толерантности к неопределенности и открытости опыту у респондентов, являющихся представителями творческой группы профессий, выше, чем у респондентов, являющихся представителями нетворческой группы профессий. Возможно, это связано с тем, что именно творческая среда предполагает открытость принципиально новым и необычным ситуациям. Показатели же интолерантности к неопределенности и добросовестности у респондентов, являющихся представителями творческой группы профессий, достоверно ниже, чем у респондентов, являющихся представителями не творческой группы профессий. Это, вероятно, может быть связано с тем, что люди не творческих профессий больше нервничают в ситуации неопределенности, вызванной пандемией, и в силу своей профессиональной деятельности привыкли чет-

ко выполнять задание и серьезно относиться к обязательствам перед другими.

Для выявления психологических особенностей, связанных с переживаниями пандемии COVID-19 людьми творческих и не творческих профессий, нами была разработана анкета, состоящая из 35 утверждений, каждое оценивалось по шкале от 1 до 5 (где 1 – совершенно не согласен; 2 – скорее не согласен; 3 – затрудняюсь ответить; 4 – скорее согласен; 5 – совершенно согласен). Вопросы анкеты были поделены на 2 группы: в первую вошли утверждения, связанные с позитивным отношением к пандемии; во вторую – вопросы, отражающие негативные отношения участников исследования к пандемии коронавируса.

К первой группе положительных утверждений относятся следующие: 3. Моя работа/учеба стала для меня отдушиной и источником позитивных эмоций во время пандемии; 4. У ситуации, связанной с пандемией, определенно есть свои плюсы; 6. Из-за ситуации с пандемией я стал(а) много времени уделять своим хобби; 9. Творчество помогает мне во времена пандемии; 17. Как ни странно, пандемия стала для меня своеобразным подарком; 19. Пандемия научила меня чему-то новому; 21. Для меня было очень ценно иметь возможность погрузиться в свой внутренний мир во время пандемии; 23. Я чувствую, что благодаря пандемии стал(а) богаче как личность; 27. Пандемия дала мне внутренний толчок для саморазвития; 30. Пандемия – уникальный опыт, из которого я смогу извлечь пользу так или иначе; 31. Если плохих эмоций и мыслей становилось слишком много во время пандемии, я всегда знал(а), как дать им выход; 32. Общий уровень моей активности во время пандемии только возрос; 35. Я воспринял(а) условия пандемии как вызов или игру.

Статистически значимые результаты, полученные нами в ходе обработки анкет всех представителей данной выборки по первой группе вопросов, мы можем представить в виде таблицы 2.

Таблица 2

Анализ положительных утверждений переживания ситуации пандемии COVID-19 людьми творческих и не творческих профессий

Тематика вопроса*	Значение критерия U-Манна-Уитни по творческим профессиям	Значение критерия U-Манна-Уитни по не творческим профессиям
3. работа/учеба отдушина	4,4	2,5
4. у пандемии есть плюсы	4,2	3,1
6. больше времени для хобби	3,98	3,44

9. творчество помогает	4,7	3,34
17. пандемия как подарок	3,28	2,4
19. пандемия учит новому	4,39	3,46
21. внутренний мир	4,59	3,03
23. преображение	4,48	3,18
27. саморазвитие	4,67	2,87
30. уникальный опыт	4,47	3,35
31. выход для «-» эмоций	4,3	2,71
32. активность выросла	3,79	2,46
35. пандемия – вызов/игра	4,16	2,6

Примечания: *В таблице присутствуют только те показатели межгрупповых различий, которые остались значимыми после поправки Бонферрони.

Анализируя полученные ответы, можно говорить о том, что представители творческих и не творческих профессий показали значимые различия в 23 из 35 утверждений анкеты, то есть в двух третьих случаев от общего количества утверждений. Из 23 представленных в таблице утверждений анкеты 13 показателей у представителей творческих профессий выше, чем у представителей профессий не творческих. Заметим, что смысл всех 13 этих утверждений связан с позитивным, оптимистичным отношением к пандемии и/или с наличием некоего средства, способа, умения справиться с возникавшими в связи с ней психологическими трудностями.

Во вторую группу отрицательных утверждений по отношению к пандемии вошли следующие вопросы: 2. Из-за пандемии мое настроение оставляет желать лучшего; 5. События, связанные с пандемией, вызывают у меня тревогу; 8. Работать/учиться во время пандемии мне стало только тяжелее; 10. События, связанные с пандемией, вызывают у меня раздражение; 12. Я замечаю, что невеселые мысли чаще, чем обычно, приходили в мою голову во время пандемии; 13. Некоторые обстоятельства, связанные с пандемией, вызывают во мне гнев; 14. Тяжелее всего во время пандемии на мне сказалась невозможность жить моей обычной жизнью, делать некоторые обычные вещи; 16. События, связанные с пандемией, вызывают у меня растерянность; 28. Пандемия лишила меня чувства безопасности, стабильности; 33. Жизнь во время пандемии стала более тусклой и неинтересной.

Статистически значимые результаты, полученные нами в ходе обработке анкет всех представителей данной выборки по второй группе вопросов, мы можем представить в виде таблицы 3.

Таблица 3

Анализ отрицательных утверждений переживания ситуации пандемии COVID-19 людьми творческих и не творческих профессий

Тематика вопроса*	Средние значение (U-Манна-Уитни) по творческим профессиям	Средние значение (U-Манна-Уитни) по не творческим профессиям
2. настроение не очень	2,51	3,61
5. есть тревога	2,53	3,3
8. стало тяжелее	2,74	4,01
10. есть раздражение	2,65	3,5
12. невеселые мысли	2,71	3,71
13. гнев из-за пандемии	2,13	2,64
14. нет привычной жизни	2,46	3,87
16. растерянность	2,43	3,37
28. нет стабильности	2,21	2,97
33. жизнь потускнела	2,59	3,65

Примечания: * В таблице присутствуют только те показатели межгрупповых различий, которые остались значимыми после поправки Бонферрони.

Из результатов, представленных в таблице 2, мы видим, что средние статистические значения, связанные с отрицательными переживаниями ситуации эпидемии COVID-19, у представителей творческой сферы деятельности более низкие, нежели у людей, занимающихся не творческой работой. Заметим, что смысл всех 10 утверждений нашей анкеты связан с негативным, пессимистичным отношением к пандемии, который как раз фиксируется у людей из обычной сферы деятельности. Если люди из творческой группы могли во время изоляции продолжать заниматься литературной (писательской) деятельностью, играть на музыкальных инструментах или рисовать, то специалисты из сферы, связанной с не творческой работой (системные администраторы, менеджеры и бухгалтеры), остались на самоизоляции вне привычной профессиональной сферы.

В таблице 4 для сопоставления отображены статистические данные, полученные в результате обработки методик по изучению толерантности и интолерантности к неопределенности, а также методик по выявлению индивидуально-личностных черт у представителей творческих профессий.

Таблица 4

Сравнительный анализ корреляций данных (U-Манна-Уитни) толерантности и интолерантности к неопределенности и индивидуально-личностных черт с результатами анкеты у представителей творческих профессий

Показатели*	Коэффициент корреляции	Показатели*
Толерантность к неопределенности	-0,579	Интолерантность к неопределенности
	0,384	Экстраверсия
	0,591	Открытость опыту
Интолерантность к неопределенности	-0,376	
Экстраверсия	0,507	
	-0,460	Добросовестность
Пандемия изменила мою повседневную жизнь	0,347	
Работать/учиться во время пандемии стало тяжелее	0,374	

Примечания: *В таблице отражены только те корреляции, которые остались значимыми после поправки Бонферрони.

Исходя из представленных корреляционных данных, мы можем говорить о том, что у людей творческих профессий толерантность к неопределенности имеет связь прямого типа с экстраверсией и открытостью опыту и связь обратного типа с интолерантностью к неопределенности. Открытость опыту у респондентов творческих профессий демонстрирует прямую связь с экстраверсией и обратную – с интолерантностью к неопределенности. Экстраверсия же у представителей данной группы отрицательно связана с добросовестностью и положительно – с утверждением анкеты о том, что пандемия значительно изменила жизнь у респондента. Также наблюдается обратная связь между утверждениями анкеты «Работать/учиться во время пандемии мне стало только тяжелее».

Анализируя статистические данные результатов методик по изучению толерантности и интолерантности к неопределенности и данные методик индивидуально-личностных черт в группе представителей не творческих профессий и сопоставляя их с результатами, полученными в ходе анкетирования участников данной группы нашей выборки, мы можем представить сравнительный анализ материала в виде таблицы 5.

Таблица 5

Сравнительный анализ корреляций данных (U-Манна-Уитни) толерантности и интолерантности к неопределенности и индивидуально-личностных черт с результатами анкеты у представителей не творческих профессий

Показатели*	Коэффициент корреляции	Показатели*
Толерантность к неопределенности	- 0, 590	Интолерантность к неопределенности
	0, 576	Открытость опыту
Интолерантность к неопределенности	-0, 469	
Экстраверсия	0, 425	Нейротизм
Из-за пандемии настроение не очень	0,330	
	-0, 414	
Пандемия значительно изменила мою жизнь	- 0,324	
	0, 462	Из-за пандемии настроение не очень

Примечания: *В таблице отражены только те корреляции, которые остались значимыми после поправки Бонферрони.

У людей не творческих профессий толерантность к неопределенности имеет связь прямого типа с открытостью опыту и связь обратного типа с интолерантностью к неопределенности. Открытость опыту у респондентов с не творческими профессиями демонстрирует прямую связь с экстраверсией и обратную – с интолерантностью к неопределенности. Утверждение из анкеты – «Из-за пандемии мое настроение оставляет желать лучшего» – у данных испытуемых положительно связано с нейротизмом и отрицательно – с утверждением из анкеты – «У ситуации, связанной с пандемией, определенно есть свои плюсы». Также утверждение из анкеты – «Пандемия значительно изменила мою повседневную жизнь» – имеет связь прямого типа с утверждением из анкеты – «Из-за пандемии мое настроение оставляет желать лучшего» – и обратного типа – с утверждением из анкеты «У ситуации, связанной с пандемией, определенно есть свои плюсы».

Выводы

Показатели толерантности к неопределенности и открытости опыту у респондентов, являющихся представителями творческой группы профессий, выше, чем у респондентов, являющихся

представителями не творческой группы профессий, а показатели по добросовестности и интолерантности к неопределенности – наоборот ниже.

Респонденты творческих и не творческих профессий обнаружили значимые различия в 23 из 35 утверждений анкеты об особенностях переживания пандемии. 13 из 23 утверждений отражают позитивное отношение к ситуации пандемии, и все 13 показателей – выше у людей творческих профессий. Остальные 10 утверждений из 8 выявленных корреляций (как в случае с представителями творческих профессий, так и в случае с представителями не творческих профессий) лишь по одной корреляции демонстрируют связь какой-либо личностной черты с одним из утверждений анкеты об особенностях переживания пандемии. В случае с людьми творческих профессий это положительная корреляция между утверждением анкеты о том, что пандемия значительно изменила жизнь респондента и экстраверсией; а не творческих – положительная корреляция между нейротизмом и утверждением «Из-за пандемии мое настроение оставляет желать лучшего».

Заключение

Проанализировав эмпирические данные об индивидуально-личностных особенностях людей творческих профессий и сравнив их с аналогичными данными людей не творческих профессий, мы можем утверждать, что у респондентов творческих профессий более высокие показатели по экстраверсии, открытости опыту и толерантности к неопределенности и более низкие показатели по добросовестности, нейротизму и интолерантности к неопределенности по сравнению с респондентами не творческих профессий.

Представители выборки из группы творческих профессий демонстрируют более высокие показатели в тех утверждениях анкеты, где отражено позитивное отношение к ситуации пандемии; и, напротив, более низкие показатели в тех утверждениях анкеты, в которых заключено негативное отношение к пандемии.

Анализ анкет представителей творческих профессией говорит о том, что люди из данной выборки готовы быть более гибкими, относиться к пандемии как к вызову или игре, из которой творческая личность может выйти победителем, обогатив свой внутренний мир, получив новый опыт и открыв для себя новые позитивные возможности как для личностного, так и профессионального развития.

Обобщая полученные данные, мы можем говорить о том, что представители творческой сферы деятельности более успеш-

но прошли ситуацию самоизоляции в условиях пандемии COVID-19 благодаря индивидуально-личностным характеристикам таким, как: открытость новому опыту, толерантность к неопределенности, способствующих успешному преодолению сложных жизненных ситуаций, для которых характерна высокая степень неизвестности и изменчивости.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в определении ряда других внешних и внутренних факторов, вносящих вклад в особенности переживания пандемии COVID-19, а также в валидации нашей анкеты.

Приложение №1

Анкета об особенностях переживания пандемии COVID-19

Инструкция: В таблице ниже Вы найдете ряд утверждений. Оцените степень своего согласия с каждым приведенным утверждением по шкале от 1 до 5 и поставьте отметку в соответствующей графе таблицы. 1 – *совершенно не согласен*, 2 – *скорее не согласен*, 3 – *затрудняюсь ответить*; 4 – *скорее согласен*; 5 – *совершенно согласен*

Читайте утверждения внимательно и последовательно. Старайтесь отвечать честно и не думать над ответами слишком долго. Помните, что здесь нет и не может быть правильных и не правильных ответов, так как Вы выражаете свое личное мнение!

	1	2	3	4	5
1. Пандемия значительно изменила мою повседневную жизнь.					
2. Из-за пандемии мое настроение оставляет желать лучшего.					
3. Моя работа/учеба стала для меня одиозной и источником позитивных эмоций во время пандемии.					
4. У ситуации, связанной с пандемией, определенно есть свои плюсы.					
5. События, связанные с пандемией, вызывают у меня тревогу.					
6. Из-за ситуации с пандемией я стал(а) много времени уделять своим хобби.					
7. Пандемия – большой удар по всем нам.					
8. Работать/учиться во время пандемии мне стало только тяжелее.					
9. Творчество помогает мне во времена пандемии.					
10. События, связанные с пандемией, вызывают у меня раздражение.					
11. Пандемия позволила мне уделить время тем делам и занятиям, до которых долго не доходили руки.					
12. Я замечаю, что невеселые мысли чаще, чем обычно, приходили в мою голову во время пандемии.					

13. Некоторые обстоятельства, связанные с пандемией, вызывают во мне гнев.					
14. Тяжелее всего во время пандемии на мне сказались невозможность жить моей обычной жизнью, делать некоторые обычные вещи.					
15. Сильнее всего пандемия сказались на мне именно снижением моих финансовых возможностей.					
16. События, связанные с пандемией, вызывают у меня растерянность.					
17. Как ни странно, пандемия стала для меня своеобразным подарком.					
18. Я соблюдал(а) предписанные меры самоизоляции.					
19. Пандемия научила меня чему-то новому.					
20. Когда я думаю о пандемии и тем, что с ней связано, я ощущаю прилив страха.					
21. Для меня было очень ценно иметь возможность погрузиться в свой внутренний мир во время пандемии.					
22. Пандемия кажется мне катастрофичной по своим последствиям для разных сфер жизни общества.					
23. Я чувствую, что благодаря пандемии стал(а) богаче как личность.					
24. Я думаю, что вокруг темы пандемии развиты излишние шумиха и паника.					
25. Некоторая вынужденная отстраненность от социума на фоне пандемии плохо сказались на мне.					
26. Мне кажется, я переживаю пандемию тяжелее, чем большинство других людей.					
27. Пандемия дала мне внутренний толчок для саморазвития.					
28. Пандемия лишила меня чувства безопасности, стабильности.					
29. Сравнивая свою жизнь до пандемии и сейчас, я вижу скорее положительные изменения в ней.					
30. Пандемия – уникальный опыт, из которого я смогу извлечь пользу так или иначе.					
31. Если плохих эмоций и мыслей становилось слишком много во время пандемии, я всегда знал(а), как дать им выход.					
32. Общий уровень моей активности во время пандемии только возрос.					
33. Жизнь во время пандемии стала более тусклой и неинтересной.					

34. Во время пандемии у меня часто возникало чувство, что никому больше нет до меня дело.					
35. Я воспринял(а) условия пандемии как вызов или игру.					

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

Acknowledgment

This work was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research, project “Person in everyday life: psychological phenomenology and determinates”, no. 20-013-00075.

Литература

- Гавриченко, Зотова 2020 – *Гавриченко О.В., Зотова И.Г.* Отношение к браку у замужних и разведенных женщин // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 53–69.
- Гавриченко, Бубновская 2021 – *Гавриченко О.В., Бубновская Е.А.* Перфекционизм и тревожность как феномен самоотношения в молодом и зрелом возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 65–81.
- Гусельцева 2022 – *Гусельцева М.С.* Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 12–34.
- Иванова 2022 – *Иванова Е.В.* Пандемия и жизнестойкость личности: Обзор психологических исследований [Электронный ресурс] // Психологическая газета. 3 нояб. 2020. URL: <https://psy.su/feed/8681/> (дата обращения 10 сент. 2022).
- Климов 1997 – *Климов Е.А.* Основы психологии. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. С. 295 с.
- Корнилова 2010 – *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 30. № 1. С. 74–86.
- Марцинковская 2022 – *Марцинковская Т.Д.* Динамика психологического благополучия в ситуации транзитивности и пандемии // Новые психологические исследования. 2022. № 2. С. 88–102.
- Петриков и др. 2020 – *Петриков С.С., Холмогорова А.Б., Суроегина А.Ю., Микита Ю., Рой А.П., Рахманина А.А.* Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских ра-

ботников во время эпидемии COVID-19 // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 8–45.

Полева 2021 – Полева Н.С. COVID-19. Некоторые аспекты фрустрации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 84–99.

Седых 2009 – Седых А.Б. Вклад Джона Льюиса Холланда в психологию профессий и карьеры (к 90-летию со дня рождения известного ученого) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 4. С. 54–68.

Хромов 2000 – Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. 23 с.

Marques et al. 2020 – Marques L., Bartuska F.D., Cohen J.N., Youn S.J. Three steps to flatten the mental health need curve amid the COVID-19 pandemic // Depression and Anxiety. 2020. no. 37 (5). P. 405–406.

Reardon, Lenz 1999 – Reardon R.C., Lenz J.G. Holland's Theory and Career Assessment // Journal of Vocational Behavior. 1999. Vol. 55. P. 102–113.

Stoycheva 2010 – Stoycheva K. Tolerance for ambiguity, creativity, and personality // Bulgarian Journal of Psychology (SEERCP 2009 Conference Papers, Part Two). 2010. Vol. 1–4. P. 178–188.

References

Gavrichenko, O.V. and Zotova, I.G. (2020), “Attitudes towards marriage in married and divorced women”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 53–69.

Gavrichenko, O.V. and Bubnovskaya, E.A. (2021), “Perfectionism and anxiety as a phenomenon of self-attitude in young and mature age”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 65–81.

Guseltseva, M.S. (2022), “Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 12–34.

Ivanova, E.V. (2020), “Pandemic and Personal Resilience: A Review of Psychological Research”, *Psihologicheskaya gazeta* [Electronic], available at: <https://psy.su/feed/8681/> (Accessed 10 Sept. 2022).

Klimov, E.A. (1997), *Osnovy psikhologii* [Fundamentals of psychology], Culture and sports, UNITI, Moscow, Russia, 259 p.

Kornilova, T.V. (2010), “Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire”, *Psychological Journal*, vol. 31, no. 1, pp. 74–86.

Khromov, A.B. (2000), *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Five-factor personality questionnaire: An educational

and methodological guide], Kurgan State Publishing House University, Kurgan, Russia, 23 p.

Marques, L., Bartuska, F.D., Cohen, J.N. and Youn, S.J. (2020), “Three steps to flatten the mental health need curve amid the COVID-19 pandemic”, *Depression and Anxiety*, no. 37 (5), pp. 405–406.

Martsinkovskaya, T.D. (2022), “Dynamic of psychological well-being in the situation of transitivity and pandemic”, *New Psychological Research*, no. 2, pp. 88–102.

Petrikov, S.S., Holmogorova, A.B., Syroegina, A.U., Mikita, U., Roi, A.P. and Rahmanova, A.A. (2020), “Professional burnout, symptoms of emotional distress and distress in medical workers during the COVID-19 epidemic”, *Counseling psychology and psychotherapy*, vol. 28, no. 2, pp. 8–45.

Poleva, N.S. (2021), “COVID-19 Some aspects of everyday life’s frustration”, *Novy’e psikhologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 84–99.

Reardon, R.C. and Lenz, J.G. (1999), “Holland’s Theory and Career Assessment”, *Journal of Vocational Behavior*, vol. 55, pp. 102–113.

Sedykh, A.B. (2009), “John Lewis Holland’s contribution to the psychology of professions and careers (on the 90th anniversary of the birth of the famous scientist)”, *Man. Community. Management*, no. 2, pp. 54–68.

Stoycheva, K. (2010), “Tolerance for ambiguity, creativity, and personality”, *Bulgarian Journal of Psychology (SEERCP 2009 Conference Papers, Part Two)*, vol. 1–4, pp. 178–188.

Информация об авторе

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *Oksana-danshina@rambler.ru*

Information about the author

Oksana V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *Oksana-danshina@rambler.ru*

Современные модели смешанного образования

Екатерина А. Киселева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Vita_ek@mail.ru*

Кристина С. Комиссарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ms.kristina.2015@bk.ru*

Аннотация. Внедрение ИТ-ресурсов и сложившаяся ситуация в обществе и государстве предполагает внесение определенных корректировок в образовательный процесс. В статье рассмотрены вопросы смешанного образования на современном этапе. Если до пандемии использование ИТ-ресурсов в российском образовании находилось в рамках модных тенденций или новаторских разработок, то локдаун показал, что данный инструментарий в экстренных ситуациях позволяет сохранять образовательный процесс. Представлены результаты исследования современных условий проведения образовательного процесса и внедрения в него ИТ-ресурсов, внедрения определенных корректировок и построения актуальных моделей смешанного образования. Отражены сильные и слабые стороны смешанного формата обучения. К сильным сторонам обучения отнесены: развитие информационно-коммуникационных каналов связи студентов с преподавателем; разработка индивидуальных маршрутов контроля учебной деятельности студента; возможность интеграции традиционного и смешанного образования; использование балльно-рейтинговой системы как дифференцированной шкалы системы знаний и т.д. Слабыми сторонами можно считать: недостаточное количество времени коммуникации преподавателя со студентами; возможность оценить знания и недостаточная возможность оценки умений; сложность в оценке анализа логического мышления студента, хода его рассуждений; присутствие низкой мотивации обучения у ряда студентов.

Также в статье рассмотрены факторы, которые в значительной степени негативно влияют в условиях российской действительности на развитие и эффективность использования смешанного образования, и наиболее часто используемые в России модели смешанного образования («Ротация» и «Личный выбор»).

Ключевые слова: смешанное образование, модели смешанного образования, онлайн-обучение, офлайн-обучение

Для цитирования: Киселева Е.А., Комиссарова К.С. Современные модели смешанного образования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 122–132. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-122-132

Modern models of mixed education

Ekaterina A. Kiseleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Vita_ek@mail.ru*

Kristina S. Komissarova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ms.kristina.2015@bk.ru*

Abstract. The introduction of IT resources and the current situation in society and the state involves making certain adjustments to the educational process. The article deals with the issues of mixed education at the present stage. If before the pandemic, the use of IT resources in Russian education was within the framework of fashion trends or innovative developments, then lockdown showed that this toolkit allows us to save the educational process in emergency situations. The results of the study of modern conditions of the educational process and the introduction of IT resources into it, the introduction of certain adjustments and the construction of modern models of mixed education are presented. The strengths and weaknesses of the mixed training format are presented. The strengths of the training include: the development of information and communication channels between students and the teacher; the development of individual routes for monitoring student learning activities; the possibility of integrating traditional and mixed education; the use of a point-rating system as a differentiated scale of the knowledge system, etc. Weaknesses can be considered: insufficient amount of time for communication between the teacher and students; the ability to assess knowledge and insufficient ability to assess skills; difficulty in assessing the analysis of logical thinking of the student, the course of his reasoning; the presence of low motivation to study in a number of students.

The article also examines the factors that have a significant negative impact in Russian reality on the development and effectiveness of the use of mixed education and the most commonly used models of mixed education in Russia (“Rotation” and “Personal choice”).

Keywords: mixed education, mixed education models, online learning, offline learning

For citation: Kiseleva, E.A. and Komissarova, K.S. (2022), “Modern models of mixed education”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics.*

Education” Series, no. 4, pp. 122–132, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-122-132

Образование в современной ситуации не может не реагировать на изменения в обществе, так как это затрагивает интересы большинства людей. Любые социальные трансформации отражаются на учебном процессе, заставляют преподавателей находить актуальные отклики на требования времени. Смешанное обучение (далее – СО) – одна из своевременных и необходимых реакций на существующие запросы. Если до пандемии использование ИТ-ресурсов в российском образовании находилось в рамках модных тенденций или новаторских разработок, то локдаун показал, что данный инструментарий позволяет в экстренных ситуациях сохранять образовательный процесс. То есть, перестав быть данью моде, он стал мерой, необходимой для сохранения процесса преподавания как такового. С одной стороны, такая мера привела к негативному восприятию дистанционной формы обучения, с другой стороны, потребовала экстренной цифровизации образовательного процесса, повышения цифрового образования российского общества. С наработкой соответствующих компетенций в рамках вынужденного дистанта общество не могло и далее ратовать исключительно за традиционное образование (далее – ТО). Если не брать во внимание экономический аспект, ИТ-технологии, проникая в образование на всех уровнях, неизбежно повышают профессиональные компетенции выпускников и общую ИТ-грамотность общества, необходимую в настоящее время.

Но в большинстве регионов страны по завершении локдауна онлайн-обучение, перестав быть единственно возможной формой, не утратило привлекательности в силу своей эффективности и теперь выступает наравне с ТО, не вытесняя его, а дополняя. Так, проведенные в 2021 г. и 2022 г. опросы более 40 магистрантов (психология личности, 1-й / 2-й курс соответственно) о предпочтениях онлайн- и офлайн-обучения показали, что за год предпочтения значительно сместились в пользу онлайн-обучения (с 46% до 87%). Кроме того, подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава крупнейших вузов России поддерживает использование информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) (на основании неоднократно проводимых исследований).

В качестве примера рассмотрим следующие данные [Ломоносова 2016]:

Таблица 1

Институт электронного обучения Национального исследовательского Томского политехнического университета	Использование ИКТ в организации образовательного процесса является базовым фактором	76%
	Возможности ИКТ позволяют более качественно организовать самостоятельную работу студентов	40%
	Современное образование не может быть качественным без использования ИКТ	65%
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»	Разработка и использование электронных образовательных ресурсов поддерживается студентами, выбравшими смешанную форму обучения	76%
	Свободно владеют и применяют различные электронные ресурсы	97%
	Отмечают важную роль ИКТ в возможности экономии личного времени и упрощении проверки самостоятельных работ студентов.	54%

Таким образом, в настоящее время в российской педагогике параллельно сосуществуют 2 тенденции:

1. Разделение онлайн- и офлайн-форм в зависимости от вида занятия (лекция/семинар).

2. Разделение одного занятия на онлайн- и офлайн-компоненты.

Такой симбиоз позволяет минимизировать недостатки и укрепить сильные стороны каждой из форм. В итоге мы получаем современный, апробированный не только за рубежом, но уже и в России эффективный инструмент. И, следовательно, на сегодняшний день задача состоит не в возвращении к ТО и не в отказе от нее, а в развитии СО.

СО, которое также называют гибридным, комбинированным или интегрированным, не сводится к сочетанию онлайн- и офлайн-компонент. Главное – рациональность в сочетании электронного обучения и ТО. Впервые термин «СО» появился в конце 1990-х гг. в пресс-релизе компании Interactive Learning Centers, заявившей о применении методологии СО в разработанных ими курсах. В 2008 г. Институт Клейтона Кристинсена опубликовал уточненное определение СО, проведя границу между обучением с применением технологий и СО: «СО – это формальная образовательная программа, которая совмещает:

- обучение с участием учителя (лицом к лицу, не дома);
- онлайн-обучение, где есть элементы самостоятельного контроля учеником пути, времени, места и темпа обучения,
- интеграцию опыта обучения с учителем и онлайн».

Российская же трактовка СО делает акцент на групповой проектной деятельности учащихся [Андреева 2018].

В настоящее время существует параллельно несколько определений СО [Dolzhenkov 2020]. Анализ научной литературы показывает, что большинство ученых придерживается точки зрения о том, что СО – процесс приобретения знаний, навыков, умений, который сопровождается сочетанием разнообразных технологий обучения: офлайн и онлайн в разных пропорциях, различные образовательные технологии (традиционные, дистанционные, мобильные) и стратегии обучения. Ученые понимают стратегию обучения как некие образовательные модели, определяющие четкие результаты и нацеленные на их достижение для реализации образовательных программ методы, разработанные с учетом различных технологий обучения [Власова и др. 2021]. Некоторые исследователи сосредоточивают внимание на сочетании средств обучения и видят формат СО как сочетание формальных средств – аудиторной работы, обсуждения теоретического материала по электронной почте или видео-конференц-связи (далее – ВКС). При обеспечении консультации через интернет происходит овладение учебным материалом с помощью мультимедийных средств обучения [Ломоносова 2016].

Несмотря на многолетний опыт апробации, остается открытым вопрос эффективности СО и его влияния на предметные, метапредметные и личностные результаты.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что преимущества и недостатки СО и на сегодняшний день обсуждаются и уточняются. Однако уже сейчас можно выделить среди них следующие, наиболее существенные для преподавательского процесса на всех его ступенях:

Таблица 2

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
многообразие способов связи студентов с преподавателем	недостаточное количество времени коммуникации преподавателя со студентами
возможности ИКТ позволяют более качественно организовать самостоятельную работу студентов	возможность оценить знания и недостаточная возможность оценки умений
возможность интеграции традиционного и смешанного образования	сложность в оценке анализа логического мышления студента, хода его рассуждений
разработка индивидуальных маршрутов контроля учебной деятельности студента	необходимость доработки материалов в контексте их усложнения.
возможность предъявить всем студентам одинаковые требования	отсутствие возможности для отработки навыков устной и письменной речи

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
использование балльно-рейтинговой системы как дифференцированной шкалы системы знаний	невозможность создать ситуацию успеха через высокие результаты обучения, в основе которых лежит слабая мотивация студента
возможность использования различных активных форм и методов работы	
возможность создать ситуацию успеха через высокие результаты обучения, в основе которых лежит хорошая мотивация студента	

Конечно, нельзя не указать на факторы, которые в значительной степени негативно влияют в условиях российской действительности на развитие и эффективность использования СО:

1. Недостаточное развитие инфраструктуры, особенно региональных учебных заведений, отсутствие эффективных средств управления образованием.

2. Слабо развитые ИКТ-компетенции у преподавателей.

3. Необходимость доработки законодательной базы по внедрению электронных курсов.

4. Разработка систем мониторинга общественными организациями качества внедрения электронных систем обучения в вузах.

5. Проблема несоответствия технических возможностей и программного обеспечения СО в вузах.

6. Не создана система подготовки кадров к работе в смешанном формате обучения.

7. Недостаточная программная оснащенность студентов.

8. Часть учебных программ, используемых в смешанном формате обучения, являются неактуальными в современной практике.

Несмотря на существующие проблемы, СО в России не только приобретает массовый характер, но и совершенствуется в части используемых моделей.

Согласно имеющимся данным, на сегодняшний день разработано более 40 моделей СО. В России наиболее часто используемые модели относятся к группам «Ротация» и «Личный выбор».

Так, в группе «Ротация» следует выделить следующие модели:

Таблица 3

<i>Модель</i>	<i>Условия применения</i>	<i>Суть</i>
«Автономная группа»	Дифференциация студентов по следующим критериям: - уровень мотивации; - сформированность ИКТ-компетентности; - психологические особенности.	Деление на группы. 1-я группа: основное обучение происходит в онлайн-формате, личное общение с преподавателем используется для консультирования (группового/индивидуального), 2-я группа: основное обучение построено на принципе дистанционного обучения, поддержка и отработка навыков происходит в онлайн-формате.
«Перевернутый класс»	Дифференциация студентов по следующим критериям осуществлена в незначительной форме: - уровень мотивации; - сформированность ИКТ-компетентности; - психологические особенности.	Отсутствует принцип разделения студентов на группы Взаимодействие с преподавателем происходит как в онлайн-формате, так и в традиционном формате обучения Реализация онлайн-компонента происходит вне учебного заведения.
«Смена рабочих зон»	Деление групп происходит на основе видов учебной деятельности (онлайн-обучение, групповая самостоятельная работа, индивидуальная самостоятельная работа, работа с преподавателем)	Образовательные пространства для микро-групп организованы по видам учебной деятельности

Особенностью моделей группы «Личный выбор» является их использование среди обучающихся, имеющих высокую мотивацию к учению, значительный уровень ИКТ-компетентности, а также высокий уровень личностных и метапредметных навыков.

Данная группа моделей облегчает составление расписания при работе по индивидуальным учебным планам, а также расширяет возможности обучающихся учебных заведений, где все образовательные запросы учащихся не могут быть обеспечены педагогическими кадрами.

Большинство статей по СО опубликовано в период пандемии. В этой связи мы выдвинули гипотезу, что так как в условиях постлокдауна не только произошла принципиальная переоценка как ТО, так и СО, но и возросла ИТ-компетенция общества, СО стало весьма актуальной моделью образования и наиболее эффективным механизмом современного педагогического взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Цель нашего исследования – изучить перспективы формата

СО в условиях постлокдауна, связанного с пандемией COVID-19. Мы предположили следующее:

1. В результате опыта локдауна и, следовательно, массового обязательного использования онлайн-форм в обучении всех уровней произошла переоценка СО и принятие его преимуществ в сравнении с ТО, господствовавшим до локдауна.

2. В рамках педагогического образования наиболее востребованными окажутся модели СО, в которых доля ТО будет выше.

Мы использовали адаптированный рейтинг «Преимущество модели СО во время пандемии COVID-19», где в основе – наиболее часто используемые в российской и международной практике 6 моделей СО Власовой В.И., Сыпко Е.В., Хилювчиц Ю.А.

Анализ предпочтений той или иной модели определил рейтинг моделей, использовавшихся после периода локдауна.

Для этого каждую модель мы предлагали оценить по номеру в соответствии с заданной последовательностью. Конечный итог модели формата смешанного обучения вычислялся по среднему арифметическому показателю всех оценок.

В эксперименте приняли участие 107 человек (студенты-психологи, магистратура, 2-й курс), каждый из которых был предупрежден о цели эксперимента и условиях опроса. Окончательные результаты обсуждения моделей СО и предпочтения их внедрения в образование в условиях постлокдауна представлены в таблице 5.

Таблица 4

Преимущество модели СО в условиях постлокдауна

<i>Модель</i>	<i>Основная идея модели</i>	<i>Рейтинг</i>
Модель-1	Дает возможность организовать индивидуальный темп для отдельных мини-групп. Ответственность за содержание деятельности микро-групп лежит на преподавателе. Его цель – обеспечить в полном объеме деятельность учебных групп	3
Модель-2	Ответственность за освоение теоретических материалов лежит на студентах, которые могут самостоятельно определить время и темп освоения материала. Для закрепления полученных теоретических знаний используются преподавателями активные формы и методы обучения.	1
Модель-3	В основе данной модели лежат принципы дифференциации по мотивам, интересам, способностям к обучению, склонностям, уровню и стадиям обучения студентов.	2
Модель-4	Позиция преподавателя в данной модели – координатор учебной деятельности. В поле зрения преподавателя находится содержание материала, уровень понимания материала студентами, организация обсуждения проблемных вопросов. Данная модель реализуется в онлайн-формате.	5

Модель	Основная идея модели	Рейтинг
Модель-5	Модель основана на свободном выборе студентов и возможности составления индивидуальной траектории изучения содержания предметов учебного плана. Для этого им предоставляется выбор элективного курса, который каждый хочет изучать в дополнение к ТО. Обучение происходит полностью дистанционно, индивидуально, дома или на базе компьютерного класса.	4

Наибольший рейтинг получили Модели-2 и Модели-3.

Модель-2 в основе своей организации процесса обучения предполагает использование следующих компонентов: формы и методы ТО; самообучение в онлайн формате в индивидуальном режиме; учебная деятельность происходит в рамках всей группы, проектной группы, малой группы или индивидуальной работы каждого обучающегося под руководством преподавателя. Также в рамках данной модели могут быть использованы активные и интерактивные формы и методы обучения. Такая модель максимально подходит для лабораторных работ с различным оборудованием, конструкторской и исследовательской деятельности. Основная цель – организовать реальную деятельность в учебной аудитории, способствующую максимальной интериоризации учебного материала. Примером учебного материала могут служить короткие видеоклипы по теме, разработанные преподавателем. Модель-3 реализует задачи, которые запланированы в индивидуальной учебной программе. Преимущество – в предоставлении обучающемуся персонализированных учебных материалов и индивидуального графика их изучения при использовании позволяющих ему лучше овладеть учебной дисциплиной инструментов.

Наименьший рейтинг у респондентов получили модели Модель-4 и Модели-5.

Модель-4 подразумевает индивидуальный график обучения, самостоятельное изучение предмета и применение знаний и умения, необходимых для обучения в информационно-образовательной среде. Студент имеет возможность осуществить выбор: либо работать в небольших группах, либо получать помощь от преподавателя в виде индивидуальной консультации, либо выбрать сочетание двух видов деятельности.

Модель-5 предполагает общение с преподавателем с помощью видео-конференц-связи, форумов и e-mail. Не исключается возможность личного взаимодействия преподавателя и студентов. Для этого преподаватель может приехать к студентам по месту учебы для проведения целевых консультаций (групповой или индивидуальный формат). Предполагает изменение модели работы всей образовательной организации.

Проведенное исследование показало, что СО в ситуации постлокдауна сохраняет свою востребованность. Согласно мнениям респондентов, «перекос в сторону полной индивидуализации/дистанта или в сторону ТО не способствует качеству обучения».

Результаты исследования говорят о том, что в условиях постлокдауна можно в большей степени говорить о массовости СО, в том числе использовании новых инструментов ИКТ и электронных ресурсов. Только так можно обеспечить возможность и эффективность СО для всех областей образования.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта «Транзитивное и виртуальное пространство – общность и различия» РНФ, № 19-18-00516-П.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project “Transitive and virtual spaces – commonality and differences”, no. 19-18-00516-P.

Литература

Андреева 2018 – *Андреева Н.В.* Модели смешанного обучения, позволяющие управлять качеством результатов // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 20–28.

Власова и др. 2021 – *Власова В.И., Сытко Е.В., Хилевич Ю.А.* Формат смешанного обучения: плюсы, минусы, перспективы // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 393–395.

Ломоносова 2016 – *Ломоносова Н.В.* Оптимизация критериев смешанного обучения студентов вуза на основе рационального сочетания традиционных и электронных методов взаимодействия // Открытое и дистанционное образование. 2016. № 4 (64). С. 24–30.

Dolzhenkov 2020 – *Dolzhenkov V.N.* Software tools for ontology development // International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering. 2020. Vol. 9. no. 2. P. 56–61.

References

Andreeva, N.V. (2018), “Mixed learning models that allow you to manage the quality of results”, *Psychological science and education*, vol. 23, no. 3, pp. 20–28.

Dolzhenkov, V.N. (2020), “Software tools for ontology development”, *International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering*, vol. 9, no. 2, pp. 56–61.

Lomonosova, N.V. (2016), “Optimization of criteria for mixed learning

of university students based on a rational combination of traditional and electronic methods of interaction”, *Otkrytoye i distantsionnoye obrazovaniye*, no. 4 (64), pp. 24–30.

Vlasova, V.I., Sypko, E.V. and Khilyuvchits, Yu.A. (2021), “Mixed learning format: pros, cons, prospects”, *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 2 (87), pp. 393–395.

Информация об авторах

Екатерина А. Киселева, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *Vita_ek@mail.ru*

Кристина С. Комиссарова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *ms.kristina.2015@bk.ru*

Information about the authors

Ekaterina A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *Vita_ek@mail.ru*

Kristina S. Komissarova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *ms.kristina.2015@bk.ru*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-133-148

Актуализация ценностей в юношеском возрасте в оптике транзитивности

Ольга В. Гребенникова

*Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grebennikova577@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены данные исследования ценностных ориентаций у представителей юношеского возраста в ситуации транзитивности. Результаты эмпирического исследования (n=100) показали, что в ситуации транзитивности большинство юношей и девушек в качестве значимых базовых ценностей, которые выступают общечеловеческими, универсальными нравственными стандартами, выделяют любовь и материально обеспеченную жизнь. Образованность же рассматривается большинством как ведущая инструментальная ценность. В ситуации неопределенности именно она опосредует их убеждения, способности, навыки и поведенческие проявления. Для большинства представителей юношеского возраста развлечения, чуткость и высокие запросы являются незначимыми ценностными ориентациями. В контексте нашего эмпирического исследования отсутствие значимых различий по гендерному признаку может указывать на актуализацию ценностных ориентаций в ситуации неопределенности у представителей юношеского возраста только по возрастному признаку.

Ключевые слова: ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, транзитивность

Для цитирования: Гребенникова О.В. Актуализация ценностей в юношеском возрасте в оптике транзитивности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 133–148. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-133-148

Actualization of values in youth in transitivity optics

Olga V. Grebennikova

*Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, grebennikova577@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of value orientations among youth in transitivity optics. The results of an empirical study (n=100)

showed that in a situation of transitivity, the majority of representatives of youth distinguish love and a financially secure life as significant basic values that act as universal moral standards. Education is considered as the leading instrumental value for most boys and girls. In a situation of uncertainty, education mediates their beliefs, abilities, skills and behavioral manifestations. For the majority of youth, entertainment, sensitivity and high demands are insignificant value orientations. In the context of our empirical research, the absence of significant differences by gender may indicate the actualization of value orientations in a situation of uncertainty among youth only by age.

Keywords: value orientations, terminal values, instrumental values, transitivity, youth

For citation: Grebennikova, O.V. (2022), "Actualization of values in youth in transitivity optics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 133–148, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-133-148

*Введение:
постановка проблемы*

Формирование личности представителей юношеского возраста в настоящее время осуществляется в условиях транзитивности, когда происходит ломка стереотипов, перестройка нравственных идеалов и убеждений, переоценка ценностей.

Проблема структуры ценностных ориентаций всегда считалась актуальной и важной, поскольку касается общего развития личности как субъекта социального и природного взаимодействия. Наличие постоянных ценностных ориентаций характеризует зрелую личность, выступает общим показателем уровня духовного развития человека. Однако процесс выбора ценностей и формирования их иерархии достаточно длительный.

Ценностная сфера человека является предметом анализа и изучения многих исследователей. В общем понимании ценность – это свойства бытия, которые создает человек или которые имеют определенное отношение к нему.

В течение человеческой жизни одни ценности приобретают приоритетное значение, выступают ведущими при восприятии явлений и событий окружающего мира, другие теряют свою актуальность, становятся менее значимыми для личности. Следует отметить, что представители юношеского возраста в целом характеризуются неустойчивостью своих взглядов и ценностных ориентиров, поскольку находятся на стадии формирования мировоззрения, профессионального определения.

Именно ценностно-ориентационная сфера, в первую очередь, детерминирует позицию личности и, соответственно,

направленность и содержание профессионального самоопределения и профессиональной самореализации человека. Профессиональная деятельность не может рассматриваться без определения ее места в системе жизненных ценностей личности. Процесс ценностного самоопределения и становление системы ценностных ориентаций особенно необходимы для успешной реализации будущей профессиональной деятельности и для самоактуализации юношей и девушек.

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение ценностных ориентаций представителей юношеского возраста в ситуации транзитивности.

Методы: Методика М. Рокича «Ценностные ориентации».

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи программы SPSS 16. Различия между юношами и девушками оценивались с применением непараметрических критериев Манна-Уитни.

Выборку (n=100) составили представители юношеского возраста 17–19 лет, обучающиеся в образовательных учреждениях г. Москвы, в количестве 100 человек.

Теоретическая часть

Ценностные ориентации – это те основания (этические, эстетические, политические, религиозные, профессиональные и т.п.), по которым личность как представитель той или иной социальной группы выстраивает воспринимаемые объекты, явления и события по степени их значимости.

Ценностно-ориентационная сфера помогает человеку не только профессионально самоопределиться, но и профессионально реализоваться в будущем.

У каждого человека есть определенный набор направленностей личности, лежащих глубоко внутри, и ценностные ориентации выступают в роли одного из базовых личностных оснований, исходя из которых, формируются установки, мысли и поступки человека в любой ситуации [Карандашев 2004].

Отечественный психолог С.Л. Рубинштейн считает, что ценностью может считаться то, что значимо для человека, и эта особенность ориентирует его поведение. Ценностная ориентация направляет сознание и поведение человека, она проявляется в его поступках и общественно значимых делах [Рубинштейн 2003].

Известный американский психолог Г. Олпорт рассматривал ценности как сложную составляющую личности и пытался объяснить различия в системах ценностей у разных индивидуумов. Он одним из первых представил классификацию ценностей, выделив шесть основных:

1. Ценности, которые отвечают за рациональное мышление и поиск истины, называются теоретическими;
2. За приоритет практической пользы и выгоды отвечают экономические ценности;
3. Важность красоты, гармонии и искусства раскрывают эстетические ценности;
4. Социальные ценности отвечают за любовь, дружбу, преданность в человеческих взаимоотношениях;
5. Предпочтение обретения власти и влияния указывают политические ценности;
6. Следование определенной системе представлений (вере) определяют религиозные ценности [Гуревич 2007].

Ключевым элементом в культуре всегда выступает наиболее распространенная в ней система ценностных приоритетов. Ценностные ориентации людей – это их главные цели, связанные непосредственно со всеми областями поведения конкретного человека. Но, несмотря на это, ценности в то же время находятся и под прямым воздействием общества, его экологического, социального и политического контекста. Именно поэтому, для того чтобы отследить то, как меняется окружающая среда и общество в целом, различные социальные группы, отдельно взятые люди, как влияя исторические события, можно использовать в качестве индикатора ценности.

Ценностные ориентации исследуются как на уровне личности, так и на уровне социума (культуры).

Когда речь идет об изучении ценностей на уровне личности, то главным объектом исследований выступает сама личность. Для ряда людей ценности – это мотивационные цели, выступающие в роли основополагающих принципов жизни, которыми люди руководствуются при принятии решений.

Разные ценности могут породить определенную межличностную динамику: они либо создают совместимость, либо провоцируют наличие конфликта. Это постоянно происходит в нашей повседневной жизни, когда каждый следует своим основным жизненным ориентациям, другими словами, ценностям. Противостоящие ценности можно, например, увидеть в том, что человек не может одновременно и хотеть завоевать авторитет, и демонстрировать ценность скромности. Но нет противоречия в том, что индивид может стремиться как к материальной состоятельности, так и к завоеванию авторитета.

Если заниматься анализом на социальном уровне, рассматривая различия культурных обычаев, традиций и социальных норм, то здесь ядром исследования выступает то общее, что включено в определенную культуру или социальную группу. В этом слу-

чае внимание акцентируется на том, что является плохим, хорошим, нормальным в данном окружении, что принято и не принято, какие существуют правила и рамки, оценивается социальная приемлемость. Другими словами, уровень исследуемой группы не имеет значения – это может быть нация, субкультура, этническая или религиозная община, – анализируется ее внутренний ценностный свод правил, включающий традиции, обычаи и т.д. Ценностные ориентации также отражены и закреплены в существующих в обществе социальных институтах. Такие ориентации будут напрямую влиять на непосредственное поведение людей в этой среде: каждый человек будет знать, насколько то или иное поведение считается приемлемым или нет, и его выбор будет обоснован и понятен другим. Сюда же следует отнести и то, какие именно социальные ценности будут в конкретном обществе влиять на распределение его ресурсов, будут ли, например, деньги идти на благосостояние, на улучшение экологической ситуации, как будет распределяться и соблюдаться социальная ответственность и т. д.

Человек не рождается на свет с готовым набором ценностей, они формируются в течение некоторого времени, перенимаются от родителей и окружения. В целом, можно выделить несколько факторов, которые влияют на формирование ценностных установок. На личность, в первую очередь, оказывается внешнее воздействие: непосредственно группы людей, в которой находится и растет человек, а также элементов макросреды (например, принятых в обществе социальных ролей, правил, СМИ, разнообразных социальных институтов и т.д.). Во-вторых, аналогично влияют и внутренние факторы, например, возраст, пол, темперамент, характер, задатки, потребности и т.д.

М. Рокич представил свою теорию ценностных ориентаций, согласно ей ценности – это определенный тип убеждений, играющий центральную роль в системе убеждений индивида. Он утверждал, что ценности – это принципы, которыми человек руководствуется в жизни, они являются основополагающими для его поведения, к какому образу жизни он стремится и чего хочет достичь. М. Рокич выделил два вида ценностей: инструментальные и терминальные. Первые – это убеждения, и они предусматривают финальные цели, которые заслуживают того, чтобы их достичь. Вторые – это убеждения в том, как предпочтительно вести себя в каждой ситуации в соответствии с определенным образом действий [Леонтьев 2003].

Профессор Иерусалимского университета Шалом Шварц (Shalom H. Schwartz) в отличие от своих предшественников, не делавших различий между ценностями культуры и индивиду-

альными ценностями, выделил последние в качестве предмета изучения. При этом Шварц под индивидуальными ценностями подразумевает те, что «желаемы» индивидом и без ситуативных и деятельностных ограничений руководят его жизнью (т.е. осознаны как ценности), и необходимый для их достижения стиль поведения.

Ш. Шварц с 1992 г. активно работает над количественным анализом индивидуальных ценностей, следуя методологии, созданной Клакхоном и Хофстеде, – разработанной ими многомерной модели культуры, изучаемой в эксперименте с его последующей статистической обработкой.

В своей методике Шварц использует десять мотивационных типов: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность. Отношения между данными типами ценностей, за исключением гедонизма, выражены в виде 2-х биполярных осей: открытость – консерватизм и самовозвышение – самотрансцендентность. Гедонизм имеет отношение как к открытости, так и к самовозвышению [Шварц и др. 2012; Карандашев 2004].

Тема вечных ценностей – ценностей творчества, ценностей переживания, ценностей отношения – была в центре исследовательских интересов В. Франкла. В качестве важнейшей характеристики системы ценностных ориентаций личности автор выделил принцип иерархии ценностей, ее многоуровневость. По мнению В. Франкла, личность может субъективно переживать определенную ценность, если она выше какой-то другой. Построение индивидуальной ценностной иерархии основано на принятии личностью ценностей [Франкл 1990].

В современных отечественных исследованиях проблема ценностей тесно связана с мотивационно-потребностной сферой личности и ее мировоззренческими структурами сознания. Современные исследователи – Г.Е. Залесский и В.А. Малахов – выделяют качестве основной функции ценностей – функцию регуляции активности человека [Залесский 1994; Малахов 2002].

В.Г. Алексеева указывает на то, что важным регулятором активности человека может выступать система ценностных ориентаций, благодаря которой индивидуальные потребности и мотивы соотносятся с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума. Автор констатирует факт включения общественных ценностей в механизм деятельности и поведения личности человека [Алексеева 1979].

Интересен взгляд социальной психологии на проблему ценностных ориентаций. В частности, Г.М. Андреева отмечает, что

под ценностями в социальной психологии понимаются некие идеальные цели общества, социальных групп или личности. Ценности играют важную роль при оценивании определенных событий или действий.

Ценности как научная категория рассматриваются и в философской науке. Высказывания о различных видах ценностей можно встретить уже у античных философов, а также у средневековых мистиков и философов эпохи Просвещения (Сократ, Аристотель, Платон, Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Р. Декарт и др.). Ценность в философии – это, прежде всего, понятие, обозначающее оценочное восприятие и значимость для индивида какого-либо объекта, а также нормативный, предписанный аспект жизнедеятельности. В первом значении – это дихотомия нормативно-оценочных категорий, к ним относятся: понятия добра и зла. Второе значение ценностей раскрывается в субъективном восприятии индивидом объективных явлений. Последние образуют систему личностных ценностей, складывающуюся в процессе деятельностного освоения содержания общественных ценностей. Именно они являются базисом для формирования ценностных ориентаций.

Проблема ценностных ориентаций подробно раскрывается в работах У. Томаса и Ф. Знанецкого. Авторы рассматривают взаимосвязь индивида и социальной культуры, приходя к выводу, что любая деятельность индивида обусловлена, с одной стороны, социальной ценностью объекта деятельности для группы и, с другой стороны, субъективными характеристиками самого субъекта деятельности. Такой подход соответствует теории Т. Парсонса о деятельностной ориентации в системе общественных и культурных традиций. Каждая ситуация предлагает индивиду выбор – действовать в том или ином направлении. Выбор альтернативы, прежде всего, продиктован личными ориентирами индивида (ожидание результатов и удовлетворение потребности в деятельности), а, во-вторых, существует и моральное измерение, где будут вступать в действие социализирующие факторы [Андреева 2004].

Современный отечественный психолог Д.А. Леонтьев выделяет три формы существования ценностей:

1. Общественные идеалы как обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни.
2. Предметно-воплощенные ценности как произведения материальной и духовной культуры человечества.
3. Личностные ценности [Леонтьев 2003].

В. Франкл не раз отмечал, что вопросы о смысле жизни особенно насущны в юношеском возрасте [Франкл 1990].

Юношеский возраст является сензитивным периодом для

профессионального самоопределения и становления ценностных ориентаций. Развитие когнитивных способностей в это время во многом определяется сферой интересов юношества и требованиями будущей профессии, поэтому наряду с возрастными особенностями развития познавательной сферы (мышление становится более гибким, совершенствуются абстрактное мышление, оперативная память и т.д.) более заметными становятся индивидуальные особенности познавательной деятельности.

Мировоззренческие установки в период юности обычно весьма противоречивы. Серьезные, глубокие суждения странным образом переплетаются с наивными, детскими. Молодежь может, не замечая этого, в течение одного разговора радикально изменять свою позицию, одинаково пылко и категорично отстаивать прямо противоположные, несовместимые друг с другом взгляды. Мировоззренческий поиск включает в себя социальные ориентации личности, осознание себя как части социального целого, с превращением идеалов, принципов, правил этого общества в личностно принимаемые ориентиры и нормы. Юношество ищет ответы на вопросы: для чего, ради чего и во имя чего жить? Ответить на них можно лишь в контексте социальной жизни (даже выбор профессии сегодня осуществляется по иным принципам, нежели 10–15 лет назад), но с осознанием личных ценностей и приоритетов. И, наверное, самое сложное – построить свою систему ценностей, осознать, каково соотношение «Я»-ценностей и ценностей общества, в котором ты живешь. Именно эта система будет служить внутренним эталоном при выборе конкретных способов реализации принимаемых решений.

Л.И. Божович утверждает, что в юношеском возрасте начинают складываться регулятивные функции ценностных ориентаций [Божович 1968].

М.Р. Гинзбург отмечает, что интеграция трех взаимосвязанных составляющих самоопределения в ранней юности – личностного, социального и профессионального – предполагает, прежде всего, активную работу самосознания личности [Абульханова-Славская 1980].

Также мы можем отметить, что на формирование ценностных ориентаций в юношеский период развития человека оказывает влияние тот факт, насколько данная личность социально зрелая. Социальная зрелость и ее составляющая – ответственность – формируются лишь в адекватной деятельности при свободе в принятии решений относительно самого себя.

Еще один из важных моментов существования человека как личности связан с сохранением личностного равновесия, которое задается извне социальной группой, однако коренное изменение

окружения (вхождение в другую группу) сможет привести к запуску преобразовательных процессов внутри личности.

Сформировавшиеся ценности требуют постоянного подтверждения в результатах жизнедеятельности. Если данное равновесие нарушается, то это приводит к переоценке ценностей и выработке новых индивидуальных форм поведения, учитывающих изменившиеся условия. Личность, ориентируясь на собственную систему ценностных ориентаций, закрепляется в выборе своих поступков и действий согласно предлагаемой социальной ситуации. Человек совершает то, что продиктовано его внутренними нормами. Однако в процессе жизнедеятельности изменяются социальные ситуации взаимодействия личности с окружением, меняется само окружение личности, что может привести к трансформации ценностных ориентаций внутри личности.

Выбор ценности сопряжен с долей неопределенности, которую может нести социальная ситуация взаимодействия, и возможностью совершения ошибки. Являясь результатом деятельности, ценности задают вектор, определяющий как цели, так и средства достижения этих целей. А сама деятельность обеспечивает осознание человеком окружающего мира и самого себя. В однотипных ситуациях межличностного взаимодействия люди могут принимать совершенно различные решения. Это можно объяснить тем, что и сами ситуации каждым воспринимаются совершенно по-разному. Каждая ситуация трактуется личностью через ее собственные переживания, через предыдущий опыт.

В процессе воспитания, общения и трудовой деятельности у человека формируется иерархическая система отношений к действительности и к самому себе, в соответствии с которой разные отношения приобретают для него различное значение. Эти различия для самого человека имеют неодинаковую степень ценности, важности явления или предмета. Большая или меньшая ценность, положительная или отрицательная значимость предметов и явлений мира вещей и социальной действительности представляют собой основу для изучения и понимания ценностных ориентации. Каждая личность на протяжении своей жизни формирует систему устойчивых мотивов, на чьей основе складываются ее относительная независимость от обстоятельств, избирательное отношение к различным объектам и ситуациям. Одной из существенных сторон мотивации поведения человека является направленность. Направленность личности может рассматриваться как совокупность устойчивых мотивов, относительно независимых от ситуаций, включающая в себе ряд компонентов: мотив (влечение и желания), цель (интересы и склонности) и ценностные ориентации (идеалы, мировоззрение и убеждение).

Таким образом, особое значение приобретает связь ценностных ориентаций с направленностью личности. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее взглядов на окружающий мир, других людей и основу мировоззрения.

Параллельно с развитием личности изменяются качественно и количественно и ее внутренние движущие силы, дающие человеку возможность увеличивать влияние собственной личности на свое поведение и ставить цели в большей мере самостоятельно, чем под влиянием среды. Именно система ценностей регулирует процесс развития внутренних движущих сил, одновременно с этим изменяясь под влиянием принятых решений. Чем более самостоятельна личность и чем большее количество решений она принимает, тем выше становится вероятность того, что ценности, какими бы стойкими они не казались, изменятся, повысив или понизив активность личности.

Ценности, выступая как концепции жизненных предпочтений личности (или социальной группы), отражающие ее способности осмысления окружающей реальности, оценочного отношения к ней, а также ее эмоциональное (аффективное) состояние, могут послужить важным ориентиром становления личности юношей и девушек как в ситуации транзитивности, так и в ситуации стабильности современного общества.

Анализ и обсуждение результатов

Значимой терминальной ценностью для большинства представителей юношеского возраста является любовь (рис. 1). Главным содержанием влюбленности юношей и девушек становится общение – беседа, разговор о себе, своих интересах, увлечениях, мечтах и планах на будущее. Та страстность, с которой защищают представители юношеского возраста свою любовь от различных вмешательств окружающих взрослых, связана с серьезностью и значимостью для юношей и девушек этого общения. Через партнера, в интимной, доверительной беседе представитель юношеского возраста познает себя и готов защищать от взрослых свое право на индивидуальность. Первая влюбленность чрезвычайно серьезна в том смысле, что обладает колоссальным значением для молодежи, а возможности найти другого доверительного собеседника ограничены. В период юношеского возраста важным является поиск партнера, формирование близких отношений с противоположным полом.

Также значимой для 30% юношей и девушек выступает материально обеспеченная жизнь, которая дает возможность реализовывать свои мечты и желания. Современный успех немыс-

лим без материальной обеспеченности. Многим молодым людям хочется в будущем путешествовать и отдыхать с удовольствием, ездить на престижных автомобилях, иметь комфортабельное жилье, питаться здоровой пищей. Только для 20% представителей юношеского возраста значима счастливая семейная жизнь. В данном возрасте нет устойчивой потребности создать семью и воспитывать детей. В современном обществе молодые люди не стараются рано обзавестись семьей, так как это накладывает огромную ответственность за другого человека. В этот период они получают образование и реализуют свои возможности, стараются построить карьеру, материально себя обеспечить.

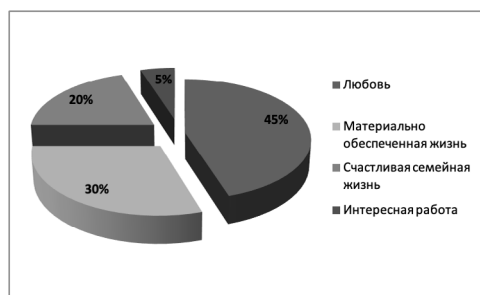

Рис. 1. Наиболее значимые терминальные ценности жизни у представителей юношеского возраста

В меньшинстве представители юношеского возраста в качестве значимой терминальной ценности выбрали интересную работу. Интересная работа может рассматриваться как залог успеха, реализации своих профессиональных интересов и возможностей. Также может приносить материальный доход, расширять коммуникативные связи.

Большинство представителей юношеского возраста выбрали в качестве незначимой терминальной ценности развлечения, которые в их представлении носят ситуативный характер (рис. 2). В ситуации транзитивности развлечения начинают терять свою значимость. Творчество, счастье других и уверенность в себе рассматриваются юношами и девушками как малозначительные ценности-цели, которые, по мнению респондентов, не опосредуют индивидуальное существование человека. Мы можем лишь предположить, что в ситуации стабильности незначимые терминальные ценности были бы совсем другими.

Для большинства представителей юношеского возраста образованность выступает в качестве ведущей инструментальной ценности (рис. 3). Хорошее образование, по мнению представи-

телей юношеского возраста, – это прекрасная возможность построить карьеру, получить престижную и высокооплачиваемую работу, т.е. обеспечить себе стабильное будущее. Тем более, что современное общество предлагает богатый выбор направлений и форм обучения.

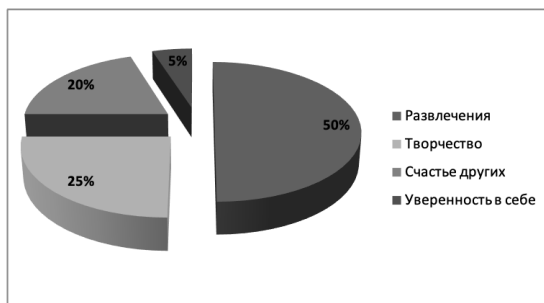

Рис. 2. Незначимые терминальные ценности жизни у представителей юношеского возраста

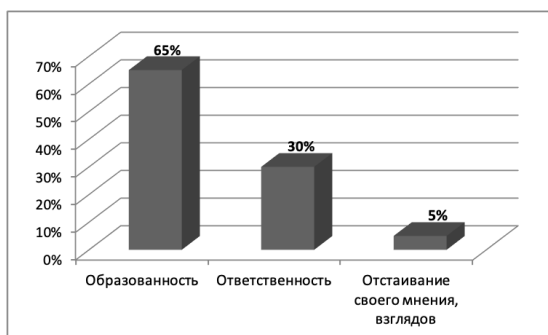

Рис. 3. Значимые инструментальные ценности жизни у представителей юношеского возраста

30% выделяют ответственность как значимую инструментальную ценность, которая помогает в принятии важных решений и выступает важным свойством личности в жизни.

Отстаивание своего мнения, взглядов – как ценность-средство – важно меньшинству юношей и девушек, поскольку оно зависит от характера человека, индивидуальных особенностей и социального окружения.

Для большинства представителей юношеского возраста не имеет значения наличие такой инструментальной ценности, как чуткость. Возможно, эта ценность воспринимается как излишняя слабость, особенно у представителей мужского пола. Высокие за-

просы констатировали 30% респондентов, меньшинство выбирает рациональность и самоконтроль как незначимые инструментальные ценности (рис. 4).

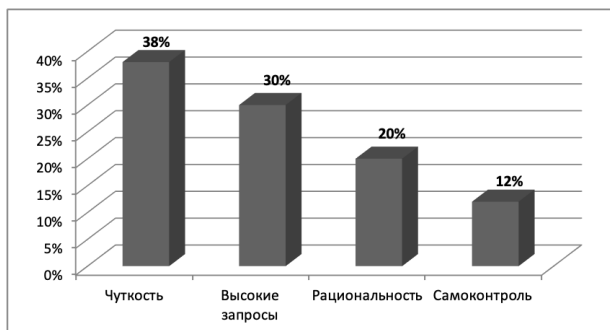

Рис. 4. Незначимые инструментальные ценности жизни у представителей юношеского возраста.

Для выявления значимых различий степени выраженности терминальных ценностей между юношами и девушками нами был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни (уровень значимости $p \leq 0,05$). Значимость критерия оказалась больше 0.05 ($p=0.684$), следовательно, значимых различий не было выявлено.

Для выявления значимых различий степени выраженности инструментальных ценностей между юношами и девушками нами был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни (уровень значимости $p \leq 0,05$). Значимость критерия оказалась больше 0.05 ($p=0.473$), следовательно, значимых различий также не было выявлено.

Заключение

Обобщив полученные результаты, мы сделали следующие выводы:

1. В ситуации транзитивности большинство представителей юношеского возраста в качестве значимых базовых ценностей, которые выступают общечеловеческими, универсальными нравственными стандартами, выделяют любовь и материально обеспеченную жизнь.

2. Образованность рассматривается как ведущая инструментальная ценность у большинства юношей и девушек. В ситуации неопределенности именно она опосредует их убеждения, способности, навыки и поведенческие проявления.

3. Для большинства представителей юношеского возраста

развлечения, чуткость и высокие запросы являются незначимыми ценностными ориентациями.

4. Отсутствие значимых различий по гендерному признаку может указывать на актуализацию ценностных ориентаций в ситуации неопределенности у представителей юношеского возраста только по возрастному признаку в контексте нашего эмпирического исследования. Безусловно, расширение диагностических возможностей позволит рассмотреть данную проблематику в разных ее аспектах.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания FNRE-2021-0001.

Acknowledgments

This work was supported by the state task, project FNRE-2021-0001.

Литература

Абульханова-Славская 1980 – *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 299 с.

Алексеева 1979 – *Алексеева В.Г.* Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. М.: Смысл, 1979. 158 с.

Андреева 2004 – *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004. 365 с.

Божович 1968 – *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.

Гуревич 2007 – *Гуревич П.С.* Преображение ценностей как чрезвычайная ситуация. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. 120 с.

Залесский 1994 – *Залесский Г.Е.* Психология мировоззрения и убеждений личности. М.: Изд-во МГУ, 1994. 138 с.

Карандашев 2004 – *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 72 с.

Леонтьев 2003 – *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Малахов 2002 – *Малахов В.А.* Ценность как категория культуры // Философская мысль. 2002. № 5. С. 76–85.

Рубинштейн 2003 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003. 508 с.

Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Шварц и др. 2012 – Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.

References

Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1980), *Deyatel'nost' i psikhologiya lichnosti* [Activity and personality psychology], Nauka, Moscow, Russia.

Alekseeva, V.G. (1979), *Cennostnye orientacii lichnosti i problema ih formirovaniya* [Value orientations of personality and the problem of their formation], Smysl, Moscow, Russia.

Andreeva, G.M. (2004), *Social'naja psihologija: Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij*, [Social psychology: Textbook for higher educational institutions], 5th ed., Aspect Press, Moscow, Russia.

Bozhovich, L.I. (1968), *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood], Prosveshchenie, Moscow, Russia.

Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskah smysla* [Man in search of Meaning], Progress, Moscow, Russia.

Gurevich, P.S. (2007), *Preobrazhenie cennostej kak chrezvychajnaja situacija*, [Transformation of values as an emergency], MPSI, Moscow, MODEK, Voronezh, Russia.

Karandashev, V.N. (2004), *Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz's methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance], Rech, St. Petersburg, Russia.

Leontiev, D.A. (2003), *Psihologija smysla: Priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: Nature, structure and dynamics of semantic reality], 2nd ed., Smysl, Moscow, Russia.

Malakhov, V.A. (2002), "Value as a category of culture", *Filosofskaja mysl'*, no. 5, pp. 76–85.

Rubinstein, S.L. (2003), *Osnovy obshhej psihologii* [Fundamentals of General Psychology], Piter, St. Petersburg, Russia.

Schwartz, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S. and Lipatova, A.S. (2012), Refined theory of basic individual values: application in Russia, *Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki*, vol. 9, no. 2, pp. 43–70.

Zalessky, G.E. (1994), *Psihologija mirovozzrenija i ubezhdenij lichnosti* [Psychology of the worldview and beliefs of the individual], izd-vo MGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ольга В. Гребенникова, кандидат психологических наук, доцент, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *grebennikova577@mail.ru*

Information about the author

Olga V. Grebennikova, Cand. of Sci (Psychology), assistant professor, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *grebennikova577@mail.ru*

Психологические и личностные особенности
младших школьников, имеющих склонность
к девиантному поведению

Елена В. Бахадова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bach-ew@mail.ru*

Алена М. Макарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, am.pdp@gmail.com*

Аннотация. В статье обсуждается проведенное исследование психологических и личностных особенностей младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению. Чаще всего девиации проявляют дети подросткового возраста, поэтому достаточно редко в поле зрения исследователей попадают младшие школьники. Однако предпосылки социальной дезадаптации и отклоняющегося поведения могут наблюдаться уже в предподростковом возрасте, в связи с чем важно уже на ранних этапах выявлять такие особенности и предлагать коррекционные мероприятия. В исследовании приняли участие 62 младших школьника, учащихся четвертых классов московских школ. Целью было определить соотношение уровня агрессии, тревожности, уровня эмоционального интеллекта и ассертивности поведения у младших школьников, имеющих отклоняющееся поведение. В результате обнаружены значимые различия между характеристиками учащихся с девиантным поведением и без такового. Младшие школьники с отклоняющимся поведением продемонстрировали такие особенности, как: тревожность, склонность ко лжи, раздражительность и стремление к самоповреждающим действиям, склонность к агрессивному, зависимому и делинквентному поведению. Они чаще испытывают чувство вины, проявляют подозрительность, обидчивость и негативизм, имеют менее развитый эмоциональный интеллект и невысокие, но близкие показатели по уровню ассертивности поведения по сравнению со школьниками без отклонений в поведении.

Ключевые слова: психологические и личностные особенности, младшие школьники, девиантное поведение, тревожность, агрессивность, эмоциональный интеллект, ассертивность поведения

Для цитирования: Бахадова Е.В., Макарова А.М. Психологические и личностные особенности младших школьников, имеющих склонность к

девиантному поведению // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 149–164. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-149-164

Psychological and personal characteristics of younger schoolchildren, prone to deviant behavior

Elena V. Bakhadova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bach-ev@mail.ru*

Alena M. Makarova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, am.pdp@gmail.com*

Abstract. The study of psychological and personal characteristics of younger schoolchildren with a tendency to deviant behavior is discussed in the article. Most often, deviations are manifested by teenage children, therefore, younger schoolchildren rarely come into the field of view of researchers, but the prerequisites for social maladaptation and deviant behavior can be observed already in pre-adolescence, and therefore it is important to identify such features at an early stage and offer corrective measures. The study involved 62 junior schoolchildren, representatives of the fourth grades of Moscow schools. It was important to clarify the relationship between the level of aggression, anxiety, the level of emotional intelligence and assertiveness of behavior in younger schoolchildren with deviant behavior. As a result of the study, significant differences were found between the characteristics of students with and without deviant behavior. Younger schoolchildren with deviant behavior showed such features as: anxiety, a tendency to lie, irritability and the desire for self-damaging actions, a tendency to aggressive, dependent and delinquent behavior. They often feel guilty, show suspicion, resentment and negativism, have lower emotional intelligence and a low, but close indicator of the level of assertiveness of behavior towards schoolchildren without deviations in behavior.

Keywords: psychological and personal characteristics, younger schoolchildren, deviant behavior, anxiety, aggressiveness, emotional intelligence, assertiveness of behavior

For citation: Bakhadova, E.V. and Makarova, A.M. (2022), “Psychological and personal characteristics of younger schoolchildren, prone to deviant behavior”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogy. Education” Series*, no. 4, pp. 149–164, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-4-149-164

Введение

Девиантное, или отклоняющееся от нормативного, поведение – явление не новое, но оно претерпевает изменения, обрастает новыми особенностями, возрастными, психологическими и личностными характеристиками в разные временные периоды. В связи с обострением эпидемиологической ситуации в мире и развитием информационных технологий, в обществе наблюдается нарастание уровня тревоги и агрессии, что способствует развитию отклоняющегося поведения. Младшие школьники весьма подвержены воздействию данных факторов в силу возрастных особенностей.

По мнению современных девиантологов, чаще всего социальные девиации проявляют дети подросткового возраста [Клейберг 2016]. В тоже время, специалисты, связанные с данной проблематикой, придерживаются мысли, что обозначать отклоняющееся поведение ребенка как девиантное можно не ранее возраста девяти лет [Змановская, Рыбников 2010]. Потому в исследуемом возрастном периоде можно говорить скорее о склонности, поскольку девиантное поведение свойственно больше подростковому возрасту. Но заканчивая начальную школу, дети начинают проявлять себя уже как младшие подростки [Эльконин 1971]. Поэтому, основываясь на теоретических взглядах современных психологов, в младшем школьном возрасте мы можем выделять склонность к девиантному поведению, на практике же встречаются девиантные и даже делинквентные младшие школьники, проявляющие высокий уровень нетерпимости, агрессии и деструктивности к социуму.

Вопрос проявления агрессии и тревожности в настоящее время актуален как никогда. Стоит отметить, что данные особенности задевают все возрастные периоды и отражаются как в обществе, так и в каждой личности по отдельности. Тревожность имеет тенденцию нарастать в силу ситуации неопределенности, а вместе с тем повышается и уровень агрессии [Прихожан 2009]. Дети младшего школьного возраста так же подвержены влиянию данных феноменов, так как им доступны интернет-ресурсы и информация из СМИ. Можно предположить, что влияние СМИ более ярко отражается на личности младшего школьника в силу не до конца сформированных функциональных систем и психики в целом. Агрессивный цифровой контент часто становится провоцирующим и разрушительным для неокрепшей детской психики [Ениколопов и др. 2014]. Однако на данном возрастном этапе агрессия и тревожность еще не являются личностными чертами, но остаются пока психологическими особенностями [Бреслав 2007].

Проявление деструктивности, агрессии и тревоги современные исследователи во многом связывают с понятием эмоционального интеллекта и ассертивности. Эти характеристики, хотя и являются достаточно новыми психологическими и социальными понятиями, пришедшими в психологическое пространство недавно, не более 30 лет назад, однако берут свое начала из глубин социальной истории человека. Ведь эмоциональный интеллект и ассертивность служили развитию способности адаптироваться к среде, уживаться и находить общий язык, являясь ключевыми факторами для выживания. Эмоциональный интеллект предполагает способность понимать свои собственные эмоции и чувства, помогает человеку быть социально успешным за счет умения понимать чувства другого человека, его намерения и мотивы [Люсин 2009].

Впервые эмоциональный интеллект рассматривался Эдвардом Торндайком, который и ввел в оборот понятие социального интеллекта, описанный им как «способность понимать людей, мужчин и женщин, мальчиков и девочек, умение обращаться с людьми и разумно действовать в отношениях с людьми». Уже в 1926 году Эдвардом Торндайком был создан первый тест для измерения социального интеллекта «George Washington Social Intelligence Test». Также большой вклад в исследование эмоционального интеллекта внесли зарубежные психологи Дэниел Гоулман и Джон Готтман, чьи труды сделали это понятие не только популярным, но и дали миру целое направление практической психологии и социологии, инструменты и методы формирования значимых психологических и личностных характеристик [Гоулман 2021]. Проблему эмоционального интеллекта изучали и развивали отечественные авторы, такие как Д. Цильман, Г. Гарднер, И.Н. Андреева, Д.С. Люсин [Люсин 2009].

Ассертивность как психологический феномен обнаружил себя сравнительно недавно. Данный термин появился в 50-60 гг. XX века как противостояние агрессии и манипуляции. Ассертивное поведение, в противовес деструктивности, – это открытое по отношению к окружающим поведение, которое не направлено на то, чтобы причинить вред другим. Американский клинический психолог Эндрю Солтер первым представил ассертивность как признак психологического здоровья личности [Хохлов, Портнова 2019]. Наш соотечественник и современник В.П. Шейнов внес большой вклад в развитие понимания данного феномена, отмечая, что ассертивное поведение помогает сохранять психологическое здоровье и влияет на многие сферы нашей жизни [Шейнов 2021]. В своей книге-бестселлере «Ассертивность. Высказаться. Сказать «нет». Установить границы. Получить

контроль» Патрик Кинг описывает всю важность ассертивного поведения, влияние ассертивности на коммуникацию с окружающими, на психологическое и физическое состояние [Кинг 2019]. Несформированность ассертивности может приводить к формированию девиантного поведения, дезадаптации в социальной и образовательной среде, так как это качество способствует развитию коммуникативных качеств и устойчивости личности. Данные положения подчеркивают важность овладения качеством ассертивности уже с ранних лет, ведь многие психологические качества закладываются в нас уже с детства.

Младший школьный возраст является наиболее продуктивным периодом для формирования познавательного и ценностного отношения к миру, освоения навыков учебной деятельности и коммуникации со своими сверстниками, организованности и процессов саморегуляции [Леонтьев 1975]. На данном возрастном этапе изменяется способность к произвольной регуляции поведения. Л.С. Выготский говорил о том, что происходящая в этом возрасте «утрата детской наивности» характеризует новый уровень развития мотивационно-потребностной сферы, что дает ребенку возможность руководствоваться уже сознательными целями, социально принятыми нормами, правилами и способами поведения в обществе [Выготский 1996]. Поэтому данный возрастной период богат скрытыми возможностями развития, которые важно своевременно улавливать и поддерживать. Основы многих психических качеств личности закладываются и культивируются именно в младшем школьном возрасте.

Интерес к изучению психологических и личностных особенностей младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению, связан с малой представленностью данной темы в этом возрастном разрезе, а предложенные характеристики (агрессия, тревожность, эмоциональный интеллект, ассертивность) стали предметом исследования: так как именно они могут быть точками уязвимости для развития склонности к девиантному поведению. Потому гипотезой исследования явилось предположение о том, что младшие школьники со склонностью к девиантному поведению будут иметь отличные от группы школьников с нормативным поведением характеристики: у группы склонных к девиантному поведению детей возможен значимо более высокий уровень тревожности и агрессии, более низкий уровень эмоционального интеллекта и ассертивности поведения по сравнению с младшими школьниками, не имеющими отклоняющегося поведения.

Выборка

В исследовании приняли участие 62 младших школьника – девочки и мальчики – учащиеся четвертых классов московских школ 9-11 лет. Среди данной выборки количество мальчиков составляет 30 человек, среди них одному мальчику 9 лет (3%), 7 мальчиков в возрасте 11 лет (24%), остальным (22 человека) – 10 лет (73%); количество девочек – 32, одной из них 9 лет (3%), 6 девочек в возрасте 11 лет (19%), остальным (25 человек) – 10 лет (78%). Разделение на группы было произведено с помощью опросника СДП – опросник выявления склонности к девиантному поведению Э.В. Леуса. С помощью опросника были выделены три группы: группа с нормативным поведением (50%), группа с проявлениями социально-психологической дезадаптации (31%) и группа со склонностью к девиантности и делинквентности (19%) (рис. 1). Задача разделения респондентов в группе по полу не ставилась.

Рис. 1. Соотношение младших школьников и разделение их на группы с помощью опросника «СДП» на выявление склонности к девиантному поведению Э.В. Леуса

Методы

Изучение психологических и личностных особенностей младших школьников с девиантным поведением было выстроено следующим образом: все респонденты ответили на вопросы теста «СДП» – склонности к девиантному поведению Э.В. Леуса, который определил показатели выраженности (В) зависимого поведения (ЗП), самоповреждающего поведения (СП), агрессивного поведения (АП), делинквентного поведения (ДП), социально обусловленного поведения (СОП). Затем школьникам был предложен опросник Басса-Дарки (в адаптации Г.А. Цукерман) – тест для выявления видов проявляемой агрессии, который позволил выделить следующие шкалы: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражительность, негативизм, обидчивость,

подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Для выявления уровня тревожности была использована «Шкала явной тревожности CMAS» в адаптации А.М. Прихожан. Шкала явной тревожности для детей (The Children's Form of Manifest Anxiety Scale – CMAS) предназначена для определения тревожности как относительно устойчивого образования у детей 7–13 лет. Уровень эмоционального интеллекта мы смотрели с помощью методики «Что-почему-как» М.А. Нгуена. Для обнаружения уровня ассертивности среди младших школьников был использован тест-опросник Каппони-Новак (В. Каппони, Т. Новак) «Исследование уровня ассертивности».

Для подтверждения или опровержения выдвинутых гипотез был применен статистический анализ полученных данных с помощью программы IBM SPSS Statistics 23.0. Различия между группами оценивали с привлечением непараметрических критериев – критерия Манна-Уитни и критерия Краскала-Уоллиса. Различия считали достоверными при уровне значимости $N \leq 0,05$.

Результаты исследования

На первом этапе был проведен сравнительный анализ исследования склонности к девиантному поведению. Младшие школьники были условно разделены на группы с нормативным поведением, с проявлением социально-психологической дезадаптации и со склонностью к девиантному поведению. По показателю «склонности» имеются значимые различия между всеми тремя группами (в пределе $N \leq 0,05$ между группами и $N \leq 0,001$ между крайними группами), что свидетельствует о реальном различии поведения младших школьников в выделенных группах (рис. 2).

Выделенные с помощью опросника Э.В. Леуса проявления девиантности, присущие младшим школьникам представителям различных групп, показывают однонаправленность возрастания их к максимально высоким показателям: делинквентное, зависимое, самоповреждающее и агрессивное поведение растут вместе с повышением склонности к девиантному поведению (рис. 3).

Полученные данные позволяют говорить о подтверждении гипотезы о том, что младшие школьники со склонностью к девиантному поведению будут иметь отличные от детей без склонности к девиантному поведению характеристики, что иллюстрирует статистический анализ, представленный в таблице 1.

Таблица 1

Показатели значимости различий характеристик склонности к девиантному поведению, выявленные с помощью критерия по Краскалу-Уоллису

		Группа нормы	Группа с соц.-психологической дезадаптацией	Группа склонных к девиантному поведению	Уровень значимости различий
1	Делинквентное поведение	17,29	41,71	52,04	**0,000
2	Зависимое поведение	24,76	32,71	47,00	**0,001
3	Самоповреждающее поведение	16,61	40,39	55,88	**0,000
4	Агрессивное поведение	19,42	40,97	47,71	**0,000

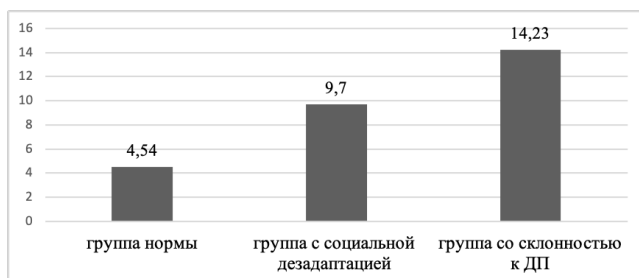

Рис. 2. Средние баллы общего показателя склонности к девиантному поведению в различных группах младших школьников, исследуемых на выявление склонности к девиантному поведению с помощью опросника «СДП» Э.В. Леуса

Рис. 3. Соотношение результатов по критериям склонности к девиантному поведению (по методике СДП Э.В. Леуса) в различных группах младших школьников ($H \leq 0,000$ и $H \leq 0,001$)

Обратим внимание на то, что проявления самоповреждающего поведения имеют наиболее выраженную тенденцию в группе со склонностью к девиантному поведению. Возможно, таким образом дети со склонностью к девиантному поведению «наказывают» себя. Это предположение найдет свое соотнесение с теоретическими взглядами и с полученными нами результатами, которые оказались связаны с показателем «чувство вины» в опроснике агрессивности, а дети без признаков склонности к девиантному поведению имеют значительно более низкие средние значения по данной шкале: группа норма выходит здесь на средний уровень 24,71 балла, тогда как склонные к девиантному поведению имеют по средним значениям 48,33 балла (табл. 2).

С помощью опросника Басса-Дарки в адаптации Г.А. Цукерман были выделены различные виды проявляемой агрессии и общий балл агрессивности, которые показывают выраженную тенденцию к нарастанию агрессии у группы со склонностью к девиантному поведению (рис. 4).

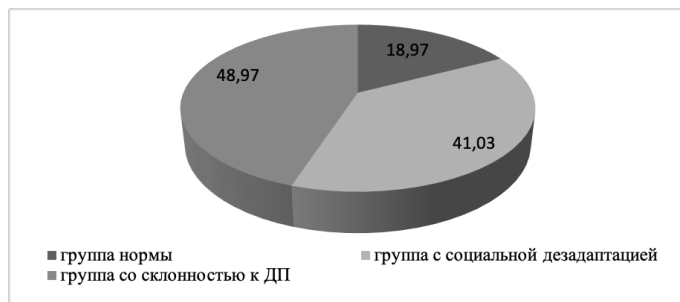

Рис. 4. Средние баллы общего показателя агрессивности в различных группах младших школьников, исследуемых с помощью опросника Басса-Дарки

Но не только общий балл, но все выделенные виды агрессии имеют подобную тенденцию: повышаются оценки всех показателей агрессивности у младших школьников со склонностью к девиантному поведению (достоверно значимые различия по критерию Краскала-Уоллиса, где $H \leq 0,000$ и $H \leq 0,01$) (табл. 2).

На этапе социальной дезадаптации дети усиливают все агрессивные тенденции, что неизбежно приближает их к «группе риска», и в большей степени демонстрируют самые высокие оценки по показателям: обидчивость, подозрительность, чувство вины, косвенная агрессия, которые проявляются у детей группы склонных к девиантному поведению.

Таблица 2

Средние значения показателей агрессивности по опроснику
Басса-Дарки и значимость их различий
по критерию Краскала-Уоллиса

	Группа нормы	Группа с соц.-психол. дезадаптацией	Группа склонных к девиантному поведению	Уровень значимости различий
Негативизм	24,39	38,76	38,38	**0,006
Раздражительность	23,98	37,13	42,00	**0,002
Физическая агрессия	23,92	39,84	37,88	**0,003
Вербальная агрессия	22,77	39,84	40,83	**0,001
Подозрительность	22,16	37,68	45,83	**0,000
Чувство вины	24,71	38,26	48,33	**0,001
Косвенная агрессия	22,84	36,37	46,17	**0,000
Обидчивость	20,48	37,71	50,13	**0,000
Общий балл агрессии	18,97	41,03	48,79	**0,000

Следующим шагом стало соотнесение показателей тревожности, эмоционального интеллекта и асертивности. На рисунке 5 отображены тенденции нарастания тревожности в группах младших школьников.

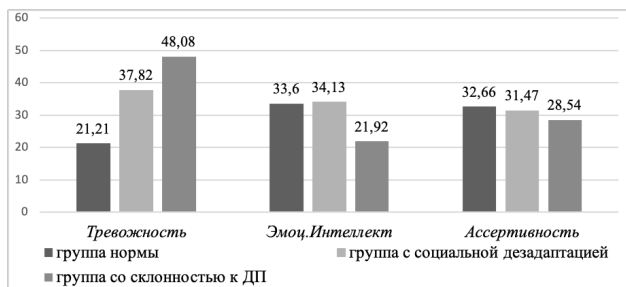

Рис. 5. Соотношение результатов степени выраженности склонности к девиантному поведению с уровнем тревожности, эмоционального интеллекта, асертивности

Так, у группы младших школьников со склонностью к девиантному поведению тревожность более чем в два раза превышает уровень тревожности группы детей с нормативным поведением, которые были исследованы с помощью «Шкалы явной тревожности СМАС» в адаптации А.М. Прихожан. Здесь также получены высокие достоверно значимые различия по критерию

Краскала-Уоллиса, где $N \leq 0,000$ (табл. 3), что свидетельствует о серьезном неблагополучии этих детей. Значимые различия мы получили между социально-желательными ответами, которые дают дети разных групп ($N \leq 0,05$), причем наиболее яркими в этом ключе оказываются соотносимые по нарастанию с тревожными ответами позиции детей со склонностью к девиантному поведению: именно эти дети больше тревожатся и стремятся получить одобрение за свои ответы (табл. 3). Это позволяет говорить о склонности ко лжи категории учащихся со склонностью к девиантному поведению.

Как известно, тревожность и агрессия имеют между собой обычно прямую и высокую корреляционную связь, что подтверждается нашим исследованием. Также все эти данные подтверждает нашу первую гипотезу о том, что младшие школьники со склонностью к девиантному поведению будут иметь отличные от группы школьников с нормативным поведением характеристики: у группы склонных к девиантному поведению детей будет значимо более высокой уровень тревожности и агрессии.

Таблица 3

Соотнесение средних значений показателей тревожности, эмоционального интеллекта, ассертивности и значимость их различий по критерию Краскала-Уоллиса

	Группа нормы	Группа с соц.-психологической дезадаптацией	Группа склонных к девиантному поведению	Уровень значимости различий
Ассертивность	32,66	31,47	28,54	0,716
Социально желаемые ответы	26,04	24,58	37,85	*0,019
Тревожность	21,21	37,82	48,08	**0,000
Эмоциональный интеллект	33,60	34,13	21,92	0,109

Обратим внимание на показатели эмоционального интеллекта: у первых двух групп. Они оказались практически на одном уровне, но ниже эмоциональный интеллект у младших школьников группы со склонностью к девиантному поведению. При сравнении трех групп значимых различий выявлено не было. При более тщательном исследовании этой характеристики значимые различия все же выявлены, но только между показателями эмоционального интеллекта группы младших школьников с социально-психологической дезадаптацией и детей со склонностью к девиантному поведению – уровень значимости различий $U \leq 0,05$ по Манна-Уитни. (табл. 4).

Таблица 4

Соотнесение средних значений шкалы «Эмоциональный интеллект» в группах с разной степенью выраженности склонности к девиантному поведению и значимость различий между показателями по критерию по Манна-Уитни

№	Группы степени выраженности ДП	Средний ранг	Уровень значимости различий
1	Норма	25,45	0,976
	Соц-псих.дезадаптация	25,58	
2	Склонность к ДП	16,46	0,071
	Норма	24,15	
3	Склонность к ДП	11,96	*0,048
	Соц-псих.дезадаптация	18,55	

Представленные данные позволяют сделать вывод, что гипотеза о том, что у детей со склонностью к девиантному поведению будет более низкий уровень эмоционального интеллекта, частично доказана.

Подобное движение мы наблюдаем и по показателям ассертивности младших школьников: здесь средний балл развитости ассертивного поведения снижается в зависимости от степени выраженности склонности к девиантному поведению. И хотя значимых различий не выявлено, и выдвинутая гипотеза о том, что дети со склонностью к девиантному поведению будут иметь более низкий уровень ассертивности поведения по сравнению с другими младшими школьниками, не имеющими сложности в поведении, тем самым не доказана, тенденция, замеченная нами, все же, прослеживается.

Представленный анализ позволяет нам говорить о том, что как эмоциональный интеллект, так и ассертивность, являясь личностными характеристиками, предполагают у ребенка наличие некоторого опыта: знание своих эмоций, распознавание эмоций другого человека, навык выдерживать эмоциональный прессинг, умение сказать «нет» и удержаться в своих позициях. Всем этим навыкам необходимо обучать детей школьного возраста, а по возможности начинать делать это раньше – уже в дошкольном детстве, о чем говорит опыт педагогов-новаторов [Шильцова 2012].

Таким образом, первые две гипотезы о том, что младшие школьники с девиантным поведением и школьники с нормативным поведением будут иметь различные поведенческие характеристики, что первые будут иметь значимо более высокой уровень

тревожности и агрессии, были доказаны. Гипотеза о том, что школьников с девиантным поведением будет характеризовать более низкий уровень эмоционального интеллекта, доказана частично. Не подтвердилось предположение о том, что у них будет наблюдаться более низкий уровень ассертивности поведения по сравнению с младшими школьниками, не имеющими отклоняющегося поведения.

Заключение

В результате исследования детей младшего школьного возраста с проявлениями девиантного поведения были обнаружены следующие особенности, которые могут составить их психологический портрет:

– такие дети склонны к деструктивному, делинквентному, зависимому, агрессивному и самоповреждающему поведению; они более тревожны и раздражительны, нежели младшие школьники с нормотипичным поведением; они проявляют негативизм, подозрительность и обидчивость; они в большей степени демонстрируют физическую, вербальную и косвенную агрессию, чаще испытывают чувство вины и дают на поставленные вопросы социально желаемые, одобряемые обществом ответы;

– дети с такими особенностями поведения имеют более низкий эмоциональный интеллект, по сравнению с группой детей без склонности к девиантному поведению;

– уровень развитости ассертивного поведения не отличается от уровня развития этого же умения у их сверстников.

Возможно, полученные результаты по последней характеристике младших школьников связаны с тем, что в дошкольных учреждениях и в школах все еще мало уделяется внимания развитию ассертивности детей и подростков, следовательно, дети не имеют представлений о том, что значит быть «ассертивными».

Проведенное исследование и выявленные психологические и личностные особенности младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению, являющихся предпододростками – тем самым особой категорией учащихся, позволят более профессионально и более внимательно отнестись к этой категории детей группы риска для своевременной коррекции и формирования адаптивных характеристик современных младших школьников.

Литература

Бреслав 2007 – *Бреслав Г.М.* Психология эмоций. М.: Смысл, 2007. 541 с.

- Выготский 1996 – *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
- Гоулман 2021 – *Гоулман Д.* Социальный интеллект. Новая наука о человеческих отношениях. М.: АСТ, 2021. 650 с.
- Ениколопов и др. 2014 – *Ениколопов С.Н., Кузнецова М., Чудова Н.В.* Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014. 492 с.
- Змановская, Рыбников 2010 – *Змановская Е.В., Рыбников В.Ю.* Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
- Кинг 2019 – *Кинг П.* Ассертивность. Высказаться. Сказать «нет». Установить границы. Получить контроль. М.: Библос, 2019. 208 с.
- Клейберг 2016 – *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 290 с.
- Леонтьев 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Люсин 2009 – *Люсин Д.В.* Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 351 с.
- Прихожан 2009 – *Прихожан А.М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб.: Питер, 2009. 192 с.
- Хохлов, Портнова 2019 – *Хохлов А.А., Портнова А.Г.* Ассертивный человек. Восхождение к себе. Очерки по психологии пассивного, агрессивного и ассертивного поведения. М.: Издательские решения, 2019. 370 с.
- Шейнов 2021 – *Шейнов В.П.* Говорить «нет», не испытывая чувства вины. СПб.: Питер, 2021. 256 с.
- Шильцова 2012 – *Шильцова Ю.В.* Ассертивность как механизм социальной адаптации дошкольников. Saarbruken: LAP, 2012. 172 с.
- Эльконин 1971 – *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.

References

- Breslav, G.M. (2007), *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions], Smysl, Moscow, Russia.
- Elkonin, D.B. (1971), “On the problem of periodization of mental development in childhood”, *Questions of Psychology*, no. 4, p. 6–20.
- Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M. and Chudova, N.V. (2014), *Agressiya v obydennoi zhizni* [Aggression in everyday life], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Goulman, D. (2021), *Sotsial'nyi intellekt. Novaya nauka o chelovecheskikh otnosheniyakh* [Social intelligence. The New Science of Human Relations], AST, Moscow, Russia.

Khokhlov, A.A. and Portnova, A.G. (2019), *Assertivnyi chelovek. Voskhozhdenie k sebe. Ocherki po psikhologii passivnogo, agressivnogo i assertivnogo povedeniya* [Assertive person. Ascension to yourself. Essays on the psychology of passive, aggressive and assertive behavior], Izdatel'skie resheniya, Moscow, Russia.

King, P. (2019), *Assertivnost'. Vyskazit'sya. Skazat' "net". Ustanovit' granitsy. Poluchit' kontrol'* [Assertiveness. Speak out. Say no. Set boundaries. Get control], Byblos, Moscow, Russia.

Kleiberg, Yu.A. (2016), *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Psychology of deviant behavior: textbook and workshop for universities], 5th ed., Yurayt, Moscow, Russia.

Leontiev, A.N. (1975), *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality], Politizdat, Moscow, Russia.

Lyusin, D.V. (2009), *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt* [Social and emotional intelligence. From Processes to Measurements], in Lyusina, D.V. and Ushakova, D.V. (ed.), Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia.

Prihozhan, A.M. (2009), *Psikhologiya trevozhnosti: doshkol'nyi i shkol'nyi vozrast* [Psychology of anxiety: preschool and school age], Piter, Saint Petersburg, Russia.

Sheinov, V.P. (2021), *Govorit' "net", ne ispytyvaya chuvstva viny* [Saying "no" without feeling guilty], Piter, Saint Petersburg, Russia.

Shiltsova, Yu.V. (2012), *Assertivnost' kak mekhanizm sotsial'noi adaptatsii doshkol'nikov* [Assertiveness as a mechanism for social adaptation of preschool children], LAP, Saarbrücken, Germany.

Vygotsky, L.S. (1996), *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology], in Davydov, V.V. (ed.), Pedagogika-Press, Moscow, Russia.

Zmanovskaya, E.V. and Rybnikov, V.Yu. (2010), *Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie* [Deviant behavior of an individual and a group: Textbook], Piter, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Елена В. Бахадова, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bach-ev@mail.ru

Алена М. Макарова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; am.pdp@gmail.com

Information about the authors

Elena V. Bakhadova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *bachev@mail.ru*

Alena M. Makarova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *am.pdp@gmail.com*

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

И.В. Попова

Компьютерная верстка

В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать 16.12.2022.
Формат 60x90^{1/16}.
Уч.-изд. л. 10. Усл. печ. л. 10,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1636.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6